

Министерство образования и науки Российской Федерации
Амурский государственный университет

ISSN 2221 – 5220

Фольклорно-диалектологический альманах

СЛОВО

Материалы научных экспедиций

Выпуск 12

АМУРСКОЕ КАЗАЧЕСТВО
ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

Благовещенск
2015

*Печатается
по решению ученого совета Амурского государственного университета*

С48 **Слово:** Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 12. Амурское казачество: язык и культура / Под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. – Благовещенск: АмГУ, 2015. – 200 с.

Выпуск содержит результаты научных исследований регионального языкового пространства – сибирского и дальневосточного, а также обработанные и научно интерпретированные диалектные и фольклорные материалы, записанные во время научных экспедиций в села Амурской области, начиная с 2000 г. Основной темой выпуска является язык и культура амурского казачества, ей посвящены разделы «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Язык фольклора». Альманах представляет интерес не только для лингвистов и фольклористов, но и историков, этнографов, краеведов. К альманаху прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, опубликованные в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, выполненные во время фольклорно-диалектологических экспедиций.

Издание входит в базу данных РИНЦ.

ББК 822.3(2Рос) – 67

Редакторы: Е.А. Оглезнева, д-р филол. наук
 Н.Г. Архипова, канд. филол. наук

Редакция компакт-диска: Д.Н. Галимова

Ответственный за выпуск: Н.А. Сосина

Оформление обложки: Ю.М.Гофман
В оформлении обложки использована фотография Андрея Оглезнева

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-51116 от 04 сентября 2012 г.

© Амурский государственный университет, 2015
© Кафедра русского языка, 2015
© Лаборатория региональной лингвистики, 2015
© Галимова Д., Оглезнева Е., фото

СОДЕРЖАНИЕ

<i>От редакторов.....</i>	<i>6</i>
<i>Современные лингвистические исследования</i>	
<i>Архипова Н.Г. (Благовещенск) Особенности склонения имен существительных единственного числа в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области</i>	<i>8</i>
<i>Бекасова Е.Н. (Оренбург) Генетический фон былины «Калин-царь» в сборнике Кирши Данилова.....</i>	<i>15</i>
<i>Васильев В.П., Васильева Э.В. (Кемерово) Семантическая информация слова и её дефиниционное представление в областном словаре Кузбасса</i>	<i>20</i>
<i>Косицына И.К. (Благовещенск) Новые слова в языке русской восточной эмиграции как результат словообразования.....</i>	<i>27</i>
<i>Лагута Н.В. (Благовещенск) Пространственные наречия и предлоги в диалектном языке</i>	<i>33</i>
<i>Мишанкина Н.А., Филь Ю.В. (Томск) Лингвистический корпус «Томский региональный текст: концепция и структура»</i>	<i>38</i>
<i>Ли Сыжуй (Хабаровск) Не хлебом единым... (О названиях хлебобулочных изделий в русских говорах Приамурья).....</i>	<i>49</i>
<i>История края. Избранное</i>	
<i>Записки из казачьей станицы. 1886. Подгот. к печати Н. Г. Архиповой.....</i>	<i>54</i>
<i>Речевые портреты</i>	
<i>Блохинская А.В., Оглезнева Е.А. Речевой портрет потомка забайкальских казаков (на материале речи В.Ф. Федорева, жителя с. Чесноково Михайловского района Амурской области)</i>	<i>77</i>
<i>Речевые жанры</i>	
<i>Лагута Н.В. Казачья тема в диалектном дискурсе</i>	<i>86</i>
<i>«А его видать было, деда...»</i>	<i>86</i>
<i>«Что ни казаки, они бедные...»</i>	<i>87</i>
<i>«И аллюра три креста!»</i>	<i>89</i>
<i>«Наши отцы – забайкальские казаки были»</i>	<i>90</i>
<i>«Их называли гураны»</i>	<i>92</i>
<i>«А вон там стан был ихний»</i>	<i>96</i>
<i>Словарь</i>	
<i>ОТ - ОШ (Сост. Г.М. Старыгина)</i>	<i>100</i>
<i>Язык фольклора</i>	
<i>Блохинская А.В. Казачий фольклор Приамурья</i>	<i>107</i>
<i>Школа</i>	
<i>Алексеева Г.К. (Благовещенск) К вопросу о нравственно-патриотическом воспитании школьников средствами литературы родного края (на материале повести Б.Машука «Горькие шанежки»)</i>	<i>126</i>
<i>Лагута Н.В., Самойленко Т.В. (Благовещенск - Хэйхэ) Изучение пространственных</i>	

предлогов на занятиях по русскому языку как иностранному	129
<i>Будников К.С. (Благовещенск) Рыболовные и лесные промыслы жителей сел Ивановского и Благовещенского районов Амурской области и их отражение в лексике амурских говоров</i>	<i>136</i>
70-летию Победы в Великой Отечественной войне	
<i>Галимова Д.Н. Воспоминания жителей сел Амурской области о Великой Отечественной войне</i>	<i>140</i>
<i>«Наших солдат гнали пленных суток двое, без конца, день и ночь»</i>	<i>141</i>
<i>«У нас там сильна война была...»</i>	<i>145</i>
<i>«Не дай тебе Господи, как я жила»</i>	<i>146</i>
<i>«И бомбёжки были, и бомбы летели...»</i>	<i>148</i>
<i>«То така труднота была жить»</i>	<i>151</i>
<i>«И повезли нас в телячьих вагонах»</i>	<i>153</i>
<i>«А весной ходили на поля и эту картошку гнилую выкапывали».....</i>	<i>154</i>
<i>«Нас держала на свете только картошка».....</i>	<i>156</i>
<i>«Так страшно было, як в преисподнем!».....</i>	<i>159</i>
<i>«Так нэ надо никому жить»</i>	<i>161</i>
<i>Ярошенко А. Свидетельство о рождении.....</i>	<i>162</i>
<i>Белоусов М. Вынесла все деревенька сибирская... ..</i>	<i>166</i>
Историческая справка о селах.....	170
Краткие сведения об информантах	176
Авторы	177
Научная хроника	179

CONTENTS

<i>From the editors</i>	6
<i>Contemporary Linguistic Studies</i>	
<i>Arkhipova N.G. (Blagoveschensk)</i> Specifics of change of nouns singular in the dialects of Old believers (Semeiskie) in Amur Region.	8
<i>Bekasova E.N. (Orenburg)</i> Genetic background of the bylina «Kalin-Tsar» in the Kirsha Danilov's collection	15
<i>Vasilyev V.P., Vasilyeva E.V. (Kemerovo)</i> Semantic information of the word and its definitional representation in the regional vocabulary of Kuzbass.....	20
<i>Kositsina I.K. (Blagoveschensk)</i> New words in the vocabulary of Russian Eastern emigration as a result of word formation	27
<i>Laguta N.V. (Blagoveschensk)</i> Adverbs of space and prepositions in a dialect language	33
<i>Mishankina N.A., Fil Yu.V. (Tomsk)</i> Linguistic corpus «The regional text of Tomsk: conception and structure»	38
<i>Li Sirui (Habarovsk)</i> Studying the names of bakery products in Russian dialects of the Amur region	49
<i>Regional History. Selection</i>	
Memoirs from a Cossack village 1886. <i>Edited by N.G. Arkhipova</i>	54
<i>Speech Portraits</i>	
<i>Blokhinskaya A.V., Oglezneva E.A.</i> Speech portrait of a descendant of Transbaikalian Cossacks (based on speech of V.F. Fedoreyev, Chesnokovo village, Mikhaylovsky district, Amur Region	77
<i>Speech Genres</i>	
<i>Laguta N.V.</i> The topic of the Cossacks in dialect discourse.....	86
<i>Dictionary</i>	
<i>O. Compiled by G.M. Starygina</i>	100
<i>Folklore Language</i>	
<i>Blokhinskaya A.V.</i> Cossack folklore of Priamurye	107
<i>School</i>	
<i>Alekseyeva G.K. (Blagoveschensk)</i> Moral and patriotic education of pupils by means of homeland literature, based on the novel by B. Mashuk «Bitter Shanzhki»	126
<i>Laguta N.V., Samoylenko T.V. (Blagoveschensk – Heihe)</i> Insight into prepositions of space at 129 classes of Russian as a foreign language	
<i>Budnikov K.S. (Blagoveschensk)</i> Fishing and cropping of villagers of Ivanovsky and Blagoveschensky districts of Amur Region and their reflection in the vocabulary of Amur dialects	136
<i>The 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War</i>	
<i>Galimova D.N.</i> Memories of villagers of Amur Region about the Great Patriotic War	140
<i>Yaroshenko A.</i> A birth certificate	162
<i>Belousov M.</i> It did endure everything, the Siberian village.....	166
References to the history of villages	170
Brief data about the informants	176
The authors	177
Scientific chronicle	179

ОТ РЕДАКТОРОВ

Главной темой настоящего выпуска альманаха является тема амурского казачества. Именно ей посвящены традиционные разделы нашего издания «История края. Избранное», «Речевые портреты», «Речевые жанры», «Язык фольклора».

Идея написать о языке и культуре казаков возникла по причине научного интереса к говору первопоселенцев Амурского края, а ими, как известно, являлись забайкальские казаки, заселявшие Приамурье с целью охраны государственной границы с Китаем и освоения дальневосточных земель. Забайкальские казаки, как указано во многих авторитетных источниках, были носителями севернорусских говоров. Как сохранился в течение полуторавекового присутствия забайкальских казаков на амурской земле их говор? Что представляют они собой как этническая группа? Каков их фольклор? Какой исторической памятью они обладают? Эти и другие вопросы сподвигли нас, во-первых, к постоянному вниманию к выходцам из казачьих родов в Приамурье во время наших научных экспедиций, а во-вторых, к специальным полевым исследованиям в тех селах и районах, которые считаются казачьими по истории своего заселения. В первую очередь это села, расположенные по реке Амур. Мы искали и находили потомков забайкальских казаков в Архаринском, Михайловском и Константиновском районах и пытались составить их языковой и этнографический портрет. К сожалению, судьба казачества на территории Амурской области трагична. В 20-е гг. наиболее крепкие казачьи семьи бежали за Амур. В 30-е гг., годы репрессий, многие казаки как негодные власти элементы были репрессированы, известны случаи их массового расстрела. Возможно, по этой причине нам не удалось встретить ни одного «настоящего» казака, а их потомки либо были на редкость малоразговорчивыми, либо помнили об отцах-казаках лишь по рассказам своих матерей, поскольку лишились своих отцов в малолетнем возрасте.

Однако род казачий продолжился и в них – детях казаков, не знавших своих отцов, – через этнографически показательные детали быта и особенности в речи, в частности – через использование актуальной до сих пор лексики, характерной именно для говоров казаков. Необходимо также особо отметить сознательное возрождение традиций амурского казачества в настоящее время, создание специальных организаций и творческих коллективов, проведение мероприятий для казаков и с участием казаков.

Тема «Язык и культура амурского казачества» – не единственная на страницах этого выпуска альманаха. Различные аспекты современных лингвистических исследований и не только регионального характера представлены в альманахе. География авторов публикаций: Благовещенск, Кемерово, Оренбург, Томск, Хабаровск, Хэйхэ (КНР). Однако региональный аспект преобладает: это и осмысление масштабного научного проекта – лингвистического корпуса «Томский региональный текст: концепция и структура» (статья Н.А. Мишанкиной и Ю.В.Филь), и специфика языка русского восточного зарубежья как особого региона бытования русского языка в начале и середине XX в. (статья И.К. Косицыной), это и уже по своему определению являющиеся региональными исследования русских народных говоров, а именно исследование специфики выражения морфологических категорий в говорах амурских старообрядцев (статья Н. Г. Архиповой), изучение групп лексики определенной семантики

в русских говорах Приамурья (статьи Н.В. Лагута, Ли Сыжуй, К.С. Будникова), а также исследование способов лексикографической интерпретации диалектной лексики в областном словаре (статья В.П. и Э.В. Васильевых). Изучению языка фольклора посвящена статья Е.Н. Бекасовой.

Различные аспекты в осмыслении регионального языкового материала в практике преподавания русского языка, в том числе русского языка как иностранного, представлены в статьях Г.К. Алексеевой и Н.В. Лагута в соавторстве с Т.В. Самойленко.

Особенностью настоящего выпуска является раздел, приуроченный к знаменательной дате текущего года – 70-летию Победы в Великой Отечественной войне. В разделе представлены воспоминания о войне жителей амурских сел – очевидцев тех страшных событий, случившихся еще до их переселения на амурскую землю (подготовила материалы к публикации Д.Н. Галимова), а также яркие, на наш взгляд, публикации из печатных СМИ на военную тему, раскрывающие ее в особых ракурсах (статьи А. Ярошенко и М. Белоусова).

К альманаху, как обычно, прилагается компакт-диск, включающий образцы речи и фольклора, получившие научную интерпретацию в выпуске, а также фото- и видеоматериалы, сделанные во время фольклорно-диалектологических экспедиций и иллюстрирующие содержание публикаций выпуска.

Настоящее издание и компакт-диск можно приобрести на кафедре русского языка и в лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета по адресу: 675027, Амурская область, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, корпус 7, каб. 407 и каб. 112.

Телефон: 8-(4162)394583, 8-(4162)394588.

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

С надеждой на полезное плодотворное чтение и погружение в стихию живой народной речи через публикации нашего альманаха,

Е.А. Оглезнева

Н.Г. Архипова

**ОСОБЕННОСТИ СКЛОНЕНИЯ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ
ЕДИНСТВЕННОГО ЧИСЛА В ГОВОРАХ СТАРООБРЯДЦЕВ
(СЕМЕЙСКИХ) АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ**

В статье описываются особенности склонения имен существительных в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области, обусловленные рядом факторов как собственно лингвистического, так и экстралингвистического характера, главными из которых являются степень сохранности исследуемых говоров и источники их происхождения.

Ключевые слова: старообрядцы, говоры, вариативность, региональный аспект, склонение существительных.

The article describes the specifics of first change of nouns in the dialects of Old believers (Semeiskie) Amur Region, conditioned by a number of factors of both linguistic and extralinguistic nature, the main of which is the closeness degree of interacting dialect systems.

Keywords: Old believers, dialects, variation, regional aspect, change of nouns.

Говоры старообрядцев (семейских) Амурской области относятся к группам русских говоров, распространенных на территориях позднего славянского освоения. В них сохраняются многие языковые особенности, ранее утраченные русскими переселенческими говорами.

В конце XIX-начале XX вв. старообрядцы переселялись в Амурскую область, главным образом, из Забайкалья, и до настоящего времени диалектные особенности их говоров во многом совпадают с чертами говоров старообрядцев Забайкалья [1, 2].

В процессе языкового развития под влиянием различных факторов как внешнего (миграционные процессы, преобладание носителей того или иного типа говора и др.), так и внутреннего характера (особенности внутрисистемных отношений языковых единиц, местные тенденции языкового развития и др.) старообрядческие говоры Амурской области сформировались в группы как очень близких между собой говоров, так и говоров, имеющих значительные различия. Так, на диалектной карте Приамурья можно выделить семейские говоры Свободненского и Белогорского районов, которые при существенной схожести демонстрируют различия на разных уровнях языковой системы, в том числе на морфологическом.

Говоры семейских Свободненского района (села Заган и Желтоярово) принадлежат к одному из типов традиционных старообрядческих говоров, бытующих в Амурской области. Села образованы выходцами из Тарбагатайской волости Верхнеудинского округа Забайкальской области Российской империи, а именно из сел Большой Куналей, Новый Заган и Тарбагатай. На протяжении длительного времени в этих селах практически не было миграции.

Численность потомков первых переселенцев здесь достаточно велика – до полутора тысяч человек. В этих селах до сих пор поддерживаются традиции забайкальских семейских на уровне обряда и быта как в среде самых пожилых носителей говора (самый старший информант 1917 г.р.), так и диалектоносителей старшего и среднего возраста – рожденных в 30-40-е гг. XX в. Сохранению диалектных особенностей говоров семейских способствовали браки с белорусами, в говоре которых фиксировались сходные черты.

Села Новоандреевка и Ключи Белогорского района были основаны семейскими из сел Верхне-Удинское (сейчас г. Улан-Удэ) и Десятниково. До революции жители этих сел имели непосредственные связи с семейскими других старообрядческих сел, расположенных вблизи: Натальино Благовещенского района, Москвитино Свободненского района (правый берег реки Зеи), и Никольская (сейчас Никольское) Белогорского района. Всё это были старообрядческие села, образованные семейскими из Забайкалья. В 50-е гг. в Новоандреевку приехали и поселились на самом краю села две семьи украинцев, а в конце 80-х гг. подселились еще три семьи из соседнего села Великокнязевки. До сих пор с потомками украинцев коренные андреевцы практически не поддерживают хозяйственно-бытовых отношений.

В селе Ключи на протяжении всей истории его существования подселения не было, однако параллельно с семейскими из села Десятниково оно заселялось старообрядцами из Пермской губернии, ранее проживавшими в Керженецких скитах Нижегородской губернии. Мы предполагаем, что до переселения на Ветку, а потом в Забайкалье и Прикамье эти старообрядцы могли быть выходцами с одной материнской территории. После исхода из Керженецких скитов их миграционные пути разошлись: одни могли уйти в Забайкалье, другие – в Прикамье. Одновременное переселение на Дальний Восток объясняется стремлением к прочному сохранению семейно-родственных связей у этих двух ветвей старообрядцев [3, с. 627-642].

Говоры сел Десятниково, Новый-Заган и некот.др. подробно описаны в работах ученых Бурятского государственного университета [4, 5]. Мы имеем возможность синхронного сравнения старообрядческих говоров республики Бурятия и Амурской области, а также сравнения с говорами Европейской части России по данным Диалектологического атласа русского языка [6].

В статье исследуются особенности склонения имен существительных в старообрядческих (семейских) говорах Амурской области, ранее не являвшиеся предметом специального изучения.

В семейских говорах имена существительные распределяются по трем типам склонения в зависимости от принадлежности к тому или иному роду, однако фиксируются существенные отличия от склонения имен существительных в русском литературном языке, главным образом, у существительных I склонения. Остановимся на вопросе о переходе имен существительных в I склонение, а также на особенностях формообразования имен существительных I, II и III склонения.

Яркой особенностью говоров семейских является расширение класса существительных I склонения за счет существительных III склонения.

При переходе в I склонение существительные, относящиеся в литературном языке к III склонению, приобретают флексию *-а* в форме И. п.: *цёрковь* – *цёрква*; *постель* – *постёля*; *дверь* – *двёря*: «Раньше *цёрква* была. И ходили молиться Богу *в цёркву*. Ага, всё разрушили,

иконы валялись, прямо по земле валялись иконы, валялися по земле. Потом в этом же, **в церквѣ**, клуб сделали, ходили плясали там»; «Тятя бы(в)ало, ешли хто умрѣть, боялись... ня знаю как, пойдѣть, отчитаеть, (в) **цѣркеу-то** не ходили»; «**постѣлю** потом стялила»; «**двѣря** была жѣлтая, страшная». Такой переход в говорах Центральной России отмечается чрезвычайно широко [6, карта 9].

Укажем на конкретные проявления этого процесса.

1. В говоре наблюдается конкуренция существительных *мать* – *мáтка*, *мáтеря*; *дочь* – *дóчка*, *дóча*. Как и в говорах семейских Забайкалья [4, с. 90], во всех старообрядческих говорах Амурской области более употребительны лексемы, относящиеся к I склонению, с флексиями *-а/-я*. Однако в белогорском говоре из ряда слов *мáтка*, *мáтеря*, *дóчка*, *дочкá*, *дóча* чаще употребляются *мáтка*, *дóчка*, *дóча*. В отличие от свободненского говора вариант *дочкá* практически не употребляется, по-видимому, при отсутствии поддерживающего влияния белорусского языка.

Хотя исследователи и отмечают, «что формы с основой *матк-*, *дочк-* первоначально возникли на территории говоров современного белорусского языка и тесно примыкающих к ним западных говоров русского языка, откуда они впоследствии распространялись в северном и северо-восточном направлении» [7, с. 73], однако в настоящее время распространение форм I склонения фиксируется и во многих других говорах: в северо-западных и юго-западных, в отдельных говорах северо-востока и др. [6, карта 9; 8, с. 167], что, возможно, свидетельствует об общих тенденциях, происходящих в говорах разных типов.

2. В форме Т. п. многие существительные III склонения ~~крайне~~ редко, но имеют варианты окончаний I склонения: *дóчью* (*дóчерью*) – *дóчей*, *нóчью* – *нóчей*, *мышью* – *мышей*, *жízнью* – *жízней*: «Это просто они интересуются старыми, **жízней** нашей»; «Щас все позабывала с этой **болéзней**, ёшкин»; «Я помню у нас тоже вот так палочки были, как в мяшке, мешковины были, в два-три раза они сделали, ну, провалится же рябёнок и разобьётся, а она *е(сть)* **высóко**, к кровати, **над кровáтей**»; «За *дóчей* давай посмотри».

В Д. и П. падежах (иногда и в Р. п.) у существительных III склонения окончание *-е* является ударным: «Ну, одному в няделю короў доить, одному хлеб **в пячѣ** печь, другому полы мыть, третьему в огороде там. Ну, всё по порядку было»; «Ухваты были, этот **с пячѣ** вытаскивали. Сковородник был, с русски печки, что там **с русски печѣ**»; «**В стянѣ** мы ня жили». Ударное окончание в Р., Д., П. падежах у существительных III склонения и существительных продуктивного типа I склонения отмечается в юго-западных говорах и примыкающих к южному наречию среднерусских говорах, в том числе псковских и новгородских по границе с Белоруссией [6, карта 76]. Отмечена эта особенность и в говорах семейских Забайкалья [4, с. 89].

3. В свободненском говоре слово *мышь* имеет специфические особенности склонения, обусловленные родовой принадлежностью. Так, в говоре оно может принадлежать и к м. р. и к ж. р.: *мышь пришла* – *мышь пришѣл*. В ж. р. имеется тенденция к переходу слова *мышь* из III склонения в I тип склонения: ударное окончание *-е* в Д. и П. падежах свидетельствуют о сближении I и III склонения.

Ударное окончание в Р., Д., П. падежах у существительных III склонения и существительных продуктивного типа I склонения отмечается в южнорусских говорах и примыкаю-

щих к ним среднерусским. Особенно распространено оно в юго-западных говорах [6, карта 76]. Свойственно это явление и говорам семейских Забайкалья [4, с. 89].

В отличие от свободненского семейского говора существительное *мышь* в белогорском говоре относится только к ж. р. Однако и в этом говоре отмечается тенденция к переходу слова *мышь* из III склонения в I склонение, о чем свидетельствует ударное окончание *-е* в Р. и П. падежах: «Только *о той мышё* не надо вспоминать»; «У *мышё* по десять штук бы-ва(е)т»; «На *мышё* пятно был жёлтый».

В Т. п. частотна форма *с мышэй*, характерная для юго-западных говоров южного наречия, «за исключением ее юга, и псковской группы среднерусских говоров» [6, карта 21; 9, с. 15]: «*Мышо́к вместе с мышей* принесли».

4. В говорах наряду с существительным *свяхро́вь* употребляется и существительное *свяхру́ха*, относящееся к I склонению. Существительное *свяхру́ха* распространено в южно-русских говорах, в Восточно-Могилевской группе говоров белорусского языка, примыкающих к западной группе русских говоров [6, карта 89; 10, карта 90]: «*Свяхру́ха хороша была*»; «У *свяхру́хи* нас пять нявесток было»; «*Свяхру́ха* рано умерла».

5. Существительные на *-ушк-* и *-ишк-* (*дедушка, парнишка, мальчишка* и под.) в обеих группах говоров относятся к I склонению. Однако в свободненском говоре в форме Т.п. такие существительные имеют флексию II склонения: *с дедушкой, с парнишкой, с мальчишкой*, что является распространенной особенностью говоров южного наречия, западной группы говоров и среднерусских говоров [6, карта 23].

В белогорском говоре в форме Т.п. отмечается только флексия I склонения: *с дедушкой, с парнишкой, с мальчишкой*, что не свойственно говорам западной группы, а является особенностью говоров южного наречия и среднерусских говоров [Там же].

6. При общей тенденции к расширению класса существительных I склонения за счет существительных III склонения в белогорском говоре отмечены случаи перехода существительных I склонения в III-е: *качеля – качель; няделя – нядэль; простыня – простынь*: «Белик. Назывался веник так, которым бязили, а потом решетка такая, сетка и пошел. У нас такие были, и потом – жёлтый. Ну, тогда *нядэль* целую бязили»; «Я так всю *нядэль* околдованный хожу»; «*Качель* потом была на дереве»; «Завернули её и в гроб, *прóстынью*».

В процессе изучения старообрядческих говоров были отмечены следующие особенности формообразования имен существительных I склонения.

1. В свободненском говоре имеется тенденция к выравниванию места ударения в косвенных падежах и возникновению парадигмы склонения у двусложных существительных I склонения с неподвижным ударением на окончании: *взяла за ногу́, пошла по воду́, закопали в землю́, больно руку́*, – что имеет распространение в говорах Западной диалектной зоны и зафиксировано в говорах старообрядцев Бурятии [11, с. 100; 12, с. 256; 7, карта 108; 4, с. 85-86].

В белогорском говоре эта тенденция отмечается реже: «Она вот так бяре́ть и даёть в *рукé*, ни чистой посуды нет, он как зафинтирил эту *бадью́* с водой»; «Вот он наложит её целу горсть за *ишке́у* и трубку покурит еишо»; «на одну *ногу́* (в)от так (в)от, заматала, и на другую так *ногу́* также заматала»; «А *ишас* у нас печка такая, сделанная, с трубой, в эту печку, ну, приваренная труба, а тут вода, *воду́* наливали, и вот она, внизу топка, и в эту

топку (в)от дрова, а сюда **воду́** наливаем, шес(т)ь, семь вёдер влазит, и пожалуйста. Да, **воду́**; «Тут пропарю, тут пропарю, и вот **воду́** спустила, но затем мазала стрептоцид маслом»; «Если пятах насънёт **воду́** пить, знасить, будеть муж у них пропоица. Если будеть клявать зярно, так, эт(о) самое, то, значить, работающий будеть».

2. У имен существительных I склонения с основой на твердый согласный в форме Р., Д., П. падежей с предлогом и без предлога употребляется преимущественно окончание -е: «Атласы были у **ма́ме** такие, ну, не только у **ма́ме**, наверно, еще у кого были, ну я знаю у **ма́ме** это было»; «Кохты, у **ма́ме** была малиновая такая кохта расшитая, так она сама делала. Долго хранилась у старшей **сястрé** и нет, она тоже здесь же помярла»; «Серёжки у **ма́ме** были, у **ма́ме** серёжки, это, золотые, ляжали в яшишке, тоже-ть украли»; «Только у **ма́ме** были атласы, атлас был, дак красиво»; «Раньше у нас много было, у **ма́ме** молоко, у них садится молоко лучше»; «Это икона моей **ма́ме**, бабушки, потом ещё пробабушка»; «у **сястрé** жила потом, у **ма́ме**»; «А это, он его взял, это к **тётке Ари́не**, это, у него было, это, он, видать, приобрёл, с каноньерки принес и унес его в дом, в **пéчте** ляжал потом»; «На **пéчте** мама мене родила, ничё же, здоровая»; «С тех пор **сястрé** моей ня стало, ляжить она ў воде рячной»; «Причём она одетая, она на **зарé** же поехала поездом».

Система падежных противопоставлений в этом типе: И. – В. – Т. – Р., Д., П. падежи, т.е. противопоставлены четыре падежные формы.

Окончание -е в формах Р. п. свойственно многим южнорусским и среднерусским говорам. В настоящее время флексия -е в формах Р., Д, П. падежей функционирует и в северо-восточных и северо-западных говорах [6, карта 1], однако ранее была распространена на более обширных территориях Центральной России [13, с. 202-203].

В белогорском говоре в Р., Д., П. падежах отмечаются и формы с флексией -ы/-и: «Никого ня стало, из людей старых никого нет, кроме **бабы Шуры** Зайцевой»; «И щас вот я была у **бабы Тани** в Благоещенске»; «И тут один момент – я до **Иры** переезжать»; «Она чашку **воды** возьмёт, выливает и говорит: Чё там?»; «Горячей водой зальешь, оно постоит, замлеет, а потом стакан **воды** холодной вмешаю и дрожжи туда»; «Кадка такая, полную **воды** наливает – крестит»; «а у **мамы** было много нас»; «У **мамы** был крест большой, вот такой у **мамы** крест положили»; «Отес умер. Иконы зашили в мяшочек, ў **могилы** закопали»; «Посуда здесь есть, с **бересты** здесь не делали у нас»; «Головушка болеть не будет. А сейчас людей мало таких, никто ничего, ни одной **молитвы** не знают»; «Я **сястры** долго писала потом»; «В **комнаты** ничего не было совсем». Флексия -ы/-и в форме Р. п. свойственна многим севернорусским говорам, в формах Д. и П. падежей, главным образом, северо-западным говорам [6, карты 1, 2]. Известно это явление и переходным говорам, сложившимся на основе севернорусских [14, с. 45], широко распространено в некоторых старообрядческих говорах [7, с. 132; 15, с. 43; 4, с. 85-86].

Таким образом, в говоре семейских Белогорского района можно наблюдать неразличение флексий Р., Д., П. падежей существительных I склонения. А.В. Тер-Аванесова назвала такую систему склонения «южнопсковской», которая имеет распространение в южных районах Псковской, юго-западных – Тверской и на северо-западе Смоленской областей [16, с. 185; 6, карты 1, 2]. По мнению О.М. Козиной, эту систему следует считать архаической особенностью, «которую необходимо рассматривать как исконную черту, сохранившуюся в

условиях междialeктного взаимодействия и наряду с другими особенностями свидетельствующая о происхождении говоров» [4, с. 87].

Были отмечены особенности формообразования существительных II склонения.

1) В Р. п. неодушевленных существительных мужского рода единственного числа с ударением на основе преобладает флексия -у, окончание -а практически не употребляется: «**Лёсу** много сплавляли»; «Молитву читаю **от сглазу**»; «**Хóхоту** столько, **смéху**»; «Вот мы пели на день молодежи, вот мы пели, дали **жáру**»; «**Лóску** было, всё чтоб новенько было»; «У нас полна хата **дыму**»; «Сёдня взяла **йóгурту**, а дед не стал есть: «А не нравится»; «**Нарóду**, ну, **нарóду** здесь столько было»; «Пойдёмте **до брата**»; «**Стаkáна** у меня этого нет».

Данная особенность реализуется в различных группах говоров без четкой дифференциации [11, с. 67-71; 17, с. 67-71].

2) В П. п. ед. ч. существительных м. р. и ср. р. с основами на парные по мягкости сонорные и шумные, заднеязычные, шипящие и *ц* отмечается расширение функции окончания -у по сравнению с литературным языком у одушевленных и неодушевленных существительных как с односложной, так и двусложной основами, независимо от места ударения в слове: «А поросята **на плóту** плавали один раз»; «Да **на берегú** там где-нибудь»; Голова болит, в глазах чернота ходит, в глазах, **в глазú**, вот этим; «Были бури всякие разные, снегу было мнього, **в снегú** всё было»; «Где борщиша сварю, где салату сделаю свеженького. **В салáту** помидорка, оóуречики»; «Вчара солёных даже оóуречикав, помядорчиков, так с рядиски сделала салатик, майнезу **в салáту** было. Ну и всё, и-и наелись, ну»; «И я вот тярпела до обеда, на парниках уже жєницины, **у парникú**». «Вот эта вот Пятрова Маня нясла, вот там (в)от **на углú** края дом».

Реже, но употребляется окончание -е. В речи одного информанта могут употребляться обе формы: «А мяне дятєй не было, мне одного мужа **на фронте** убили, за второго, за фр(он)т(ов)ика вышла, тоже пожил нямножко, лёгкими заболел, был **на фронте**, да и всё. И (в)от одна так и родители были, родители, отца похоронила и мать похоронила, всё **в этом дому**»; «Так и с мятеўкой ходила, дворником, ключи **ў карма́не** были»; «Есьь ружьы, **в огорóде** у нас ружьы, видите; «ткань эту берёшь **в магазíне** и шьёшь».

Данное явление отмечено во многих южнорусских говорах, в говорах забайкальских семейских, в сибирских говорах [4, с. 89; 5, с. 89; 9, с. 55; 7]. Однако в белогорском говоре флексия -у преобладает в употреблении над флексией -е в П. п. ед. ч. существительных м. р. и ср. р. по сравнению со свободненским говором семейских.

3) Существительные на -мя в большинстве случаев склоняются по II склонению: «А батя всё **врéмя** работал, на коне ездил»; «Ира, она ж тоже знает, они всё **врéмя** про какую-то пташку пели всё»; «У нас в Андреевке два **ймя** таких, ни у кого большие таких не было»; «У русских-то нету такого **ймя**»; «Сколько **врéмя?**»; «**Врémю** такого значения не при-давали, **врémем** не дорожили»; «Сейчас я **о врéме** не думаю».

Унификация склонения существительных на -мя отмечена в говорах старообрядцев других территорий: Забайкалья, Белоруссии, Прибалтики, Польши [4, с. 91; 14, с. 150; 15, с. 43]. Однако в белогорском говоре это явление представлено уже, чем в свободненском говоре: в текстах религиозного дискурса при склонении таких существительных сохраняется

суффикс *-ен-*: «*Именем Твоим*»; «*Крѣстним зна́менем* осенил их»; «*Тем врэ́менем* Андрей поймал рыбу, но не рыбу – знак».

Таким образом, в семейских говорах наиболее продуктивным является I тип склонения существительных: он характеризуется синкретизмом форм Р., Д., и П. падежей; в косвенных падежах отмечается выравнивание места ударения, что ведет к возникновению именной парадигмы с неподвижным ударением на окончании. Расширение класса существительных II склонения происходит, главным образом, за счет существительных на *-мя*. Подобные особенности склонения существительных в единственном числе отмечаются во многих старообрядческих говорах, многих южнорусских говорах, граничащих с белорусскими говорами, а также в некоторых переселенческих говорах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Н.Г. // Вестник Бурятского государственного университета. Язык, литература, культура. 2013. Вып. 1. С.70-81.
2. Архипова Н.Г. Говоры старообрядцев – семейских Амурской области: к вопросу о неоднородности лексического состава // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2. Ч. 1. С. 30-33.
3. Зеньковский С.А. Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. М., 1995. 976 с.
4. Козина О. М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип. Улан-Удэ: Бурят. научн. центр СО РАН, 2006. 165 с.
5. Юмсунова Т.Б. Язык семейских – старообрядцев Забайкалья. М.: Языки славянской культуры, 2005. 288 с.
6. Диалектологический атлас русского языка. Центр Европейской части СССР. Выпуск II: Морфология. Карты. М.: Наука, 1989. 166 с.
7. Орлова В. Г. Образование севернорусского наречия и среднерусских говоров. М.: Наука. 456 с.
8. Сологуб А.И. О диалектных формах некоторых существительных женского рода, имеющих нулевую флексию в русском литературном языке // Диалектологические исследования по русскому языку. М., 1977. С. 164-171.
9. Теплова В.Н. О склонении существительного *мышь* в говорах русского языка // Русские диалекты: (Лингвогеографический аспект). М.: Наука, 1987. С. 14-21.
10. Дзялекталагічны атлас беларускай мовы / пад рэд. Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск: Выдавецтва Акадэміі навук БССР, 1963. 353 с., карты.
11. Захарова К. Ф., Орлова В. Г. Диалектное членение русского языка. М.: Наука, 1970. 170 с.
12. Русская диалектология / Под ред. Р.И. Аванесова и В. Г. Орловой. М.: Наука, 1964. 294 с.
13. Соболевский А.И. Лекции по истории русского языка. М.: Изд-во ЛКИ, 2014. 328 с.
14. Минина Н. Е. Фонетико-грамматические особенности трех островных русских говоров на территории Витебской обл./ Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. Минск, 1993. 16 с.
15. Грек-Пабисова И., Мартыняк И. Русские старообрядцы в Польше и их говор // Диалектологический сборник: Материалы IV Диалектол. конф. по изучению говоров и языковых контактов в Прибалтике (октябрь, 1972). Вильнюс: Наука, 1974. С. 35-42.
16. Тер-Аванесова А.В. Окончания родительного, дательного и местного падежей единственного числа существительных а-склонения // Восточнославянские изоглоссы. 1998. М., 1998. Вып. 2. С. 183-187.
17. Бромлей С.В., Булатова Л.Н. Очерки морфологии русских говоров. М., 1972. 234 с.

ГЕНЕТИЧЕСКИЙ ФОН БЫЛИНЫ «КАЛИН-ЦАРЬ» В СБОРНИКЕ КИРШИ ДАНИЛОВА

В статье рассматриваются проблемы генетической организации былинного текста и определяются причины использования гетерогенных рефлексов праславянских сочетаний.

Ключевые слова: Сборник песен Кириши Данилова, былина, генезис текста, рефлекс праславянских сочетаний в системе русского языка.

The article considered problems of the genetic organization of the epic text and defined the reasons of use of heterogeneous reflexes of the praslavyanski combinations.

Key words: The collection of songs Danilov's Kirsches, the bylina, genesis of the text, reflexes of the praslavyanski combinations in system of Russian language.

В последнее время изучение фольклора приобретает особую актуальность в связи с построением общей типологии языковых ситуаций, которая обуславливает исследование разных страт, противопоставляемых, с одной стороны, простейшей функциональной ячейке – диалекту и, с другой стороны, литературному языку. Именно фольклор стал одним из первых наддиалектных форм, нарушивших гомогенную языковую ситуацию родового строя. Обслуживая «высшие» сферы коммуникации, народнопоэтическая речь являлась вследствие своей обработанности относительно прогрессирующей категорией и играла важную роль в процессе формирования литературных языков.

Устно исполняемые поэтические произведения, ориентированные на восприятие всеми членами определенного этноса, развивались на основе диалектов. Сохранение связи с тем или иным диалектным ареалом характерно для данной наддиалектной формы [1; 2; 3; 4; 5], вследствие чего некоторые исследователи рассматривают народно-поэтическую речь как явление диалекта [6]. Однако постепенно сложившаяся традиция, преследующая эстетические цели, способствовала становлению языковых средств, отличных от обыденной, повседневной речи, а переход от коллектива к коллективу стимулировал появление особых интердиалектных явлений, в свою очередь активизирующих некую открытость системы, ограниченную традиционностью жанра, отшлифованностью речи и набором специальных художественных средств.

К специфическим чертам народно-поэтического языка относят наличие своеобразных элементов, образующих формульный стиль; гетерохронность как результат сосуществования архаичной лексики и грамматических форм с более поздними единицами, обусловленную определённым стилистическим стандартом, унаследованным из традиций прошлого; особую функцию отдельных выразительно-изобразительных средств (например, постоянного эпитета); влияние стихотворного размера на отбор лексических единиц и вариантов грамматических форм. По мнению М.М. Гухман, эпическая поэзия в дописьменный период занимала высший уровень функциональной парадигмы языка [7, с. 295–296]. В целом данной форме языка свойственны устная реализация; наддиалектность, развившаяся в результате сознательной обработки; функционально-стилистический и структурный отбор; наличие стилистического стандарта; ограниченность сферой словесного искусства.

Обобщенный, наддиалектный характер устно-поэтической речи в соединении с широкой распространенностью, богатством и многообразием в определённой степени обеспечили ей роль одного из истоков русского литературного языка, который характеризуется достаточно высоким уровнем гетерогенности в связи с уникальной языковой ситуацией в Киевской Руси и влиянием на его систему старославянского языка. В этом плане особого внимания заслуживает изучение в фольклорных текстах праславянских элементов, имеющих в русском литературном языке гетерогенное или южнославянское по происхождению обличие.

В связи с этим нами был предпринят анализ представления генетически соотносительных элементов в Сборнике Кириши Данилова (далее – КД), который является первым в истории русской литературы собранием записей русских былин, что даёт возможность не только в определённой степени реконструировать древние формы фольклора, но и выявить – в сопоставлении с записями былин в других сборниках – расхождения и сходства в построении фольклорного текста.

В качества материала исследования с целью определения специфики реципиентных свойств текста была рассмотрена былина одного из самых известных циклов об Илье Муромце – «Калин-царь».

Представленные в былине диагностические признаки по классификации А.А. Шахматова были разделены на несколько групп генетически соотносительных рефлексов [8, с. 249–261].

Статистические параметры распределения в тексте былины рефлексов праславянских сочетаний показывают чёткую генетическую определённую в группе рефлексов *dj, *tj, *gt, *kt в их исконной реализации. Однако при этом следует отметить, что для лексем с анализируемыми диагностическими признаками характерна определённая ограниченность. В частности, рефлекс *tj употребляется, как правило, в суффиксах кратких причастий/прилагательных восточнославянского происхождения: *Гледючи в ерлыки, заплакал свет* 51 об./54 (здесь и далее листы и строки указываются по [КД, с. 129–134]), *Ударил его о горюч камень* 53 об./ 210. Следует подчеркнуть, что группа «отдельных слов» (по терминологии А. А. Шахматова) в данной былине зафиксирована исключительно в исконном оформлении, например: *До медной литы три тысячи* 53/187; *Заморался сажая котельною* 52 об./129 и др. Генетическая чистота указанных рефлексов обуславливает генетически однородные контексты типа: *Промеж плечами касая сажень* 51/26; *Соскочил с полдрева стоячева, Изорвал чембуры на могучих плечах* 53/184.

Наиболее разнообразной и многочисленной является группа *torot-* и *trat-* лексем, при этом, судя по тексту анализируемой былины, основным фоном является полногласие, например: *Да из орды, Золотой земли* 51/1, *Во все те четыре стороны* 51/10; 51 об./60, 52/104; *С тое стороны полуденная* 52/91, *Среди двора княженецкова* 51 об./38, 52/97; *Что ясный сокол в перелет летит, Как белой кречет перепархивает* 52/93–94; *Еще ли стоит передо мною, сам хвастает* 53/179, *Куды отвернет – с переулками* 53/192; *Насыпай ты мису чиста серебра, Другую – красна золота* 52/122–123, 52 об./140–141, *И тут Калин принял золоту казну* 52 об./158; *Прими наши дороги подарочки* 52 об./138, 155; *В болотах, в реках притонули все* 53/201, *Воротился Илья он ко Калину-царю* 53/203 и др.

Высокий уровень использования полногласной лексики в тексте поддерживается традиционностью выразительных средств и определенного канона в формулах типа *полон полонит, на все*

четыре *стороны* и широким репертуаром корней, реализующих исключительно полногласие, – до 37 корней во всём Сборнике Кирши Данилова. Зафиксированные в былине корни только в исконной огласовке в 4 раза превышают количество корней как с неполногласием (*Владимер, сохранил, -врем-*), так и с реализующейся гетерогенностью (*-город-/град-, голов-/глав-*). В определённой степени это постоянное число соотношения полногласия / неполногласия / гетерогенности можно также наблюдать в двух других былинах цикла об Илье Муромце, представленных в Сборнике Кирши Данилова: 4 / 2 / 1 (Илья ездил с Добрыней («Как из славнова города из Киева...»)) [КД, с. 189–192]) и 8 / 2 / 2 (Первая поездка Ильи Муромца в Киев («Как из (с)лавнова города из Мурома...»)) [КД, с. 185–189]).

Следует отметить, что среди лексем в исключительно неполногласном облики в Сборнике представлен антропоним *Владимер*, который, например, в Собрании народных песен П.В. Киреевского и древнерусских летописях представлен как *Володимер*, что в определённой степени снижает значимость неполногласной огласовки корня и свидетельствует о его гетерогенности, которая избирательно реализуется в фольклорных текстах. Это также подтверждается достаточно большой группой корней, представленных в полногласной и неполногласной форме не только в отдельных сборниках, в том числе и в пределах тесно связанных контекстов, но и у одних и тех же сказателей [9; 10]. В целом для Сборника Кирши Данилова такое варьирование представлено 23, 4% всех случаев использования полногласия и неполногласия в образованиях от следующих корней: *-(в)олок-/-(в)лак-, -ворон-/вран-, -ворот-/врат-, -голов-/глав-, -город-/град-, -золот-/злат-, -здоров-/здрав-, -молод-/млад-, -полон-/плен-, -холод-/хлад-, -хороб-/храбр-, -борон-/бран-, -хором-/храм-, -сором-/срам-*. В былине «Калин-царь» оно ограничивается двумя корнями, при этом варьирование гетерогенных признаков наглядно демонстрирует независимость выбора южнославянского или восточнославянского по происхождению соответствия от семантического значения слова – одного из самых распространенных, по мнению исследователей, критериев отбора полногласных и неполногласных сочетаний, ср.: *Ко стольному городу ко Киеву* 51/5, 51/20, *Поехал ко городу ко Киеву* 51/35 – *Стольный Киев-град* 51/29, 51 об./49, 52/96, 52/114, 53/189; *Голова на татарине с пивной котел* 51/24 – *Оторвется глава его татарская, Угодила та глава по силе вдоль* 53/177–178.

В первом случае можно в определённой степени предположить выбор полногласия/неполногласия в зависимости от стандартизованных случаев распределения гетерогенных дублетов (*город + топоним / топоним + град*, сочетания с определёнными предлогами). Однако, как показывают наши исследования, это полностью не объясняет эффект генетического разнообразия. В частности, в былине «Илья Муромец и Калин царь» Т.Г. Рябикина неполногласная огласовка *град* встречается в три раза чаще, чем соответствующий полногласный вариант. Такое преобладание *trat*-лексем, в целом не свойственное былинам, наблюдается на фоне и количественного, и качественного предпочтения *torot*-лексем и обусловлено прежде всего версификационными причинами [11].

Следует подчеркнуть, что пара корнесловов *город/град* – одна из самых распространённых в былинных текстах, и лексикализованное чужеродное для русского языка фонетическое явление – неполногласие – оказалось востребованным в арсенале поэтических средств былинного эпоса на разных территориях – и на Урале (В Сборнике Кирши Данилова 40% употреблений южнославянского коррелята), и на Онеге (в Онежских былинах, записанных А.Ф.

Гильфердингом, – 49%) – при одинаковых способах введения генетически разнообразных лексем, что позволяет предполагать их коррелятивность в достаточно ранний период.

Корнесловы *голова/глава* также не имеют ни семантической, ни стилистической дифференциации. Следует отметить, что по отношению к Илье Муромцу используется полногласный вариант – *Воздымал выше буйны головы своей* 53/209. Однако и в этом случае скорее всего выбор был обусловлен типичным для фольклора постоянным эпитетом, который сочетается исключительно с исконной формой (ср.: *буйная головушка*).

Определённый уровень генетического разнообразия реализации рефлексов праславянских рефлексов влечёт за собой столкновение гетерогенно оформленных лексем в пределах тесно связанных контекстов, например: *А Владимира князя в полон полонит* 51/30; *Бросал ерлыки на круглый стол Перед великова князя Владимира* 51 об./46; *Пришли наши дороги подарочки От великова князя Владимира* 52 об./139; *А мало время замешкавши, С тое стороны полуденныя* 52/90–91; *Боже-Спас оборонит нас, А нечто преистой и всех сохранит! Насынай ты мису чиста серебра, Другую – красна золота* 52/120–123 и т.п.

Подобная гетерогенность рефлексов с плавными на фоне исконной реализации других групп представляет особый интерес, так как позволяет высказать мнение не столько о позднем вхождении неполногласия в фольклорный текст, сколько о важности использования неполногласия как инструмента регулирования ритма былин.

Такое предположение требует своего подтверждения на более широком материале, но вызывает определённые сложности, связанные прежде всего с падением сверхкратких, «сбивших» ритмику древней былины, что затрудняет реконструкцию первичного звучания текста. Кроме того, варьирование корнесловов типа *город/град, голова/глава* в определенной степени вписывается в особенности построения текста, которые наряду с неперменным атрибутом фольклора – постоянными эпитетами и традиционным формульным стилем – непрерывно наполняются различными версификациями языкового материала.

В связи с этим представляет определённый интерес сопоставление гетерогенности данного текста с встречающимися в былинке «Калин-царь» повторами, которые являются следствием уточнения или приращения смыслов. В частности, действующие лица практически никогда не называются просто своими именами. Например, в былинке только дважды встречается наименование *Калин*, в остальных случаях чаще всего *Калин-царь, злой Калин*, причем уточняющие эпитеты множатся: *злой Калин-царь Калинович; собака Калин-царь; собака злой Калин-царь Калинович; собака проклятой, Калин-царь; Калин-царь, злой Калинович*. В противоположность ему наименование киевского князя никогда не встречается без приложения – *Владимер-князь, князь Владимир* – или примыкающего к этому сочетанию определения положительной коннотации: *великова князя Владимира, ко ласкову князю Владимиру, Владимир-князь стольной Киевской*. Только в одном случае употребляется слово *князь* в контексте *По грехам над князем учинилося – Богатырей в Киеве не случилось*, ясно свидетельствующем о причинах незащитности Киева.

Богатырь, *паленица удалая*, в начале своего появления именуется *Старой казак Ильа Муромец*, а чаще всего Ильей Муромцем – *Гой еси, Ильа Муромец*, или просто Ильей – *Скочил Ильа со добра коня*. По всей видимости, *Ильа Муромец* не нуждается в титулах, замедляющих и уточняющих повествование, потому что он главный действующий герой былин-

ного цикла. Все остальные герои характеризуются через приложения: *Сына зовут Лоншеком, Что попал он в зятя ево Сартака, Тово ли Василья-пьяницу Игнатьева*. Именно Василей-пьяница взбежал *«на баиню стрельную»*, взял *«свой лук разрывчетой»*, *«калену стрелу переную»*, *«наводил он трубками немецкими»*, *«стрелял он тут во Калина-царя, Не попал во собаку Калина-царя»*. Такой богатырский подвиг награждается в конце былины умножением уточняющих эпитетов – *«Тово ли Василья-пьяницу Игнатьева»*, *«И называет Илья тово пьяницу Василья братом названным»*.

Каждая вещь также сопровождается уточнениями различных степеней и оттенков качества: Киев – *«Стольной Киев-град»*, *«Ко стольному городу ко Киеву»*; орда – *«Да из орды, Золотой земли, Из тое Могозеи богатых»*, стул – *«ременчет»*, стол – *«круглый»*, гридня – *«светлая»*, котел – *«пивной»*, дух – *«татарский»*, пар – *«конинов»*, беда – *«перва»*, рука – *«правая»*, *«лева»*, двор – *«княженецкий»*, лагеря – *«татарские»*, сажа – *«котельная»*, бес – *«лысай»*, палицы – *«тяжкия»*, татарин – *«дурак»*, *«крепок»*, *«желоват»*, *«собака»*; кружала – *«Петровские»*, ярлыки – *«скоротищеты»* и др.

Варьирование наименований выливается в причудливо набранные цепочки синонимических выражений: *«Без бою, без драки великие и без кровопролития напраснаго»*, *«Ясный сокол в перелет летит, белой кречет перепархивает»*, *«Вас-та, царей, не бьют-не казнят, Не бьют не казнят и не вешают!»*. Все это выливается в удвоенные формулы, типичные для древнерусских текстов: *в полон полонит, думушку думати, друг с дружкой простился* и т.п.

В подобные повторы форм и смыслов достаточно хорошо вписывается гетерогенность былинного текста, связанная со сменой регистров праславянских рефлексов. При этом наибольшей вариативностью обладают изолированные полногласные/неполногласные корнесловы, функционирующие в тексте в качестве абсолютно тождественных и свободных морфонологических дублетов. Однако определённая предпочтительность того или иного по происхождению коррелята свидетельствует о достаточной гибкости в отборе имеющихся в распоряжении сказителя поэтических средств и возможности индивидуализации, но с обязательным соблюдением в целом гетерогенности былинного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оссовецкий И.А. Язык фольклора и диалект // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: Изд-во АН СССР, 1958. С.172-192.
2. Оссовецкий И.А. Некоторые наблюдения над языком стихотворного фольклора // Очерки по стилистике художественной речи. М.: Наука, 1979.
3. Оссовецкий И.А. О языке русского традиционного фольклора / И.А. Оссовецкий // Вопросы языкознания. 1975. №5. С.66-77.
4. Евгеньева А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Ленингр. отд-ние, 1963. 348с.
5. Баранникова Л.И. К вопросу о функционально-стилевых различиях в диалектной речи // Общее и русское языкознание. Избранные работы. М.: УРСС, 2005. С. 178-192.
6. Хроленко А.Т. Современная отечественная лингвофольклористика: цели, проблемы и перспективы // Русистика сегодня. Функционирование языка: лексика и грамматика. М.: Наука, 1992. С. 153-166.
7. Гухман М.М. Заключение // Типы наддиалектных форм языка. М.: Наука, 1981. С. 292-307.
8. Из трудов А.А. Шахматова по современному русскому языку (учение о частях речи). М.: Учпедгиз, 1952. 272с.
9. Бекасова Е.Н. Генетический фон фольклорного текста // Язык. Система. Личность: Сборник научных трудов (Екатеринбург, 24-26 апр. 1999 г.). Екатеринбург, Изд-во УрГПУ, 1999. С. 229-235.

10. Бекасова Е.Н. О закономерностях генетической организации летописного и былинного текстов / Е. Н. Бекасова // Русский язык и литература в школе и вузе: проблемы изучения и преподавания: Сборник научных трудов. Горловка, 2010. С. 14-20.

11. Бекасова Е.Н. О версификационном отборе *torot-* и *trat-*лексем в русских былинах // Русский язык: исторические судьбы и современность. VI Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, 18–21 марта 2014 г. Труды и материалы / Составители: М.Л. Ремнёва, А.А. Поликарпов, О.В. Кукушкина). М., 2014. С. 30-31.

ИСТОЧНИКИ

КД – Древние Российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / Отв. ред. Дмитриев Л. А.; Подгот. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.: Наука, 1977. 488 с.

УДК [811.161.1'28:811.161.1'974] (571.17)

В.П. Васильев, Э.В. Васильева

СЕМАНТИЧЕСКАЯ ИНФОРМАЦИЯ СЛОВА И ЕЁ ДЕФИНИЦИОННОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ В ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ КУЗБАССА¹

В статье на примере лексикографических разработок показано дифференцированное использование основных способов толкования слов в диалектном словаре с учётом их специфики, определяемой сравнением с вокабуляром литературного языка.

Ключевые слова: диалектная лексикография, толковый словарь, лексическое значение слова, эквивалентные единицы, безэквивалентные единицы, способы толкования.

The article demonstrates the differential usage of the main means of the word interpretation in the dialectal dictionary by their comparison with the literary marked language vocabulary.

Key words: dialectal lexicography, the lexical meaning of the word, equivalents, non equivalents, means of interpretation, explanatory dictionary, lemma.

Лингвистическое кредо толкового диалектного словаря проявляется прежде всего в способах семантической интерпретации его вокабул. Этим объясняется продолжающийся поиск наиболее рациональных методов толкования лексикографируемых единиц с учетом их знаковой природы, частеречной и тематической принадлежности.

Данная статья, продиктованная необходимостью особого подхода к смысловой характеристике слов в областном словаре [1], акцентирует внимание на типах словарных дефиниций, призванных адекватно отразить семантику диалектных единиц как носителей статусных характеристик диалектного языка.

Основная задача предпринимаемой лексикографической разработки состоит в том, чтобы, во-первых, обсудить систему определений (толкований) для единиц в диалектном словаре, обусловленную его толково-переводным характером; во-вторых, представить образцы словарных статей, отвечающие принятым установкам его составителей [2, с. 13-18].

Для иллюстрации привлекаются 24 единицы из разных тематических сфер, относящиеся к разным частям речи. Они выбираются из алфавитного отрезка (буква Г), сформированного для очередного выпуска «Областного словаря Кузбасса» (ОСК), который отражает лек-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 15 - 04 - 42002 а/Т.

сико-фразеологическое состояние населенных пунктов Крапивинского района Кемеровской области [2, с. 24 -26].

Дефиниционное конструирование лексического значения слова, состоящего в связи с двуплановым модусом его существования (язык – речь) из виртуального значения и актуальных смыслов [3, с. 80-82], оказывается связанным с его инвариантной частью, которая в разных концепциях термируется понятием (ср. лексический фон), интенционалом (ср. импликационал), ядром (ср. периферия), что соотносится с релевантными для языка постоянными, обязательными и неустраиваемыми признаками внеязыкового объекта.

В ОСК дефинирование лексикографируемых единиц ставится в зависимость от их специфики, которая устанавливается прежде всего путем сравнения с лексиконом литературного языка. По этому основанию лексико-фразеологический массив диалектного языка подразделяется на два разряда единиц:

1) диалектные единицы, имеющие однословное литературное соответствие (эквивалентные единицы) – ср. *голимый* ‘имеющий большое сходство с кем-л., очень похожий на кого-л.’ ~ лит.-разг. *вылитый* ‘очень похожий на кого-л., совсем такой же, как кто-л.’; *головка* ‘верхняя расширенная часть гриба’ ~ лит. *шляпка* ‘верхняя часть гриба’;

2) диалектные единицы, не имеющие односложного литературного соответствия (безэквивалентные единицы) – ср. *голимый* ‘имеющийся, содержащийся в большом количестве’; *гоить* ‘расчищать, делать годным для пользования’.

Применительно к обозначенным разрядам единиц соблюдается дифференциация в использовании признаваемых основными способов дефинирования, таких как семантическое описание, эквивалентное (синонимическое) и комбинированное толкования.

Эквивалентные единицы интерпретируются путем приведения литературного коррелята – слова или устойчивого сочетания слов.

Эквивалентное толкование получают как собственно диалектные слова (*горнистый* ‘каменистый’) и фразеологизмы, так и (чаще всего) диалектные формальные варианты (или дублеты) общерусского слова и устойчивого сочетания слов (*гноя*, *геранка*, *гнедовой*, *глинобойный*).

Эквивалентное толкование осуществляется согласно условиям: а) полного совпадения семантики диалектной единицы и литературного эквивалента – ср. *гагатки* ‘бусы’; б) принадлежности литературного соответствия к нейтральным единицам (исключение делается только для разговорной лексики) – ср. *голимый* ‘вылитый (о человеке)’; в) однозначности литературного соответствия – ср. *горбушка* ‘спина’; *гача* ‘штанина’. При определении однозначности или неоднозначности единицы учитывается наличие в словарях литературного языка не только лексико-семантических вариантов, но и оттенков значения, а также однозначность или неоднозначность того производящего слова, путем отсылки к которому истолкован литературный эквивалент.

Комбинированное толкование, состоящее из двух частей (описательная дефиниция и эквивалент, следующий после точки с запятой) используется

а) при неоднозначности литературного эквивалента: ср. *горесть* ‘горький вкус; горечь’; *голимый* ‘сплошь заполняющий собой какое-л. пространство; сплошной’; *гаман* ‘мешочек или карманная сумка для денег; кошелек’;

б) при неполной соотносительности семантики диалектного и литературного слова: ср. *гон* ‘полоса, участок пашни различных размеров; загон’ (оба фактора могут совпадать).

Описательная часть комбинированного толкования при полной эквивалентности заимствуется из литературного словаря, что вовсе не разрушает региональной специфики языка: ср. *глыбкий* ‘имеющий большое расстояние от поверхности до дна или до какой-л. точки по направлению к низу; глубокий’.

Считается, что полная эквивалентность разносистемных единиц обуславливается единством национального сознания и широко представленными в говорах отношениями формального варьирования общерусского слова и межсистемной дублетности, тогда как неполная (относительная) эквивалентность чаще всего имеет место при понятийной соотнесенности слов, не сопровождающейся семантической тождественностью, что обычно выражается в несовпадении круга ассоциаций, связанных с единицей в говорах и в литературном языке (безусловно, нельзя забывать о естественной для областного словаря неполноте контекстной картотеки).

При неполной эквивалентности содержательная часть комбинированного толкования «приспосабливается» с учетом «меры» соотносительности: как правило, описание сокращается по сравнению с тем, что вмещает в себя дефиниция в словаре литературного языка: ср. *гон* ‘полоса, участок пашни различных размеров; загон’, при этом лит. *загон* ‘полоса, участок пашни, поля, луга и т. д. различных размеров’.

Обнаруживаются факторы, препятствующие использованию комбинированного способа толкования для относительно эквивалентных единиц. Так, в языковом сознании деревенских жителей отсутствуют (следовательно, не могут быть включены в дефиницию) некоторые понятийные признаки, формирующие семантику литературного соответствия, что касается чаще всего номенклатурной лексики, которая истолковывается, как правило, на основе научных понятий. Ср. *глобуника* ‘травянистое растение клубника’, при этом лит. *клубника* ‘родственное землянике травянистое многолетнее растение из сем. розоцветных со сладкими ароматными ягодами темно-красного цвета’.

Безэквивалентная лексика сопровождается *содержательным (описательным, семантическим) толкованием*. В данном лексикографическом описании она представлена главным образом а) собственно диалектными единицами – ср. *голимый* ‘имеющийся, содержащийся в большом количестве’, ‘не содержащий в себе ничего постороннего’; *гонкий* ‘высокий, без сучьев (о дереве, лесе)’;

б) диалектными лексико-семантическими вариантами общерусских единиц – ср. *гора* ‘берег реки’; *головка* ‘брусок с зубьями, насаженный на рукоятку ручных грабель’, ‘металлическая работающая часть косы’, ‘передняя часть полоза саней’, ‘то, чем скрепляют передние, загнутые вверх концы санных полозьев’, ‘основная часть невода, куда заходит рыба’, ‘лучшая часть зерна, отделяемая при веянии’, ‘верхний сноп в укладке снопов’, ‘верхняя часть снопа, в которой находятся колосья’.

Принимается разная степень «развернутости» семантического толкования, что зависит не только от имеющейся контекстологической базы, но и от характера лексикографируемой единицы. Для лексики, обозначающей простые действия, предметы, состояния, известные носителю современного литературного языка, используются достаточно краткие семантиче-

ские описания: ср. *гнуть* ‘вызывать болезненное состояние’.

Слова и устойчивые сочетания слов, относящиеся к устаревшему фонду диалектных вокабул, требуют более полного семантического истолкования: ср. *горбач* ‘старинная одежда в виде широкого присборенного, обычно длинного сарафана для пожилых женщин’.

Вместе с тем нами не преувеличивается роль дефиниции в определении слова: дефиниция признается лишь первым шагом к истолкованию лексикографируемых единиц. Считается, что исчерпывающая характеристика смысловой структуры слова задается тремя семантизирующими частями словарной статьи – толкованием, парадигматической частью, демонстрирующей семантически смежные с заглавным словом единицы, и иллюстрациями, что и включается (при наличии данных) в обозрение настоящих словарных статей:

ГАГатКИ, ток. Устар. 1. *Бусы*. – Гагатки были! Я вот чё-то не помню, какие они были, но помню, что были (Лен.). А гагатов у нас нету. Ну были, только не у меня были, а у других. Ну вот такие вот мелконьки. Как их, всяки украшены. Ну, вот счас вот, например, сыганы носят всяки разны. Кто как может, коротенькие, в два ряда надевали. Таки беленьки. Вот таки вот кругленьки в два ряда наматает и ходют. Любого [цвета]: и голубые были, и белы, там розовы. (Перех.). Ну, бусы-то носили, гагатками называли ране. В магазине покупали, разноцветны, всяки, верёвочка, вот две носили. Всё так было. Ну ходили некоторые в бусах, всё равно ходили, серьги носили (Плотн.). ~ Арс. Бан. Бар. Берд. Бор. Каб. Кам. Ключи. Крап. Кр.Кл. Лен. Макс. Межд. Мих. Перех. Плотн. Сыр. Тар. Шев.

ГАЛуЗЫ, мн. Самodelьные охотничьи лыжи, обитые снизу шкурой животных. То же, что ГАМАЗа. – В старину лыжи сами ладили, гнули сами. Сами, сами делали. Таки вот лыжи пошире ладони. Обошьёшь галузы кожей сыромятной, они катятся хорошо. Гамаза тоже лыжи называли. Кожей обтянешь галузы-то и на охоту, ето хорошо-от по ворсу катятся. А ето назад-то они не сдают, шерсть-то против встаёт. Вперёд они хорошо катятся, а назад нет (Шев.). ~ Шев.

ГАМан, а, м. *Мешочек или карманная сумка для денег, кошелек*. – Мать, сотню дай, край надо. – Ишь ты, какой ярый. Возьми в гамане (Тар.). Кошелёк для денег у нас гаманком или гаманом зовут (Крап.). ~ Бор. Крап. Тар.

ГлиНИСТЫЙ, ая. *Сделанный из глины; глиняный*. То же, что ГлиНИШНИЙ, 1. ГлиН-НЫЙ, ГЛИНОВоЙ. – Корчаги ставили глинисты, хресть-на-хресть. Солому накладут. На солому гущу, а потом её ставят в печку (Перех.). У нас старый дед был, тот глинистые посуды всяки делал, отливал их (Бор.). Молоко цедили, ети кринки были широки, глинисты, а кукшинчики, они были поменьше, тоже молоко держали. Горшки были таки глиняны. Варили в их (Крап.). Тоже глинистые, тоже глинистые, как же, эти горшки с одного матерьяла. Да вот эта обыкновенная глина. Вон в горе есь, повсюду она (Бор.). ~ Бан. Бор. Крап. Перех. Салт. Тар.

ГЛЫБКИЙ, ое. *Имеющий большое расстояние от поверхности до дна или до какой-л. точки по направлению к низу; глубокий*. То же, что ГЛЫБоКИЙ и ГЛЫБОКИЙ. – Таки глыбки места. Парни наши туды купатца ходили. А мы боялись (Крап.). А мамка говорит: «Мотри в глыбь не ходи». Глыбь – ето где ямы на реке. Таки глыбки места (Крап.). ~ Бор. Крап.

ГоИТЬ, ит, несов., что и без доп. 1. *Наводит порядок где-л.; убирать*. – Гоили, дык чисто, в избе хорошо вели. Не как у нас чичас (Перех.). Чалдоны особенно говорили: «Ну, дев-

ка, сегодня суббота, надо в избе **гоить**» (Берд.). Чё сёдня, чё делала? В избе **гоила**, из**гоила** избу. Ну вымыла, да прибрала, да всё (Бор.). **Гоить**. В избе иди гой, убирай. И сейчас говорим (Каб.). Мыть, чистить, всю грязь вытаскивать, **гоить**. Это ешшо ранешна поговорка... (Бар.). ~ Бар. Берд. Бор. Долг. Каб. Кам. Ключи. Кол. Крап. Мих. Перех. Салт. Тар.

2. что. *Расчищать, делать годным для пользования.* – Где там лесинка выросла, пруток, сяс он его под корешок срубит, чтобы не зарастало, покосы **гоили**. Чтобы чистый был покос (Арс.). ...вот весна подходит, там разный мусор, сор всякой, берёшь грабли и идёшь, скребёшь, выскребёшь всё, костёр наберёшь, зажигаешь, он высохнет, зажигаешь, сгорел, там другу кучу собираешь. Вот так и **гоили** эти огороды (Крап.). ~ Арс. Крап. Салт.

3. что. *Очищать зерно от мякины и сора; провеивать.* – Ну как **гоить**. Вот так и очищать, провеивать это, провеешь, всё это уберёшь. Вот это называется **гоить**. Это зерно. Отмолотишь и провеешь, и всё (Попер.). Каки веялки? На колено таки больши были сделаны, вот так крюк, стоишь крутишь, она отвеивает мякину, зерно к зерну **гоили** (Лен.). ~ Бор. Крап. Лен. Попер.

4. что. *Вырывая, выдёргивая сорные травы, очищать огород; полоть.* – А кого **гоить**? Капуста и так если, сор если, попоleshь (Крап.). **Гоить** потребляли, пойду в огороде что-нибудь из**гоить**, выполю... (Бор.). Хорошо таперь помогут матери. Здоровье плохо стало. Ну траву тогда **гоят**, наверно, всё. Еслив нынче, а раньше говорили все годы (Ключи). ~ Арс. Берд. Бор. Каб. Ключи. Крап. Макс. Мих. Перех. Салт. Тар.

5. что. *Подвергать выделке; обрабатывать.* – А мыло-то варили, когда в войну, тоже помню маленько, первый-то переворот. Так вот скотину кололи, кишки **гоили**, да варили сами. Чёрный, вот столечко там мыла, может, будет. Кишки **гоить** – это кишки распарывали, на речке полоскали, на речке выполощут их, **выморозют**, а потом весной уж варят тода мыло (Бор.). Кедрь есь, но мало... Шишки варят, в кипятке в воде накладывают, сера скипит и ягода маненько разможитца, потом сушат и выбивают, долбят, провеивают решетом, всё обгаивают, я-то не **гоила**, сушат на солнышке, вот и готовы, складут в мешок (Лач.). Свинью **гоил** я. Счас палят. Ну и счас. Опалят, а потом обмывают кипятком, скоблить надо (Мих.). А изольна уже сделаешь, чё-то напрядёшь, дак кофтёночку свяжешь. Сё она понарядней будет, платок выткешь. Его весь **гоить**. Весь **гоишь**. Весь его мнёшь ... (Перех.). ~ Арс. Берд. Бор. Крап. Лач. Мих. Перех. Плотн. Салт. Тар.

ГОЛИМЫЙ, ая, ое. 1. *Вылитый (о человеке).* – Дочь-то – это голимый отец. Кто на мать, кто на отца похожий (Лен.). Нет, Антоша не голимая мать, на Константина маленько [походит] (Мих.). Это отцов сын, Ванька или Гришка походит на отца. Голимый отец, – говорили. Отцов сын, прямо весь отец и отец, как нарисовал его. Дочь на мать, а сын на меня похожий (Бор.). ... голимая у него дочка. Голимая тётя Рая. Надо ж было **вылупиться** в тётку (Крап.). ~ Бар. Берд. Бор. Каб. Кам. Крап. Лен. Мих. Перех. Плотн.

2. *Имеющийся, содержащийся в очень большом количестве.* – Там зашёл в тайгу, а сосняк – там нигде никакой травинки нет. Один голимый песок. Только нога тонет в песок (Крап.). Еслив голима глина, то, конечно, ничё не родится (Лен.). Картошку не выкопают, весной собирают, сырую, смёрзлую за зиму собираешь, шкорлупу обчистишь, там же голимый крахмал, вот затолкёшь с мучкой, и тошнотики пекли (Берёз.). Ну сейчас от у Шуры, у Гали была эта вафельница, а та была, вот так накладывают, в масле тесто-то, там голимо

масло и яйца, и она прямо всё бежит, в масле, эта сковорода, а счас электрическа (Крап.). А летнина [шерсть], там голима собачка в ней (Бар.). ~ Арс. Бан. Бар. Берд. Берёз. Кол. Крап. Кр.Кл. Лен. Плотн.

3. *Сплошь заполняющий собой какое-л. пространство; сплошной.* – У иного заглянешь в огород, а там, Боже мой! Голимая трава. Одна трава (Бор.). Ну болото есь, голимо болото, не ездили никогда. Нет (Кол.). ~ Бор. Кол.

4. *Не содержащий в себе ничего постороннего.* – Ну тогда делали, от сами которы делали, у нас кода взамуж-то вышла, голимо тесто сделают да разварят их в кипятке, потом в печку, сварят-то, ну они засохнут, вот и сушки (Крап.). ~ Бан. Крап.

ГОЛОВКА, и, ж. 1. *Брусок с зубьями, насаженный на рукоятку ручных грабель.* То же, что ГОЛОВА (в 5 знач.). – Зубья вставляли в головку грабель (Ключи). Гребли-то чем? Ну, как счас, грабли деревянны налажены, лёгки были, там от таки деревянны вбиты. А чё у ей. Головка, ну да котора сгребать-то, да ручка тоже деревянна (Бар.). Грабель-то – сено которы гребут, черень насодют на головку, зубьи, вот и головка. Ну да, гребёшь сено. Железна в огороде, а на покос-то берёшь деревянну головку... (Крап.). ~ Арс. Бар. Берд. Бор. Долг. Кам. Ключи. Крап. Кр.Кл. Лен. Макс. Мих. Перех. Плотн. Салт. Сар. Скар. Шев.

2. *Металлическая работающая часть косы.* – Палка длинная у литовки черен называется. К етой длинной палке головка прицепляется (Крап.). Ну, значит, железная часть, потом черен литовки, деревянная ручка. Головка в самом лезвии. Лезвие в палец толщиной где-то (Перех.). ~ Бор. Ключи. Крап. Макс. Перех.

3. (доп. ГОЛОВКИ). *Передняя часть полоза саней.* – Полоз с головкой делается (Салт.). Делали берёзовы полозья, головки так вот загибали (Крап.). Копыл деревянный, досочка такая. Дальше обвязывает самоё головку этих, этих полозьев... Загнутый полоз называется головкой, связывается тоже черёмухой, вязками, сверж вязков затянутых накладывается два шипа (Сар.). Головки только спереди [саней], две головки (Крап.). Илив она прямая будет – на сани не похоже. Головку, полоз загнут, и кода едешь на лошади, ни снег, ничё (Берд.). ~ Бан. Бар. Берд. Берёз. Каб. Кам. Ключи. Комар. Крап. Кр.Кл. Лен. Макс. Межд. Мих. Н.-Бар. Перех. Плотн. Попер. Салт. Сар. Тар. Шев.

4. (доп. ГОЛОВКИ). *То, чем скрепляют передние, загнутые вверх концы санных полозьев.* – А тут головки к этим копыльям-то делали из верёвок (Перех.). Полозки, оглобли, головка. Впереди головка, эти полозки стягивать. Вязи это уже. (Скар.). А головки для саней делают черёмуховые, черёмуховые, значит, крепче, берёзовы только полозья делают (Шев.). А головка, кода сани сделаны, черемошку распарят сделают. Ну черемошник вот лес, а их, кода головку сделают, сани скрепят (Перех.). Бастрык заденут за головку, сзади притянут верёвкой (Арс.). ~ Арс. Бор. Ключи. Крап. Кр.Кл. Макс. Межд. Н.-Бар. Перех. Скар. Фом. Шев.

5. *Основная часть невода, куда заходит рыба.* – Нонче два раза токо сходил на рыбалку. Негде. Засуха... Счас не разрешают неводом, раньше ловили неводом, как сказать, сетка така кубиками, так она сантиметр туда, сантиметр сюда, метра полтора длиной, и всё. Чело века два там тащат, человека два тут тащат, и в головке два тут тащат, и в середине один расправляет невод, чтоб он не скрутился (Сар.). А головка можно назвать мотня, чтоб она [рыба] туды попала. Она метра полтора... (Кам.). ~ Кам. Ключи. Межд. Сар.

6. *Лучшая часть зерна, отделяемая при веянии.* – Молотили цепями, в три-четыре человека, и пошёл. Веялки, как не было веялок, на ветру лопатами. Головку отвеешь, тут метла,

смахнёшь плохое, потом веялки ручные. В Банново старик Пата-коротышка жил, крутил веялку, копейка с пуда (Змеин.). В самое первое корытцо. Ворох. Головка, ето, значит, само лучшее зерно летит, дак его назад отходил (Ключи). ~ Змеин. Ключи. Крап.

7. *Верхний сноп в укладке снопов.* То же, что ГОЛОВА (во 2 знач.). Кучей составишь снопов шесть и покроешь, етой головкой, растопоришь (Макс.). ~ Макс.

8. *Верхняя часть снопа, в которой находятся колосья.* То же, что ГОЛОВА (в 1 знач.). – А чё их придерживать, они складены хорошо. Если я поехала, десять раз съездила, десять пуртов привезла я, разве каждый привязываю. Я складываю, чтоб мне колосок к колоску был. Ведь на всё в пологу, всё в пуртах, а комлями всё в сторону. Головка в пурту... Вот начинаю снопы клась, вот туда комлем, чтоб они все на пологу были, вершинки (Перех.). ~ Арс. Долг. Кол. Крап. Лен. Макс. Перех. Плотно.

9. *Верхняя расширенная часть гриба; шляпка.* – Грибы бывают подосинники. Как пойдут, так помаленьку ездют собирают. Подберёзовики, обабки, боровики – толста ножка у их, с головки красны (Берёз.). Дак грибы собирают, обычно пенёчек же остаётся в земле. Головки саят. Вот сам гриб (Перех.). Корешки, ешшо ето грузди. Помочишь их. Не, головки посолишь. Корешки жарят (Макс.). Бычки все разные – они стопочкой растут, скользка головка (Межд.). ~ Арс. Берёз. Кол. Крап. Макс. Межд. Перех. Скар.

ГОНКИЙ, ая. *Высокий, без сучьев* (о дереве, лесе). – Плотничал, лес рубил. Гонкий лес брали, продольный, это длинный такой (Бан.). А то, что она, на нём сучков нету. Раньше убирали кедрач, сейчас его не знаю, может, и делают, делали бондари были такие... Вот они убирали кедр, пойдут в тайгу и смотрют: «О-о-от, эта хороша, Ой, деточки, высока, значит, эта пойдёт, гонкая, хорошая, чистая (Перех.). ~ Бан. Бар. Берд. Кол. Крап. Межд. Перех. Плотно.

При составлении словарных статей всякий раз актуализируется мысль о том, что в практике словарного дела остаются до сих пор животрепещущими вопросы, связанные со спецификой описания разных категорий слов, определяемых а) типом их знакового значения [3] – слова-денотативы [4], слова сигнификативно-денотативного типа [5] и т. п; б) отнесённостью их к разным тематическим сферам – к примеру, названиям посуды [6], названиям метеорологических явлений [5, 7] и т. п.

Парадигматическая часть дефинитивного (словарного) значения обязывает лексикографа решать также вопрос о последовательности и однотипности определений единиц в рамках одной лексико-семантической общности как микросистемы. В целях продуктивного его претворения требуется, опираясь на принцип межсистемной дополнительности, создавать модель описания в виде объединения соотносительных микросистем, выступающую выразителем единства различных форм национального языка [10; 11 и др.], и использовать её в процедуре адекватного семантического воссоздания заглавных единиц словаря.

Осмысление иллюстративного материала, являющего собой системно-функциональный параметр словарной статьи, должно протекать в ракурсе понимания его как формы целостного знания о лингвистически означенной внеязыковой реалии [8; 9], демонстрирующего семантическую сущность слова в пределах его конкретного существования и в границах его эмпирической явленности. В таком случае определенность обсуждения значимости иллюстративного материала в словарной статье [12; 13] должна достигаться через раскрытие со-

отношения а) толкования и иллюстративного материала, б) парадигматической зоны и иллюстративного материала, в) многообразного иллюстративного материала и выражаемых им актуальных смыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Актуальные проблемы диалектной лексикографии / отв. ред. О. И. Блинова. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1989. 163 с.
2. Васильева Э. В. Введение // Областной словарь Кузбасса. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2001. С. 6 – 28.
3. Уфимцева А. А. Лексическое значение: (Принцип семиологического описания лексики). М.: Наука, 1986. 240 с.
4. Голев, Н. Д. Об описании значений слов-денотативов / Н. Д. Голев // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1973. Вып. 2. С. 26 – 34.
5. Васильев В. П. Способ системно-семантического описания имён // Актуальные проблемы диалектной лексикографии. Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1986. С. 77 – 88.
6. Демидова, К. И. Системный словарь предметно-обиходной лексики говоров Талицкого района Свердловской области. Свердловск, 1986. 105 с.
7. Васильев В. П. Некоторые направления семантического исследования народно-разговорного (русского) языка // Слово в системных отношениях на разных уровнях языка. Екатеринбург, 1993. С. 3 – 9.
8. Васильев В. П., Васильева Э. В. Лексикографическое описание диалектного слова с когнитивно-дискурсивных позиций // Исследование региональной лексики в историко-культурологическом аспекте. Арзамас: Арзамас. гос. пед. ин-т, 2006. С. 38 – 45.
9. Васильев В. П., Васильева Э. В. Глаголы функционального состояния как сателлиты метеонима *дождь* // «И нежный вкус родимой речи...». Арзамас: АГПИ, 2011. С. 84 – 89.
10. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Английские эквиваленты. Синонимы, Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 74 с.
11. Раков, Г. А. Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1988. 272 с.
12. Васильева Э. В. Один из способов представления семантики слова в областном словаре // Региональное функционирование языковых единиц. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 1993. С. 3 – 12.
13. Нестерова Н. Г. К проблеме соотношения значения и смысла слова // Актуальные проблемы русистики. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2000. С. 91 – 96.

УДК 81'374.3

И.К. Косицына

НОВЫЕ СЛОВА В ЯЗЫКЕ РУССКОЙ ВОСТОЧНОЙ ЭМИГРАЦИИ КАК РЕЗУЛЬТАТ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ

Статья посвящена процессу образования новых слов в русском языке восточной эмиграции 20-40-х гг. XX в. в соответствии с различными словообразовательными моделями.

Ключевые слова: русский язык зарубежья, словообразование, собственно харбинская лексика.

This article is devoted to the formation of new words in Russian language of the eastern emigration of 20-40s years.

Keywords: Russian language abroad, derivation, Harbin lexicon.

Возникновение в русском языке эмиграции первой волны XX в. значительного количества новых слов служит неоспоримым доказательством того, что на протяжении десятилетий

язык зарубежья продолжал жить и развиваться в отрыве от языка метрополии, и даже «установка на консервацию материала не означала отказа от новых слов и новообразований» [1, с. 37].

При этом процесс образования новых слов в языке русской эмиграции был характерен как для западной эмиграции, так и для восточной. Однако в Маньчжурии первой половины XX в. для сохранения и развития русского языка сложились особенно выгодные условия. Причиной тому неординарная языковая ситуация, возникшая в центре русской восточной эмиграции – Харбине [2, с. 44-64], которая характеризовалась там особым статусом русского языка как языка образования и культуры, обладающего высоким уровнем престижности среди местного населения.

Только при условии живой языковой среды было возможно словотворчество, и в данном случае это условие присутствовало, поэтому в языке русской восточной эмиграции, несмотря на тенденцию к языковой консервации, продолжали в большом количестве возникать новые слова, значительная часть которых создавалась по продуктивным семантическим и словообразовательным моделям русского языка, аналогично языку метрополии. Так, работа с языковым материалом, а именно с текстами периодических изданий русского восточного зарубежья и мемуарной литературы, подтверждает, что «в речи эмигрантов первой волны и их потомков, родившихся вне России и усвоивших язык в семье, словообразовательная система русского языка сохраняется в своем обычном виде» [3, с. 123].

Новые слова в языке русской восточной эмиграции появлялись несколькими способами: путем заимствования слов из восточных и европейских языков, путем функционирования механизма собственно словообразования и благодаря семантической деривации. В данной статье предпринята попытка рассмотреть деривационные механизмы, оказавшиеся актуальными при образовании новых слов в русском восточном зарубежье.

Собственно словообразование

Имеется в виду образование новых слов по словообразовательным моделям русского языка. При анализе новых слов, возникших в восточном зарубежье, безусловно, была цель охарактеризовать модели, по которым они создавались, по степени их продуктивности в сравнении с языком метрополии.

Особенно активными способами словообразования в русском языке восточной эмиграции были такие морфологические способы, как суффиксальный, аббревиация и сложение. Рассмотрим их более подробно.

Суффиксальный способ словообразования

Наибольшей активностью среди суффиксов при образовании новых слов в языке русского восточного зарубежья отличились суффикс -ЕЦ- (для образования существительных – наименований лица мужского пола) и -СК- (для образования относительных прилагательных).

Суффикс - ЕЦ- активно использовался при наименовании лиц по национальности и месту жительства, например, **НИППОНЕЦ, -а, м.р., мн. ниппонцы**. Японец, верноподданный Ниппон. «Сказав это, ниппонец смолк и больше не вступал в разговор с нами» [4, с. 300], «В шестом часу утра отправились вглубь концессии ее заведующий, ниппонец, г. Накамура, начальник охраны, состоящей из русских эмигрантов» [5]; **МУЛИНЕЦ, -а, м.р., мн.**

мулинцы. Житель станции Мулин. *«Время у нас не покупное! – отвечал мулинец, усаживаясь рядом со мной на шпалы»* [4, с. 157]; **ХАЙЛАРЕЦ, -а, мн. хайларцы.** Житель поселка Хайлар. *«На вопрос, кто из хайларцев может дать эти гарантии, я назвал отца Владимира»* [6, с. 73].

Новообразованием восточного зарубежья можно считать слово **ЛИНЕЕЦ, -а, м.р., мн. линейцы.** Проживающий в одном из населенных пунктов, расположенных вдоль линии Китайской Восточной железной дороги. Хотя это слово зафиксировано в словаре В. Даля со значением «линейный казак», находящийся в составе войска, поселенного «на пограничной линии» [7, с. 252], вполне можно считать, что в восточном зарубежье оно возникло независимо вследствие объективно существовавшей необходимости в особом наименовании строителей железной дороги, или линии. *«Так, начиная от внешнего вида поселков, станций и всех «линейцев», до множества красочных деталей делового рабочего и житейского обихода, на всем лежал яркий отпечаток старого русского быта, родных свечаев и обычаев, о каких, за исключением Маньчжурии, давным-давно позабыли уже во всем мире»* [8].

Для наименования лица по профессии или принадлежности к какому-либо объединению использовались также **суффиксы -ИСТ-, -К-.** При этом наименования лиц могли быть образованы и от аббревиатур. Напр., **КАВЕЖЕДЕКИ, -ов, мн.** Служащие Китайской Восточной железной дороги. *«Сытно и привольно жили «кавежедеки», получавшие до последних дней жалование в русском золотом рубле»* [8]; **ХЛАМИСТ, -а, м.р., мн. хламысты.** Участники объединения ХЛАМ. *«Днем встреч «хламистов» является среда»* [9].

Кроме того, с помощью **суффикса -К-** образовывались наименования женщин, напр., **НИППОНКА.** *«Молодая ниппонка, жена Осаги, стояла в дверях»* [4, с. 400], с этой же целью был использован редкий **суффикс -ИСС-** – для наименования женщины по профессии: **АВИАТРИССА, -ы, ж.р., мн. авиатриссы.** Женское к авиатор. *«Отважные авиатриссы доставили в столицу Маньчжоу-Ди-Го около 50.000 писем, написанных ученицами начальных школ и гимназий Ниппон в адрес их маньчжурских сестер»* [10].

Суффикс **-К-** также использовался для наименования предметов, что свидетельствует об актуальности словообразовательной модели с этим суффиксом в русском языке восточного зарубежья. Напр., **БЕНЗИНКА, -и, ж.р.** Бензиновая колонка. *«Это не аэроплан, а бензинка. Бензиновая «колонка» имеет ... притягивающий вид аэроплана»* [11]; **КИОВАКАЙКА, -и, ж.р.** Головной убор особой формы японской организации Киовакай. *«Нас заставляют одевать особую форму: у мужчин – японская киювакайка с назатыльником, обмотки...»* [6, с. 16].

Суффикс -СК- также свидетельствует об актуальности словообразовательной модели с его участием и послужил образованию следующих относительных прилагательных в языке русского восточного зарубежья: **КИОВАКАЙСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к Киовакай. *«Явился и советник атамана – японец в киювакайском костюме»* [6, с. 22]; **ТРЕХРЕЧЕНСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к топониму Трехречье. *«Я стал одеваться, и вскоре издали, где за окном трещит жестокий трехреченский мороз, донесся первый праздничный удар колокола»* [6, с. 45]; **НИППОНСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к Ниппон. *«Изучение всеми восточноазиатскими народами и, конечно, русскими ниппонского языка»* [6, с. 19], *«Мануфактура английская, французская и ниппонская»* [12], *«Две юных ниппонских летчицы, Кикито Матсумото и Чоко Мабу-*

чи, совершили смелые перелеты из Токио в Синьцзын» [13]; **МУЛИНСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к Мулин. «Степан Железняков? – ответил мне мулинский обыватель. – Да он пропал без вести почитай уже год тому назад» [4, с. 157]; **ХАРБИНСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к Харбин. «Харбинская весна...Гудят автомобили,// Кругом густая мгла, пирушка злобной тьмы,// Китайцы все в очках от ветра и от пыли,// Японцы с масками от гриппа и чумы» [13, с. 364]; **СУНГАРИЙСКИЙ, -ая, -ое.** Прил. к Сунгари. «О, сунгарийская столица!// До гроба не забуду я// Твои мистические лица// И желтые твои поля» [13, с. 294], «вдали виднеются ажурные пролеты сунгарийского моста» [14].

Использовались также суффиксы, выполняющие не только собственно номинативную, но и эмоционально-экспрессивную функцию, являясь уменьшительно-ласкательными, пренебрежительными по своей окрашенности. Эти примеры подтверждают, что словообразование в русском языке восточной эмиграции (как и в западной) выполняло те же функции, что и в языке метрополии [3, с. 123]. Причем «в качестве базовых» основ использовались «преимущественно основы русских слов» [3, с. 123]. Например, см. существительные **ДРАНДУЛЕТКА, -и, ж.р.** – от драндулет (старая, разбитая повозка). «Китаец в малахое с длинной трубкой// На драндулетке едет со двора» [7, с. 283], **ФАНЗУШКА, -и, ж.р.** – от фанза (жилище китайцев). «Сяо-эр с джонки переселился в крошечную фанзушку» [4, с. 447], **ФАНЗЁНКА.** То же, что ФАНЗУШКА. «Заборы, домики, заброшенные дачи,// Фанзенки ветхие, подгнивший серый тын...// Прощай, мой друг, печальный и невзрачный,// Нескладный беженский Харбин» [13, с. 349], **ФАНЗЁШКА.** То же, что ФАНЗУШКА, ФАНЗЁШКА. «Это духов злых и вредных// Из своих фанзешек бедных// Гонит прочь китайский люд» [13, с. 469].

Приставочный и приставочно-суффиксальный способы использовались гораздо реже для образования новых слов в русском языке восточного зарубежья, хотя случаи актуализации словообразовательных моделей с указанными словообразовательными средствами в нашем материале отмечены. Напр., это наречие **ПО-НИППОНСКИ.** По-японски. «Хай! – прозвучало оттуда по-ниппонски» [4, с. 394], существительное **ЗААМУРЕЦ, -а, м.р., мн. заамурцы.** Служащий Заамурского казачьего округа: «Красивая часовня воздвигнута на старом кладбище в память воинов замурцев, погибших при защите Харбина от боксеров» [15], «Старый заамурец нахлобучил на голову рваную рысью шапку» [4, с. 192].

Компрессивное словообразование, служащее целям сокращения уже имеющихся в языке номинативных единиц, было представлено в языке русской восточной эмиграции также достаточно широко:

- **Сложение** было весьма продуктивным, хотя часто и ситуативным способом образования новых слов.

1. Сложение с участием аналитических прилагательных: **КИНО-ВЕДЕТТА** «Я страстно мечтаю стать кино-ведеттой. Хочу выступать на экране» [5], **РАДИО-ВЫСТАВКА** «На прошлой неделе в Харбине с большим успехом прошла радио-выставка» [16].

2. Словосложение: **КАФЭ-КОНДИТЕРСКАЯ** «Кафэ-кондитерская. Самые вкусные блины и все деликатесы к ним только у нас» [18].

3. Сложение основ: **НИППОНО-РУССКИЙ** «ниппоно-русская выставка картин в харбинском Железнодорожном Собрании» [18].

4. Сложение с суффиксацией (сложно-суффиксальный способ): **КРЕСТОСЛОВИЦА, -ы, ж.р.** Кроссворд. Это слово было введено в эмигрантский речевой обиход, по замечанию Л.М. Грановской [1, с. 33], В. Набоковым, но широко употреблялось и в периодике восточной эмиграции. «Редакция «Рубежа» предлагает своим читателям принять участие в Пасхальном конкурсе крестословиц» [19]; **ОДНОПАРТНИК, -а, м.р.** Сосед по парте в школе, гимназии. «Пиши, Сергей, и обязательно присылай фотографии, - басил однопартник Коля Самгин» [20]; **БОНОДЕРЖАТЕЛЬ, -я, м.р., мн. бонодержатели.** Держатели особых бумаг – бонов. «Харбин, по количеству бонодержателей, стоит на втором месте» [21].

• **Аббревиация.** Этот способ также активно использовался при образовании новых слов в русском восточном зарубежье. Известно, что это был один их самых активных способов словообразования в языке метрополии. Широко была распространена как слоговая, так и буквенная аббревиация. Приведем примеры.

1. Слоговые аббревиатуры: **Желсоб, -а, ср.р.** Железнодорожное собрание. «Я внимательнейшим взором оглядел кругом Желсоб» [22], **Комсоб, -а, ср.р.** Коммерческое собрание. «Конькобежные состязания на катке Комсоба» [23], «Выпускные экзамены прошли в Комсобе, в присутствии экзаменационной комиссии» [24], «За рюмкой ликера и чашкой ароматного кофе члены Комсоба вспоминают минувшее» [29].

2. Буквенные аббревиатуры: **КВжд, нескл., ж.р.** Китайская Восточная железная дорога. «Неся службу на охране КВжд, замурыцы все свое свободное время посвящали охоте» [26, с. 174], «В час дня особенно людно в главной кассе КВжд» [27]; **СМжд, нескл., ж.р.** Советско-маньчжурская железная дорога (бывшая КВжд). «Затянувшиеся почти на два года переговоры в Токио о переуступке Москвою своих прав на СМжд правительству Маньчжурской Империи завершились утром 23 марта подписанием соглашения о переходе СМжд в нераздельную собственность Маньчжу-Ди-Го» [28]; **ХСМЛ, нескл., м.р.** Христианский Союз Молодых Людей. «Радио-выставка ХСМЛ» [15]; **Х.С.М.Ж., нескл., м.р.** Христианский Союз Молодых Женщин. «Х.С.М.Ж. в Сан-Франциско имеет большую студенческую резиденцию» [29].

3. Звуковые аббревиатуры: **Х.Л.А.М.** Творческое шанхайское объединение (художники, литераторы, артисты, музыканты). «В Шанхае уже два года с большим успехом ведет свою деятельность содружество русской богемы Х.Л.А.М.» [9].

4. Сложные (или слогословные, представляющие собой сложение начальной части слова одного слова с другим словом): **СОВВЛАСТЬ, -и, ж.р.** Советская власть. «Соввласть решила организовать грандиозный митинг в центре города» [4, с. 250], **СОВРАЙ, -я, м.р.** Советский рай. «Беглецы из соврая отдыхали на чужой земле, давшей им приют и душевное спокойствие» [4, с. 298].

4. Усечение производящей основы с суффиксацией (суффиксальные универбаты): **ЧРЕЗВЫЧАЙКА, -и, ж.р.** Чрезвычайная ситуация: «Да, много лет был наш черед:// Мы в чрезвычайках погибали» [30, с. 201].

Таким образом, вопрос о функционировании словообразовательного механизма русского языка в иноязычном окружении актуален и интересен исследователям языка русской эмиграции. Работа с языковым материалом восточной эмиграции в этом направлении подтверждает:

1) наличие значительного количества новообразований, что говорит о том, что русский язык активно продолжал развиваться в отрыве от языка метрополии (но при наличии живой родной языковой среды) в связи с потребностью в новых номинациях;

2) способы появления новых слов в нем были такими же, как в языке метрополии: очень активно слова создавались путем суффиксации, была актуальна аббревиация, сложение [26, с. 57], что, безусловно, указывает на общность процессов, происходящих в языке русского зарубежья и в языке метрополии, и подтверждается языковым материалом исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грановская Л.М. Русский язык в «рассеянии». Очерки по языку русской эмиграции первой волны. М.: ИРЯЗ, 1995. 176 с.
2. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос. ун-т, 2009. 352 с.
3. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: Итоги и перспективы исследования// Русский язык в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. № 1. С. 114-131.
4. Соната над Хинганом/ Сост. Ли Цянвэй// Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 Т./ Сост., ред. Ли Янлен. Пекин: Кит. молодежь, 2005. Т. 3. 605 с.
5. Рубеж. Харбин, 1934. № 35.
6. Дьяков И. О пережитом в Маньчжурии за веру и Отечество. Записки православного. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2000. 104 с.
7. Паровозы гудят у Цицикара/ Сост. Мяо Хой// Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 Т./ Сост., ред. Ли Янлен. Пекин: Кит. молодежь, 2005. Т. 2. 709 с.
8. Рубеж. Харбин, 1935. № 31.
9. Рубеж. Харбин, 1935. № 15.
10. Рубеж. Харбин, 1934. № 50.
11. Рубеж. Харбин, 1933. № 13.
12. Рубеж. Харбин, 1934. № 34.
13. Русская поэзия Китая: Антология/ Сост. В.П. Крейд, О.М. Бакич. М.: Время, 2001. 720 с.
14. Рубеж. Харбин, 1937. № 29.
15. Рубеж. Харбин, 1928. № 18.
16. Рубеж. Харбин, 1928. № 15.
17. Рубеж. Харбин, 1928. № 6.
18. Рубеж. Харбин, 1941. № 16.
19. Рубеж. Харбин, 1930. № 11.
20. Рубеж. Харбин, 1936. № 9.
21. Рубеж. Харбин, 1930. № 31.
22. Рубеж. Харбин, 1928. № 8.
23. Рубеж. Харбин, 1936. № 5.
24. Рубеж. Харбин, 1933. № 29.
25. Рубеж. Харбин, 1928. № 7.
26. Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка/ Под ред. М.А. Панова. М.: Наука, 1968. 185 с.
27. Рубеж. Харбин, 1928. № 11.
28. Рубеж. Харбин, 1935. № 14.
29. Рубеж. Харбин, 1934. № 51.
30. Харбин – мой оазис/ Сост. Ли Янлен// Литература русских эмигрантов в Китае: В 10 Т./ Сост., ред. Ли Янлен. Пекин: Кит. молодежь, 2005. Т. 1. 528 с.

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ НАРЕЧИЯ И ПРЕДЛОГИ В ДИАЛЕКТНОМ ЯЗЫКЕ

Репрезентация пространственных отношений отражает специфику восприятия мира языковым сознанием и, следовательно, может служить моделью для изучения языковой картины мира. В статье предпринято описание наречий и предлогов с пространственной семантикой.

Ключевые слова: пространство, диалектное высказывание, локализатор, картина мира, наречие, предлог.

Language means which represent space relationships reflect peculiar features of the world through the window of linguistic consciousness. Thus, its study may provide a model for studying the language worldview. This article gives analysis of adverbs and prepositions with spatial semantics.

Keywords: concept of space, dialectal utterances, localizer, world image, adverb, preposition.

Категория пространства относится к одной из важнейших абстрактных категорий и является объектом изучения многих отраслей научного знания. Лингвистические исследования в первую очередь сосредотачиваются на способах и формах реализации названной категории (см. работы Е.С. Яковлевой, Ю.Д. Апресяна, Е.С. Кубряковой, Р.М. Фрумкиной, Е.В. Рахилиной, И.М. Кобозевой и др.). Очевидно, что научное, философское и народное представления о пространстве как форме существования материи имеют различия [1, с. 11-14], поэтому исследование языковых средств, воплощающих или отражающих эти представления, и в настоящее время являются актуальными. В данной работе рассматриваются пространственные наречия и предлоги, функционирующие в русских говорах Приамурья. Диалектная речь уникальна, в ней содержится информация, которая отражает специфику культурно-исторического развития того или иного народа, своеобразие его быта, традиций, особенностей мировосприятия, в том числе восприятия пространства. Понимание пространства амурчанами специфично и самобытно в силу объективно сложившейся ситуации: заселение Дальнего Востока значительно по времени и широко представлено географически – центральная и южная части России, Украина, Белоруссия, Сибирь, Забайкалье. Переселенцы, у которых уже сложились свои пространственные представления, осваивали новые территории, что, в свою очередь, находило отражение в языке.

Традиционно разграничивают два типа пространства [2; 3]: физическое (обладающее физическими характеристиками) и нефизическое (ментальное). Физическое пространство объективно первым осознается человеком, поскольку есть потребность организовать свое существование, решить практические задачи. Физический тип пространства может быть выражен различными частями речи, в диалектном языке исследуемый фрагмент действительности представлен в первую очередь наречиями и предлогами.

Наречия с пространственной семантикой представлены в приамурских говорах достаточно широко, обозначают положение объекта в пространстве относительно говорящего или

других объектов. Соответственно в качестве ориентира (предмета, помогающего определять местоположение объекта) выступает сам человек или другие объекты. В зависимости от нахождения относительно ориентира можно выделить следующие виды локализаций (о разных видах локализаций см.[4]):

ВЕРТИКАЛЬНАЯ:

– пространство *под* ориентиром (**вниз, внизу, снизу, споднизу**) и *над* ориентиром (**навёрх, наверх, свёрху**); *Здесь всё время пекла я хлеб. Жар выгребаю. Конечно, ложкой труднее, выгребаю вниз, в поддувало, железинкой закрываешь, и приспособилась и пекла хлеб* (с. Черновка Свободненского р-на)²; *Кросны, ну, это ж вот, туда нитки проходят, так тоненьки таки палочки. И вот в каждую в эту вот надо ниточку продеть, вот так. И их две штуки было, снизу и сверху* (с. Михайловка Мазановского р-на); *У чугунах готовили. У меня еще чугунка, одна, дак, ведерная, давала на эту, на обед, а там маляровка отскакала споднизу* (с. Н.-Андреевка Белогорского р-на); *Труба там наполовину кладается, а там наверх идёт железная труба у нас* (с. Касаткино Архаринского р-на); *Вот таскаем мы копы, тут три мужика бросают, один с вилами наверх, а двое подают* (с. Грибовка Архаринского р-на); *Коноплю мяти, чтобы эта кострика сверху слетела* (с. Красноярово Мазановского р-на).

ГОРИЗОНТАЛЬНАЯ:

– пространство перед ориентиром, *впереди* (**впередё**); *Если я впередё езжу, то есь пристяжнйк, еишб – погонщик* (с. Ушаково Шимановского р-на);

– пространство *сзади, позади* ориентира (**взадё, взадй**); *Солдаты вели взадё, впередё* (с. Джалинда Сковородинского р-на); *А взадй заключено, ты там почеси* (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); *Молотили коням, а взади сотрясали граблям* (с. Союзное Октябрьского р-на);

– пространство *поперёк* (**впоперёк**); *Два раза след боронил впоперёк пашины, а потом, гыт, задблить надо пашиню* (с. Екатерино-Никольское Октябрьского р-на);

– пространство *близко, рядом* с ориентирами (**близу**); *Близу нас они жили, идти если надо было, недалеко* (с. Нижние Бузули Свободненского р-на);

– пространство *далеко* от ориентиров (**вдалё, далёконько**); *Якуты нашли их там вдале* (с. Черняево Магдагачинского р-на); *На работу я ходила далёконько* (с. Тамбовка Тамбовского р-на);

– пространство *вокруг* ориентира (**кругм**); *Оболокнёшь кругом туяс берестяной, потом дёнушко дёлаш* (с. Столбовое Октябрьского р-на);

– пространство *среди* ориентира (**посерёдь, посерёдке**); *Сюды на протоке было видно, даже посерёдь протоки выметало косу* (с. Невельское, район им. Лазо); *Стелется пол отседа и отседа, а посерёдке проход для лошади* (с. Поярково Михайловского р-на);

– пространство *вдоль* ориентира (**повдоль**); *Солому раскладывают повдоль, колбсся в середину* (с. Екатерино-Никольское Октябрьского р-на);

– пространство *внутри* ориентира (**внутрё, внутрб**); *Яма дёлатся, кряжи накладаються, делаешь топку, и оно горит внутре* (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); *Берёста*

² Здесь и далее иллюстративные примеры даны по [5],[6].

распарится. Поставишь днѣише деревянно. Это вну́тро, а это краси́вше сверху (с. Екатерино-Никольское Октябрьского р-на);

– пространство навстречу ориентиру (**встрѣчу, встречу**): Машиут красненькими тряпочками: встречу идёт пароход (с. Пузино Октябрьского р-на); Туды идёшь далёко, а ветер то встречь, мороз (с. Союзное Октябрьского р-на).

Пространственные наречия с вертикальной и горизонтальной локализацией в исследуемом диалекте представлены как общерусскими лексемами, так и диалектными вариантами общерусских лексем и собственно диалектными словами. В работе не осуществляется сравнение диалектного и общенационального, при этом диалектное понимается как проявление национального, народного.

ОПРЕДЕЛЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА (говорящий/слушающий может определять местоположение объекта, ориентир известен):

– пространство отсюда (**отсе́да, отсе́дова, отсу́ль, отце́ль отце́дова, отцу́дова**) Стелется пол отседа и отседа, а посере́дке проход для лошади (с. Поярково Михайловского р-на); Меня не выкурчаешь отцель – привыкли, освоились (с. Чесноково Михайловского р-на); Копать надо отседова и до горотьбы (с. Константиновка Константиновского р-на); Отседова и пошла наша деревня (с. Пашково Облученского р-на); Отсуль, с Дальнего Востока, выгнали белобандитов (с. Поярково Михайловского р-на);

– пространство оттуда (**оттѣ́да, оттѣ́да, оттѣ́дова, оттѣ́дова, оттѣ́ль, оттѣ́ль, оттѣ́ля**): Верховодка, потому шо идти зимой, где трещину дашь лёд. Вот она оттѣда бьет (с. Черновка Свободненского р-на); Оттѣдова начинают надевать арамумы и доцудова надеёт (с. Пашково Облученского р-на); А оттѣль пешком на ножках /ногах (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); Привезли оттѣдова хлеба (с. Константиновка Константиновского р-на); Поедет она в район, оттѣль привезёт ручного товару (с. Кузнецово Магдагачинского р-на); Он потом ехал оттѣля к своей тѣще (с. Черняево Магдагачинского р-на); Вынешь её оттѣда – зажарится (с. Албазино Сковородинского р-на);

– пространство до этого места, до этих пор (**доце́ль, досѣ́дова, доце́дова, доцу́дова**): Досюдова вода доходит, до головки (с. Черняево Магдагачинского р-на); Ковары вот доцедова пришьют, оборками завяжут (с. Союзное Октябрьского р-на); Отцудова начинат и доцудова надеется дойти (с. Пашково Облученского р-на); Така́ больша́я доска; вот отцель и доцель (с. Пузино Октябрьского р-на);

– пространство сюда (**суда́, суды́, суды́, судо́й**): Приехали суды, тут вольная земля и сенокосы, а у их там очень тесно было, в этой самой Расее, а тут воля (с. Николаевка Смидовичского р-на), Суда сто килограмм попадётся в сеть ряж (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); Он их суды приплавил, на Амур, дома́ плавил суды (с. Пашково Облученского р-на); Закончила педучилище, а потом по распределению судой и пошла (Благовещенск);

– пространство туда (**туды, тыды, тудась**): Дедушка с бабушкой приехали туды, никого там не было (с. Аргунское, район им. Лазо); Прибежала я домой, пошли с матерью тыды (с. Константиновка Константиновского р-на); Пришли варить тудась (с. Черняево Магдагачинского р-на);

– пространство в этом месте, здесь (**ту́та, ту́така, ту́точки, здѣ́ся**): Меньшо́й мой оделся и спал тутака, а ноги го́лы были и простыл (с. Поярково Михайловского р-на); А

орешки на тарелки кладёшь туточки (с. Верхнеблаговещенское Благовещенского р-на); Здесь – земляника, а у нас на Алтае – глубяника (с. Черновка Свободненского р-на);

– пространство там, в том месте (**та́ма, та́мака, та́моть**): Вязала кружева тама, в Красноярском (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); Напрямую едешь по Амуру, там Аргунь пойдёт, и дом мой тамака (с. Игнашино Сковородинского р-на); Тамака много ягоды (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на); Тамоть место себе нашла (п. Февральск Селенджинского р-на).

НЕОПРЕДЕЛЕННАЯ ЛОКАЛИЗАЦИЯ ОБЪЕКТА (говорящий/слушающий не может определять местоположение объекта, ориентир не известен):

– пространство откуда (**откё́ле, откё́ль, отку́ль**): Не знаю, откуль о́не были. Говорят: гурáн да гурáн (с. Калинино Михайловского р-на); Откеле же вас бог нанёс? (с. Головино Биробиджанского р-на); Мышей травили, травили, а их всё много, откель они берутся? (с. Кузнецово Магдагачинского р-на);

– пространство отовсюду (**отовсё́дь, отовсё́ль, отовсё́сь**): Отовсюль далёко (с. Черняево Магдагачинского р-на); Чечáс сколечко едут отовсюдь, тоже они прикочёвны отовсюдь (с. Дежнево Ленинского р-на); Отовсюсь были справки (с. Кукелево Вяземского р-на);

– пространство везде (**скро́зь**): Скрозь вода была. Скрозь селиться после большой воды стали (с. Н.-Воскресеновка Шимановского р-на).

Описание пространственных наречий в соответствии с выражаемыми ими отношениями демонстрирует, что наибольшим количеством лексем представлены горизонтальный и определенный типы локализации, что, как представляется, объясняется особенностями мировосприятия жителя села – говорить о том, что фиксируется в пространстве относительно себя или каких-либо объектов, о том, что находится в поле видимости при естественном положении тела.

Среди предлогов с пространственной семантикой, существующих в приамурских говорах, можно выделить две группы. К первой группе относятся предлоги, которые совпадают с литературными, но имеют в говорах другие лексические значения и могут сочетаться с другими падежами: **в, до, за, над, о, об, от, по, под, с (со)**. Вторая группа представлена собственно диалектными предлогами, которые в сочетании с падежной формой могут выражать различную локализацию объекта по отношению к говорящему.

Анализ предлогов первой группы показал, что, несмотря на совпадения в двух разновидностях русского языка, они могут иметь разные пространственные значения. Кроме того, некоторые отличаются сочетаемостью с разными падежами. В частности, предлог **с**, употребляется с род. п., соответствует предлогу **из** литературного языка. Сочетания с предлогом **с** выражают пространственные отношения, указывая на место, откуда направлено действие. С Курска тоже сюды, на Амур, наковёáli (с. Дежнево Ленинского р-на); Утаиши́л лисицу с капкана (с. Радде Облученского р-на).

Предлог **в** употребляется с винительным и предложным падежами, сочетания с предлогом **в** выражают пространственные отношения:

с вин. п. – обозначают место, в сторону которого направлено действие: Жéреби тянули, кому плыть в Амур (с. Венцелево Ленинского р-на) – на месте литературного **по (реке)**; По виноград в острова ездили (с. Амурзет Октябрьского р-на), Саша, она всю кастрюлю куды

утащишила? В улицу? (с. Башурово Облученского р-на) – на месте литературного **на**; *Пойма́т колонка́ и в пазуху́ его себе* (с. Невельское, район им.Лазо) – на месте литературного **за**;

с предл. п. – указывают на место действия: *В островах* черёмка, яблоньки, боярки, шипи́шки растут (с. Черняево Магдагачинского р-на), *Вчера был в рыбалке* (с. Константиновка Константиновского р-на) – на месте литературного **на**; *В этом повороте* сахарный завод был (с. Пашково Облученского р-на) – на месте литературного **за**.

Диалектные предлоги с пространственной семантикой, относящиеся ко второй группе, вместе с падежной формой имен существительных могут выражать различные пространственные отношения:

– местоположение или локализацию объекта или предмета:

позади (**поза́д, поза́дь**): *Конь идёт бороздой, а окучник поза́д его огребáт* (с. Джалинда Сквородинского р-на); *Баня у нас поза́дь этой улицы, в центре* (с. Черняево Магдагачинского р-на); напротив, прямо перед чем-н. (**спрóтив**): *Её сын живёт спрóтив зернового двора* (с. Черняево Магдагачинского р-на); вдоль (**повдо́ль**): *Задóлить надо пашню повдо́ль пашени, повдо́ль гон* (с. Екатерино-Никольское Октябрьского р-на); *Повдо́ль дороги здесь тополя посажены* (с. Марково Благовещенского р-на, вокруг (**круг**): *Круг Байка́льска-то чё?* (с. Черняево Магдагачинского р-на);

– движение против чего-л. (**пове́рх**): *Плыли пове́рх воды, против течения, трудно было* (с. Джалинда Сквородинского р-на); движение мимо (**ни́мо**): *Едешь маненько ни́мо его* (с. Пашково Облученского р-на); движение или локализация через, сквозь что-л. (**скро́зь**): *Скро́зь эту седёлку проходит чересседельник – лигули́рует седёлку* (с. Албазино Сквородинского р-на).

Описание предлогов в соответствии с выраженными ими отношениями показало, что среди предлогов с пространственной семантикой значительно преобладают предлоги, выражающие статические отношения (местоположение или локализацию объекта или предмета) и горизонтальный тип локализации, основанный на противопоставлении «спереди-позади», «слева-справа». На наш взгляд, это является подтверждением того, что жителю Приамурья свойственен «равнинный» тип мышления: «при равнинном мышлении пространство осваивается преимущественно по горизонтали, что находит свое отражение в языке, а именно в особенностях семантики и функционирования пространственных лексических единиц» [7].

Таким образом, отображение пространственных отношений в конкретных языковых единицах имеет свои специфические черты, обусловленные условиями жизни социумов, определяющими характер восприятия действительности. Диалектный язык дает нам информацию о крестьянском мировидении, которое является одной из главных составляющих русской национальной картины мира, и одновременно – фактором, оказывающим большое влияние на ее формирование.

ЛИТЕРАТУРА

1. Порядина Р.Н. Духовный мир в образах пространства // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Отв. ред. проф. З.И. Резанова. Томск, UFO-Plus, 2007. С. 11-77.
2. Гынгазова Л.Г. Физическое и духовное пространство в дискурсе носителя традиционной культуры // Картины русского мира: пространственные модели в языке и тексте / Отв. ред. проф. З.И. Резанова. Томск, UFO-Plus, 2007. С.78-109.

3. Кубрякова Е.С. Язык пространства и пространство в языке (к постановке проблемы) // Известия АН. Серия литературы и языка. 1997. Т. 56. №3. С. 22-31.
4. Ненькина Е. В. Наречия с пространственной семантикой в донском казачьем диалекте // Гуманитарные исследования. Журнал фундаментальных и прикладных исследований. 2011. № 4 (40). С.126-131.
5. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
6. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 2-11 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. Благовещенск: АмГУ, 2005 - 2014.
7. Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М.: «Гнозис», 1994. 343 с.

УДК 81'27

Н.А. Мишанкина, Ю.В. Филь

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ КОРПУС «ТОМСКИЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТЕКСТ»: КОНЦЕПЦИЯ И СТРУКТУРА³

В статье представлена структура текстового корпуса, отражающего вариант русского языка, функционирующего в Томском регионе. Проблема описания функциональной модели русского языка может быть решена с опорой на обширный эмпирический материал, аккумулированный в лингвистических корпусах, что доказывается на примере описания русской глагольной полипрефиксации. Структура регионального корпуса отражает геополитическую, лингвоантропологическую, историко-культурную специфику региона.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, региональная лингвистика, региолект, Томский регион, полиэтничность, архивные документы, русская глагольная полипрефиксация.

Solution of the problem of describing the internal nomenclature requires applications technology of linguistic buildings, storage technology databases and data recovery. Currently, there are successfully implemented projects of national languages in general. Russian National Corpus created a significant team of linguists and specialists search engine Yandex. Range of empirical data presented in the RNC, wide, but not exhaustive - not solved the problem of representation of regional variants of the national language, different social and territorial characteristics. In this regard, before the Russian linguists raise the problem of conceptual search solutions for the world of linguistic buildings representing regional variants of the Russian language.

Tomsk region has a number of specific features that have emerged due to the historical and cultural conditions of its development, which determined the synthetic nature of the Siberian cultural space. Regional version of the Russian language in the Tomsk region never became a subject of a separate linguistic description, so the proposed project aims at a comprehensive study of its system.

The necessity of corpus materials for the description of some facts of the Russian language is proved by Russian poly-prefixation of verbs which is a special linguistic phenomenon which is typical not only for Russian literary language but also for Russian dialects. The functional relevance

³ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №14-14-70010 "Лингвистический корпус «Томский региональный текст»: концепция и структура".

of poly-prefixation, the number and the structure of the involved affixes and their semantic peculiarities in different subsystems of the Russian language are different. Its specificity revelation will benefit in new facts which can confirm the status of the investigated language phenomenon in regional dialect and in Russian language in general. The analysis of Russian multi-prefixal verbs allows one to affirm that even in the framework of one language a set of verb prefixes, which can be secondary prefixes, its productivity and semantic saturation, can vary.

The conceptual design of the linguistic body reflecting the specificity of regional variants of the Russian language, calls for the evolution of systems principles of the lingvoantropological portrait region.

The structure of linguistic corpus "Tomsk regional text" will presumably include three basic subcorpora: 1) verbal texts in Russian language will be presented in annotated subcorpus of spoken language of the region residents; 2) written texts which represent different discourses in their written forms will find its way in subcorpus of written speech; 3) historical subcorpus based on data base from Public Record Office of Tomsk oblast involves written texts of different institutional and personal discourses. This structure reflects significant parameters of the description of regional variant of Russian language which are important in different branches of modern linguistics.

Keywords: corpus linguistics, linguistic corpus, regional linguistics, regiolekt, Tomsk region, multi-ethnicity, archival documents, Russian polyprefixion of verbs

Решение задачи описания общенационального языка в его реальном функционировании – фундаментальная проблема языкознания, поставленная еще в XIX в. Современная наука с ее технологическими решениями, в частности, разработанными к концу XX в. технологиями сбора, хранения и представления информации, дает возможность решить эту фундаментальную задачу. Наиболее оптимальными и эффективными для работы с эмпирическим языковым материалом, релевантным для построения функциональной модели языка, представляются технологии создания лингвистических корпусов, аккумулирующие технологии баз данных и информационного поиска. Современная лингвистика уже оценила значимость этих технологий для решения исследовательских проблем, связанных с репрезентативностью и верифицируемостью лингвистических исследований, описанием языка, основанном на его реальном функционировании, и статистических данных, фиксацией различных хронологических и социально-исторических, социально-культурных состояний языка. С конца XX в. успешно реализуются проекты, представляющие национальные языки, в их числе может быть назван и Национальный корпус русского языка (НКРЯ) [1], в состав которого входит основной массив текстов, репрезентирующий современный русский литературный язык в его письменной форме. Одновременно организована работа с отдельными подкорпусами: газетным корпусом (корпус текстов современных СМИ), корпусом диалектных, поэтических текстов, корпусом устной речи, мультимедийным корпусом, корпусом параллельных текстов и др. Спектр эмпирического материала, представленного в НКРЯ, широк, но до сих пор не решена проблема представления региональных вариантов общенационального языка, отличающихся социальной и территориальной спецификой. Эта ситуация, в свою очередь, ставит перед российскими лингвистами проблему определения теоретико-методологических оснований и поиска концептуальных решений для создания лингвистических корпусов, представляющих региональные варианты русского языка.

В настоящей работе мы представим концептуальное обоснование структуры лингвистического корпуса региональных текстов.

В работах, посвященных проблемам культурного регионализма, язык рассматривается как отдельный параметр региональной идентичности [2]. Со стороны современной лингвистики эта ситуация активно рефлексирована: впервые эта проблема была обозначена исследователями французского языка [3, с.29; 4, с.6; 5, с.125], и в последнее десятилетие появился целый ряд работ представителей русских региональных лингвистических школ, посвященных проблемам исследования региональных вариантов общенационального языка. В исследовательское поле попадает как русский язык диаспор, проживающих на территории других государств [6-7], так и собственно региональные варианты русского языка. Последнее направление реализует проекты, ориентированные на изучение отдельных региональных вариантов русского языка. В числе реализованных исследований можно назвать работы О.Н. Иванищевой [8], Ю.А. Резвухиной [9], Е.А. Оглезневой [10], А.А. Ворожбитовой, А.С. Зубцова [11], монографию «Языковой портрет Приамурья» под ред. Л.М. Шипановской [12]. Исследованию региональной языковой картины мира посвящена конференция «Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира», результаты которой нашли отражение в сборнике научных трудов [13]. Региональная проблематика начинает активно внедряться в образовательные программы [14]. Более широкий спектр задач, связанных с исследованием регионального словотворчества, ставит перед собой научно-исследовательская лаборатория «Филологическая регионалистика «Курское слово» [15]. Ключевая идея всех проектов – понимание того, что специфику функционирующего в определенном регионе России русского языка обуславливают исторические, социо-культурные особенности развития данной территории.

Таким образом, можно говорить о том, что исследование русских региолектов представляет новое, но активно развивающееся направление современной отечественной лингвистики. Вместе с тем описание данной формы существования языка требует значительного объема эмпирических фактов, которые могут быть получены только с применением новых технологических решений – на основе полнотекстовых баз данных и лингвистических корпусов.

Томский регион также обладает целым рядом специфических черт, отражающих исторические и культурные условия его развития. До появления на этой территории русскоязычного населения в XVI-XVII в. здесь проживали коренные тюркские народы (сибирские татары, чулымские тюрки) и коренные народы Севера (селькупы, ханты, эвенки, эвены, манси, коряки, кеты, нанайцы). Русские поселенцы были носителями различных первичных говоров, на базе которых образовались вторичные, в Сибири – старожильческие. Эти говоры не были изолированы от взаимодействия с культурами и языками коренных жителей Сибири. Русские старожильческие говоры Среднего Приобья в течение многих лет изучались исследователями Томской диалектологической школы, было осуществлено их комплексное и лексикографическое описание [16]. Однако многие аспекты регионального существования языка не были затронуты диалектологами.

В настоящее время на территории Томской области проживают сибирские татары, чулымцы, селькупы, ханты, эвенки [17], которые часто владеют двумя языками – родным и

русским. В этом случае наблюдаются факты интерференции языковых структур, что также во многом определяет специфику регионального варианта русского языка. Факты языковой интерференции наблюдаются и в речи представителей этносов, переселившихся в более позднее время в результате сложных миграционных процессов под влиянием экономических, политических, военных, религиозных и иных причин. Работы томских историков позволяют говорить о четырех волнах переселения. Кроме уже названного переселения русских, в XIX в. отмечается мощный приток мигрантов из разных частей России и других стран, в частности, на данной территории появляются евреи, поляки, немцы, эстонцы, латыши, украинцы и представители других этносов. Массовая насильственная депортация в 30-е гг. XX в. привела к переселению на территорию Томской губернии жителей Прибалтики, поволжских немцев, поляков и др. И, наконец, процессы естественной миграции вновь актуализируются в настоящее время в связи с экономическими и политическими процессами, происходящими на территории бывшего СССР. Можно говорить о существовании в Томске целого ряда национальных диаспор (армянская, чеченская и др.), также вносящих свой вклад в формирование этнокультурной специфики Томской области [18].

Этническое многообразие Томского региона находит воплощение не только в вариативности устной речи жителей. Представители различных этносов создают общественные организации по сохранению своей культуры и выпускают периодические издания. Например, Центр башкирской культуры «Ялкын/Пламя» издает журнал «Ялкын», «Центр польской культуры «Дом польский» – газету «Dom Polski», Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Томской области «Колта-Куп» – информационные бюллетени. Ряд организаций размещает материалы на собственных сайтах: Национально-культурная автономия греков Томской области (сайт <http://grek.tomsk.ru/>), Местная общественная организация «Национально-культурная автономия кыргызов г. Томска» (сайт <http://tomsk.kyrgyz.ru/?page=1>), Местная общественная организация «Национально-культурная автономия узбеков г. Томска Томской области» (сайт: <http://uzbekistan.tomsk.ru/>). Таким образом, представители этнических культур создают корпус письменных текстов, представленный в периодике и сети Интернет [19].

В этой связи можно говорить, с одной стороны, о языковой специфичности Томского региона, обусловленной как геополитическими, историческими процессами заселения этой территории представителями различных этносов, так и смешанным, разноречным составом русскоязычного населения; с другой – о дискурсивном варьировании, которое прослеживается как в рамках русского литературного языка, так и в области межэтнических и межкультурных взаимодействий. Данная проблематика уже выступала объектом исследования томских лингвистов. Так, З.И. Резановой и ее коллегами была выявлена национально-культурная идентичность речи жителей Томска, ее дискурсивные реализации [20-21].

Специфика региональной полидискурсивности заслуживает, по нашему мнению, отдельного исследования. Еще один фокус исследовательского интереса в этой сфере – варьирование дискурсов в аспекте их региональной составляющей, определяющей способы и формы реализации языка в отдельных дискурсивных сферах (медиа, литературно-художественной, устно-разговорной, эпистолярной, юридической и др.) как в «вертикальном» (социальном) изменении, так и в «горизонтальном» (территориальном). Ряд исследова-

ний группы лингвистов Томского государственного педагогического университета [22] показывает, что текстовое воплощение определенных институциональных дискурсов (СМИ, официально-деловая коммуникация) на территориях региона, прежде всего в сельской местности, обладает явно выраженной спецификой по отношению к городской среде.

Историческая динамика регионального варианта русского языка – еще один параметр, заслуживающий внимания исследователей регионального варьирования языка. Исследования и лексикографические работы [23], выполненные на материале памятников, созданных в районе формирования среднеобских говоров – в Томском, Кетском, Нарымском и Кузнецком острогах, позволяют сделать вывод о региональной специфике лексического пласта языка. Сопоставительный анализ лексики, представленной в указанном источнике, и данных исторического подкорпуса НКРЯ показал, что в источнике содержатся единицы, не зафиксированные в нем. Корпус письменных текстов, представленных в Государственном архиве Томской области, открывает возможности для выявления лингвистических особенностей текстов архивных документов, ранее не описанных в социокультурном и дискурсивном аспектах.

Сказанное выше ставит перед нами ряд задач, связанных с решением общетеоретических и прикладных проблем описания специфики и форм регионального существования русского языка на территории Томской области. Региональный вариант русского языка в Томском регионе никогда не становился объектом отдельного лингвистического описания, поэтому предлагаемый проект направлен на его системное комплексное изучение с учетом региональной специфики всех уровней языковой системы.

Проиллюстрируем необходимость создания Томского регионального корпуса с целью его использования для изучения конкретных языковых явлений. В качестве примера предлагаем рассмотреть глагольную полипрефиксацию, интерес к которой в лингвистике в последнее время возрос по нескольким причинам. Единицы с несколькими префиксами представляют собой особый пласт глагольной лексики, уходящий своими корнями в общеславянский период, характерный для целого ряда современных славянских языков и отражающих не только языковую, но и национально-культурную специфику этих языков (а также их диалектов и региолектов), проявляющуюся в данном случае на морфо-derivационном уровне. Кроме того, единицы указанного уровня, несмотря на их формальную несамостоятельность, являются структурными составляющими многоприставочного глагола и вызывают научный интерес с точки зрения семантики и функциональной значимости релятивных единиц языка. Их исследование «позволяет выявить особенности восприятия, преломленного в языковых значениях, и помогает раскрыть систему понятий, через которые мы осмысливаем окружающий мир» [24, с.721]. В этой связи содержательный план полипрефиксального глагола (начиная от глагольной основы и заканчивая вторичной приставкой) оказывается показательным для современного концептуального, лингво-культурного и иного типов анализа. С другой стороны, явление полипрефиксации (шире – полиморфемности как следствия агглютинации, редупликации и т.п.), не является феноменом исключительно славянских языков, оно характерно и для греческого, кельтских, германских, а также для некоторых иберийско-кавказских языков [25], в каждом из которых оно представлено общими (по большей части формально-структурными) и частными, специфическими (семантическими, функциональными) чертами. Механизм «сцепления» аффиксов, количество участвующих в полипрефик-

сации морфем, их инвентарь, моно/полисемичность в разных языках различны, что объясняется особенностями типологической структуры языка, целью соединения морфем, генетически предопределенными моделями полипрефиксации, возможным влиянием аналогичного явления в «соседнем» языке.

Сложившаяся в русистике традиция изучения многоприставочных глаголов и вторичных префиксов с дериватологических (Е.А. Земская; Ю.В. Королева; Л.И. Ройзензон; О.М. Соколов; М.В. Черепанов; А.Н. Чижик-Полейко, В.В. Титовская и др.) и аспектологических (Е.А. Земская; С. Карцевский; Ю.С. Маслов; Л.И. Ройзензон и др.) традиций на современном этапе продолжена рядом исследований, демонстрирующих особенности многоприставочных глаголов в номинации действия (Ю.В. Королева), их выразительные возможности в художественном дискурсе (К.А. Матжанова) и принципы их восприятия носителем языка (А. Мустайоки; Ю.В. Серышева и др.) и затрагивают проблематику исследований, направленных на описание механизмов восприятия языковых единиц разной структурной и семантической сложности. Актуальным представляется в этом плане изучение принципов взаимодействия составляющих полиморфемного слова, а также фактов конкуренции разных функциональных типов полипрефиксации (грамматического, аспектуального, деривационного) внутри одной языковой (диалектной, региолектной) системы. При подобном подходе к многоприставочному глаголу в коммуникативном фокусе исследования находится статус префиксальной морфемы, делается акцент на ее определённой семантической и функциональной самостоятельности. Немаловажным является тот факт, что аффиксальные единицы выступают в данном случае как относительно равноправные с корневыми единицами и в разной степени осознаваемые носителем языка структурные и смысловые компоненты слова, способные передавать этнокультурную специфику русского глагола. Как представляется, данный аспект описания многоприставочных единиц открывает для богатой вековыми традициями русской глаголистики возможности выхода на новый уровень развития и нахождения точек пересечения с современными отечественными и зарубежными исследованиями. Однако новые научные подходы предполагают и использование новых средств сбора «живого» материала, иллюстраций языковых фактов, а также проверки достоверности выдвигаемых гипотез. Для этого являются наиболее оптимальными широкие возможности корпусной лингвистики, которая по-новому осмысливает и подает языковой материал. В этом аспекте региональный корпус представляется репрезентативным: языковой материал, порожденный в рамках отдельного региолекта, может рассматриваться как источник изучения как самого региолекта во всем его многообразии, общих тенденций его развития и функционирования, так и отдельных явлений, эксплицированных в региолекте и несущих на себе его черты.

Как уже отмечалось, глагольная полипрефиксация представляет собой особое языковое явление, представленное как в русском литературном языке, так и в русских говорах. Однако, как уже отмечалось, функциональная значимость полипрефиксации, ее место в системе слово- и формообразования, количество и состав участвующих в ней аффиксов, их семантические особенности в разных подсистемах русского языка различны. С одной стороны, по причине генетического родства полипрефиксальные глаголы в русском литературном языке и аналогичные глаголы в русских говорах и региолектах обладают целым рядом общих особенностей, которые отличают русские многоприставочные глаголы от аналогичных единиц в

других языках. Так, например, среди русских композит преобладающими являются двухприставочные единицы (по сравнению с болгарским, македонским языками); удаленность вторичных префиксов от глагольной основы делает их видовую функцию вторичной, так как передача видового (перфектного) значения закреплена за первичными приставками (*приоткрыть, пораздумать* и т.д.); вторичные префиксы специализируются на передаче важных для коммуникации количественно-временных характеристик действия (его повторности (*переподготовить*), накопительности (*напридумать, понастроить*), малой интенсивности (*пообсохнуть, подсобрать*) и т.п.).

С другой стороны, это явление в том или ином региолекте имеет, как правило, свою специфику, выявление которой позволит найти новые факты, подтверждающие статус рассматриваемого языкового явления в региолекте и русском языке в целом. Исследования русских многоприставочных глаголов позволяют утверждать, что даже в рамках одного языка варьируются состав глагольных префиксов, выступающих в качестве вторичных, их продуктивность и семантическое наполнение [26, 27].

Однако описание региональных особенностей глагольной полипрефиксации (как и полипрефиксации общенационального языка) осложняется наличием незначительного количества источников, фиксирующих многоприставочные глаголы. При этом наличие достаточного количества лексикографических источников еще не решает указанной проблемы, так как многоприставочные единицы отличаются ярко выраженным потенциальным характером из-за «агглютинативного» способа присоединения вторичной приставки к глагольной основе. Данные глаголы легко образуются в речи в соответствии с действующими деривационными моделями, «конструируются» с учётом семантических особенностей префиксов и глаголов и также легко воспринимаются носителями языка. Большинство таких единиц по своей сути ситуативны, поэтому эти единицы не всегда исчерпывающе представлены в словарях, а также в других письменных источниках. Кроме того, в исследовании подобных глаголов существует поднимавшаяся еще в прошлом веке проблема выявления языковых единиц, характеризующихся как собственно диалектные или литературные разговорные. Та же проблема возникает и при описании региональных особенностей полипрефиксации. Так, исследуя префиксальные глаголы в старожильческих говорах Томской области, в том числе многочисленные глаголы с вторичным префиксом ПО-, О.М. Соколов отмечал, что среди последних глаголов сравнительно небольшой процент представлен собственно диалектизмами, основная масса таких глаголов просто имеет разговорный характер [28, с.88]. Заметим, что это относится и к диалектным глаголам с другими вторичными префиксами (ПРИ-, НА-). Обращение к материалу регионального корпуса и сопоставление полученных данных с данными других региональных корпусов и НКРЯ позволит описать региональную специфику рассматриваемого явления.

Статус глагольной полипрефиксации как распространенного языкового явления подтверждает активное использование двухприставочных глаголов в средствах массовой информации, Интернет-ресурсах, художественной литературе, за последнее время значительно расширились арсенал вторичных глагольных префиксов (в сфере полипрефиксации наряду с активно использовавшимся ранее вторичным префиксом ПЕРЕ- утвердились приставки ДО- и НЕДО-); зона смыслов, вносимых вторичными префиксами («доведение действия до конца,

до необходимой нормы» (*дозаправить машину, доубирать территорию*); «недоведение действия до конца, до необходимой нормы» (*недовыпустить товар, недоупаковать товар*) и т.п.). Предшествующие исследования полипрефиксации опирались преимущественно на словарный материал и опыт лексикографического толкования полипрефиксальных глаголов, однако на данном этапе количество лексикографически не зафиксированных единиц значительно возросло, а предлагаемые словарные дефиниции не всегда отражают все значения многоприставочного глагола. Так, у глаголов с вторичным префиксом ПО-, характеризующихся смягчительным и дистрибутивно-распределительным значениями (*пообсох немного / пообсохли все, поотстал немного / поотстали все* и т.д.) и оценивающих носителей языка как в высокой степени узуальные, в Словаре русского языка (под редакцией А.П. Евгеньевой) фиксируется либо первое, либо второе значение (реже оба значения) [29]. Отметим, что семантическое устройство префикса как несамостоятельной, релятивной единицы отличается гибкостью. Зачастую его значения (как и значения всего глагола) дифференцируются в контекстах, недостаточно представленных в словарных источниках.

Обобщая сказанное, отметим, что для описания региональной составляющей полипрефиксации на данном этапе, на наш взгляд, необходим корпус устных текстов жителей региона, а также определенный корпус письменных текстов с хронологической структуризацией, демонстрирующих специфику региолекта в целом и рассматриваемого явления в частности, в том числе траекторию его развития. Отметим, что деривационная активность вторичных префиксов варьируется не только в разных языках, диалектах, региолектах, но и в одном языке, диалекте, региолекте на разных стадиях их развития, «образование слов по ранее продуктивным моделям может по ряду причин затухать, и, наоборот, в активный словообразовательный процесс могут вовлекаться непродуктивные в прошлом модели» [30, с. 136-137]. В исследованиях русской полипрефиксации (2003 г., 2006 г.), основанных на лексикографических данных, отмечаются продуктивные (с вторичными префиксами НА-, ПЕРЕ-, ПО-, ПОД-, ПРИ-, ЗА- в диалектах), малопродуктивные (с префиксами ИЗ-, ДО-, НЕДО-, РАЗ-) и непродуктивные (с префиксами ПРЕД-, ПРО-, ПРЕ-, У-, ВЫ-, О-, ОБ-, С- (СО-), ВОЗ-) словообразовательные типы многоприставочных единиц [26, 27]. Полученные данные в целом не противоречат выводам о продуктивности вторичных префиксов в рамках славянской глагольной полипрефиксации [25]. Однако, как уже отмечалось, в настоящее время в русском языке отмечается особая активность префиксов ПЕРЕ-, а также ДО- и НЕДО-, выступающих в качестве первичных и вторичных префиксальных морфем, поэтому словообразовательные типы двухприставочных глаголов с приставками ДО- и НЕДО- уже не следует считать малопродуктивными, о чем свидетельствуют данные НКРЯ, материалов СМИ и Интернет-ресурсов.

Исследование глагольных композит в старорусском языке показывает наличие в языке словообразовательных типов глаголов с приставками ПО-, ПРИ-, а также ИЗ-, НА-, РАЗ-, У-, ПОД-, С-, ЗА- и некоторых других [25]. Обращение к одному из немногочисленных источников изучения Томского региолекта соответствующего периода [22] дает возможность утверждать, что в разговорной речи г. Томска XVII – XVIII в.в. функционировали глаголы с двумя (*распродать, поизвестись, отпровадить, иззаложить* и т.п.) и более (*испроиззакладывать*) префиксами. При этом единицы с вторичной приставкой ПО-, наиболее «агглюти-

нативной» по своим свойствам (как и в языке в целом), значительно преобладают над глаголами с другими префиксами (*повывестись, поизвестись, повыхватать, позаставить, поотдавать, поотнимать, поотпускать* и т.п.), однако, несмотря на отмечаемую исследователями высокую деривационную активность вторичной приставки ПРИ- с древнерусского периода [25], в рассматриваемом источнике указан только один глагол с данным префиксом – *привзнять* (приподнять) [23]. Кроме того, анализ зафиксированных в источнике композит демонстрирует единицы, представляющиеся специфическими: *обнабоить* (набить на судно доски), *поусыловать* (отсылать многих, неоднократно), *поудалеть* (стать расположенным далеко от чего-либо). Таким образом, уже первоначальный анализ региональных репрезентантов русских полипрефиксальных глаголов определенного хронологического периода позволяет сделать вывод об их особенностях по сравнению с аналогичными единицами в русском языке в целом, хотя данные, говорящие в пользу региональной специфики указанных единиц, представляются недостаточными. На наш взгляд, обращение при изучении глагольной полипрефиксации в ее региональном варианте к материалам создаваемого корпуса во всем многообразии его подкорпусов представляется важным способом определения специфики данного языкового явления на уровне морфо-деривационного структуры исследуемых единиц, их лексико-семантического наполнения, функциональных возможностей, дискурсивной ориентированности и т.д.

Полагаем, что при создании лингвистического корпуса, отражающего специфику регионального варианта русского языка, необходимо отразить в его структуре все текстовое многообразие региона.

Исходя из приведенных данных, смоделируем структуру лингвистического корпуса «Томский региональный текст», которая предположительно будет включать три базовых подкорпуса.

1. Устные тексты на русском языке будут представлены в **аннотированном подкорпусе устной речи** жителей региона.

Устные тексты могут репрезентировать формы разговорного, быденного дискурсов, тексты различных жанров устной речи жителей Томского региона как носителей русского языка, так и билингвов; устные формы научного дискурса в виде фиксации процедур защиты диссертаций и публичных научных выступлений; устные формы политического дискурса различных жанров (обращение к избирателям, интервью и т.п.); устные формы медийного дискурса.

2. Письменные тексты, представляющие дискурсы различного рода в их письменных формах, найдут отражение в **подкорпусе письменной речи**.

В данный подкорпус предполагается включать:

- письменные формы разговорного, быденного дискурсов, тексты различных жанров письменной речи жителей Томского региона, размещенные в региональном сегменте сети Интернет - форумы, чаты, блоги;

- тексты газет, журналов, издающихся в регионе, как областных и городских, так и районных, издания этнических сообществ Томского региона, размещенные в региональном секторе сети Интернет, региональные Интернет-порталы;

- тексты художественных произведений, созданных авторами, проживающими в регионе, и изданные региональными издательствами, размещенные авторами в региональном сегменте сети Интернет;

- тексты, репрезентирующие письменные формы политического дискурса, представленные в виде различного рода печатных изданий неперiodического характера: листовки, газеты, плакаты, размещенные в региональном секторе сети Интернет на сайтах томских политиков, региональных отделений политических партий (если они не представляют собой копии документов центральных органов управления партий);

- тексты официально-делового характера, представленные в свободном доступе и размещенные в региональном секторе сети Интернет на сайтах администрации города, различного рода учреждений.

3. Исторический подкорпус, сформированный на базе материалов Государственного архива Томской области (ГАТО) [31], предполагает включение письменных текстов различных институциональных и личностных дискурсов.

Фонды ГАТО содержат широкий спектр документов, датируемых с 1629 по 2013 гг. Досоветский период отражен в 300000 дел, включающих документы как официального, так и личного характера. Это документы Томского губернского правления, Томской городской думы и управы, Томского городского полицейского управления, Томского горного управления, Окружного инженера Томского горного округа, Управлений Томской и Сибирской железных дорог, Управления Западно-Сибирского учебного округа, Томского университета, Томского технологического института, Томской духовной консистории и др. «Документы этого исторического периода содержат сведения о превращении в XVIII в. Томска из военной крепости в крупный торговый центр, через который по Сибирскому тракту на Восток и Запад двигались основные потоки товаров; становлении его в XIX в. как научного и культурного центра Сибири – открытии первого университета, первого технологического института, первых высших женских курсов, театра; развитии в губернии золотопромышленности, мукомольного, кожевенного винокуренного промыслов, появлении промышленных предприятий; истории различных религиозных конфессий <...> Среди документов – источники по истории политической ссылки (о пребывании в Томской губернии декабристов, участников польских восстаний 1830 и 1863 гг., организации «Народная воля», социал-демократического движения) и революционных движений в 1905 и 1917 гг.» [31].

Значительный интерес представляет комплекс документов учреждений и организаций, действовавших в период с конца 1917 г. до установления советской власти в Томской губернии в декабре 1919 г., в том числе Сибирской областной думы и Сибирских областнических съездов, а также документы, отражающие политические события 1920-30 гг. Проведенное ранее пилотное исследование [32] ряда текстов судебных приговоров этого времени, вынесенных судами Томской губернии, показывает существенную языковую специфику по отношению к современному состоянию документов этого жанра. Тексты судебных приговоров свидетельствуют об изменениях в картине мира российского человека, отражающих сдвиг в социально-политической и культурной ситуации России в 20-х гг. XX-го столетия. Полагаем, что документы этой эпохи являются регионально специфичными, т.к. отражают смену социально-политической ситуации в конкретных территориальных условиях.

В архиве хранятся и документы личного характера: частная переписка людей, живших в разное время в Томске и Томской области. Предполагается, что этот подкорпус будет структурирован по хронологическому принципу, но при этом при метаразмечке необходимо будет учитывать дискурсивную и жанровую принадлежность включаемого в корпус текста.

Таким образом, тексты документов, представленных в ГАТО, не только дают возможность выявить региональную специфику варианта русского языка, но и отражают различные этапы становления институциональных дискурсов.

Полагаем, что подобная структура корпуса отражает значимые параметры описания варианта русского языка, функционирующего на территории Томского региона, и они являются важными для различных областей современной лингвистики (напр., для региональной лингвистики, диалектологии, социолингвистики, этнолингвистики, лингвистической антропологии), т.к. направлены на решение методологических и собственно описательных задач и, в первую очередь, на решение задачи формирования реальной модели функционирования регионального варианта языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>.
2. Стрелецкий В.Н. Культурный регионализм: сущность понятия, проблемы изучения и система индикаторов // Псковский регионологический журнал. Вып.14. 2012. Электронная библиотека «Киберленинка». Режим доступа <http://cyberleninka.ru/article/n/kulturnyy-regionalizm-suschnost-ponyatiya-problemy-izucheniya-i-sistema-indikatorov>.
3. Бородина М.А. Диалекты или региональные языки? (К проблеме языковой ситуации в современной Франции) // Вопросы языкознания. М., 1982, № 5. С. 29-38.
4. Клоков В.Т. Особенности регионализации французской речи во Франции. Часть II // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Филология. Журналистика. Вып. 2. С.43-48.
5. Сидоров А.А. Региолекты в общенациональном французском языке: перспективы на современном этапе развития // Гуманитарные исследования. 2012. № 2(42). С.123-128.
6. Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: Амурский гос.ун-т, 2009. 252 с.
7. Теркулов В.И. Региолект или национальный вариант: к постановке проблемы. Филология и культура. Philology and culture. 2012. № 2(28). С.117-120.
8. Иванищева О.Н. Социолингвистический портрет приграничного северного региона. Мурманск, 2008. 164 с.
9. Резвухина Ю.А. Колымская региональная лексика 20-х – начала 30-х гг. XX в.): Дис. ...к. филол. наук: 10.02.01. Магадан, 2014.
10. Оглезнева Е.А. Дальневосточный региолект русского языка как региональный вариант русского национального языка. Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2013. Вып.10. С. 20-37.
11. Ворожбитова А.А., Зубцов А.С. Дискурсивное пространство Сочинского региона как объект лингвориторического исследования. М.: Флинта, 2014. 204 с.
12. Языковой портрет Приамурья: монография / под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 212 с.
13. Симашко Т.В. «Научно-практическая конференция «Язык и культура Русского Севера: к вопросу о региональной языковой картине мира» // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. Вып. 3. 2014. С. 169-171.
14. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение. Часть 1: программа и программно-методические материалы. Белгород: Изд-во БелГУ, 2010. 76 с.
15. Сайт научно-исследовательской лаборатории «Филологическая регионалистика «Курское слово». Режим доступа: http://kursksu.ru/labs/information/kursk_word.
16. Томская диалектологическая школа в лицах: Биограф. словарь / авт.-сост. О.И. Блинова, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова. Вып. 1. Томск: Изд-во Том. университета, 2005. 150 с.
17. Этнокультурное образование в Томской области: стратегия и межведомственная программа/ Под ред. О. В. Горских, З. С. Камалетдиновой, Т. В. Хахалкиной. Томск: РЦРО, 2010. 35 с.

18. Сайт Департамента по культуре Томской области. Режим доступа: <http://depculture.tomsk.gov.ru/ru/culture/>.
19. Материалы сайта ДНТ «Авангард», раздел «Дом дружбы» <http://www.dntavangard.ru/53/>
20. Резанова З.И. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2012. № 4. С. 40-54.
21. Резанова З.И. Институциональная и личностная презентация национально-культурной идентичности в интернет-коммуникации: жанровые формы и дискурсивные стратегии // Вестник Томского государственного университета. Томск, 2013. № 375. С. 33-41.
22. Орлова О.В. Специфика реализации медиаконцепта нефть в дискурсе малой прессы Томской области (на примере газеты «Нарымский вестник») // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. Вып. 1. С. 232 – 236.
23. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII-начала XVIII века / Под ред. В.В. Палагиной, Л.А. Захаровой. Томск: Изд-во Том.ун-та, 2002. 336 с.
24. Селиверстова О.Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
25. Ройзензон Л.И. Славянская глагольная полипрефиксация: Автореф. дис. ... д-ра. филол. наук. Минск, 1970. 104 с.
26. Королева Ю.В. Полипрефиксальные глаголы в русском языке. Автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Королева. Томск, 2003. 24 с.
27. Королева Ю.В. Явление глагольной полипрефиксации в русских говорах / Ю.В. Королева // Актуальные проблемы русистики: материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук, профессора О.И. Блиновой / отв. ред. Т.А. Демешкина. Томск: Том. гос. ун-т, 2006. Вып.3. С. 500–506.
28. Соколов О.М. Морфологически варианты глаголы в системе глагольной лексики старожильческих говоров Томской области: Дис. ... канд. филол. наук. Томск, 1959. 297с.
29. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 1–4.
30. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для вузов по филологическим направлениям и специальностям. М.: Логос, 2003. 304 с.
31. Сайт Государственного архива Томской области. Режим доступа: <http://pereselenie.gato.tomica.ru/index.html>.
32. Мишанкина Н.А., Рожнёва Ж.А. Юридический дискурс как отражение исторических и ментальных процессов (историко-лингвистический анализ // Гуманитарная информатика. 2004. № 1. С. 97-100.

УДК 800.86/87; 801.3

Ли Сыжуй

НЕ ХЛЕБОМ ЕДИНЫМ...

(Названия хлебобулочных изделий в русских говорах Приамурья)

В настоящей статье предлагается анализ лексики тематической группы «Названия хлебобулочных изделий», извлеченной из «Словаря русских говоров Приамурья»; рассматриваются отдельные случаи мотивации названий.

Ключевые слова: русские говоры Приамурья, лексико-семантическая группа, название хлебобулочных изделий, мотивация названий.

The article analyses lexical units of such subject as "names of bakery products" taken from "Russian dialects of Trans-Amur Territory vocabulary"; the author considers individual cases of names motivation.

Key words: Russian dialects of Trans-Amur Territory, lexical-semantic group, names of bakery products, names motivation.

Как известно, продукты питания являются наиболее устойчивым элементом материальной культуры любого этноса. У каждого народа под влиянием климатических условий местности, моральной концепции и проводимой государственной политики сформировались свои неповторимые модели, отражающие специфику питания.

Изучением названий продуктов питания в русских народных говорах занимался ряд исследователей, например, Н.Г. Архипова [1], Ю.В. Зверева [2], Г.В. Судаков [3], Л.Л. Крюкова [4], И.С. Лутовинова [5] и др. Этому вопросу посвящены и отдельные диссертационные работы, например: «Лексика питания в говорах Тамбовской области» В.В. Губаревой (2001), «Лексика пищи в говорах камчадалов» О.В. Малоземлиной (2009).

Данная статья посвящена описанию значительной части названий выпечки в русских говорах Приамурья, которые пока еще не получили достаточной научной интерпретации. Предметом настоящего исследования является лексико-семантическая группа (ЛСГ) «Наименования хлебобулочных изделий».

Основным источником изучения наименований продуктов питания послужил «Словарь русских говоров Приамурья» (далее – СРГП) [6]. Материалы данного словаря собраны преподавателями и студентами Хабаровского государственного педагогического института (в настоящее время – Дальневосточный государственный гуманитарный университет) и Благовещенского государственного педагогического института во время диалектологических экспедиций, которые проводились с 1964 г. до 2006 г. на территории, расположенной по верхнему и среднему течению реки Амур.

Хлебобулочные изделия особенно важны для русского народа. Неслучайно русские говорят, что *хлеб – всему голова; без хлеба не обед; хлеба ни куска, так и в тереме тоска, а хлеба край, так и под елью рай* [7]. В русском языке сохранились и другие поговорки: *без блина не маслена – без пирога не именинник; красна река берегами, обед – пирогами; где блины, тут и мы; где оладьи, там и ладно* [Там же].

В русских говорах Приамурья наименования хлебобулочных изделий представлены достаточно большим количеством. Так в СРГП зафиксировано 76 единиц, которые можно включить в исследуемую ЛСГ: *аля́бушки, блю́дники, деруны́, дра́ники, капу́стник, ку́рник, чинёнки, ша́ньги, полёно, колдуны́, соля́ник, ола́дка, ~~ола́дья~~, спускнۇшки, ру́шник, яру́шники* др.

На долю названий хлебобулочных изделий, зафиксированных в СРГП, приходится 42% (более 150 единиц) от общего количества названий продуктов питания. Преобладание названий хлебобулочных изделий над другими продуктами питания отмечает и Н.Г. Архипова при исследовании говоров старообрядцев Амурской области. Она подчёркивает: «Было выделено около 200 лексических единиц – наименований пищи, в том числе напитков, зафиксированных в говорах семейских сел... Микрогруппой с наибольшим количеством элементов является группа лексем со значением «Наименования хлебобулочных изделий» (38% от общего количества лексем)» [1]. Далее автор пишет: «Главным элементом стола семейских до сих пор является хлеб, хлебобулочные изделия и другие изделия из муки. Это подтверждается количественным содержанием ЛСГ «Наименования хлебобулочных и мучных изделий». Данная группа является самой многоэлементной и составляет 65,3% от всех наименований пищи» [Там же].

По исследованию Н.Г. Архиповой, в говорах старообрядцев выявлено около 76 лексических единиц, обозначающих хлебобулочные изделия. Эти данные примерно совпадают и с нашими подсчётами. В целом можно отметить, что ЛСГ «Наименования хлебобулочных изделий» является самой большой группой в говорах Приамурья.

Названия многих хлебобулочных изделий отражают мотивационные отношения между лексическими единицами в русских говорах Приамурья. Например, слово *завару́ха* ‘лепёшка из муки, заваренной кипятком’ [6, с. 143]. Значение слова мотивировано действием, которое обозначает способ изготовления теста – *заварить*. В названии единицы *зелёный хлеб* ‘хлебное изделие с примесью лебеды’ [6, с. 166] мотивирующим признаком является цвет растения, из которого готовится этот продукт. Именно лебеда – травянистое сорное растение – придает изделию зеленый цвет. Название хлебобулочного изделия *восьмёрка* ассоциируется с цифрой «восемь» и, соответственно, мотивируется названием числа и цифры «8». Почти все представленные в СРГП значения данного слова, а всего их 6, связаны именно с числом и цифрой «восемь»: это и обозначение сети с крупными ячейками, шириной по диагонали в 8 см; и название танца, в котором участвуют четыре пары, а значит 8 человек; это и бревно длиной в восемь метров и т.д. Название мучного изделия *восьмёрка* обозначает ‘изделие из теста в виде цифры восемь’ [6, с.76].

Механизм мотивационного ассоциирования – распространенное явление в языковой системе. На ассоциативную природу мотивационных отношений между словами как лексическими единицами обращали внимание В.Н. Телия [8], Н.Д. Голев [9], О.Н. Пересыпкина [10], Е.М. Щербинина [11], О.И. Блинова [12] и др. Так, О.И. Блинова интерпретирует термин «мотивированность» как «свойство, обусловленное соотношением слова с мотивирующими его лексическими в данный период единицами языка, независимо от его номинационной, словообразовательной истории, которая устанавливается исследователем» [12, с. 30].

Наименования хлебобулочных изделий в говорах Приамурья можно классифицировать по ряду признаков.

Во-первых, многие наименования, обозначающие хлебобулочные изделия, обнаруживают связь с материалом, продуктом, из которого они приготовлены. Подобные примеры составляют около 40% от общего количества слов данной ЛСГ. Они дифференцируются в зависимости от этого и часто содержат в своей словообразовательной структуре указание на мотивировочный признак, называющий материал, используемый для приготовления хлебобулочного изделия.

Необходимым материалом для приготовления хлебобулочных изделий является мука. Вид муки бывает разным в зависимости от ассортимента сельскохозяйственных культур. Так, из просяной муки готовили блины: *аргу́нские колоба́* ‘блины из просяной муки’ [6, с. 22]) и *прося́ночки* ‘то же, что *аргунские колоба*’ [6, с. 366]. К изделиям из кукурузной муки относятся: *кукуру́зчик* ‘лепешка из кукурузной муки’ [6, с. 218] и *бобо́тки* ‘оладьи из кукурузной муки’ [9, с. 41]. Из соевой муки делали *тошо́тики* ‘пирожки из соевой муки’ [6, с. 455]. Отмечены в словаре примеры, называющие изделия из гречневой муки: *греча́ники* и *гречу́шники* ‘блины из гречневой муки’ [6, с.104-105], а также *колоба́*, *колоба́ны*, *ру́шники* *яру́шник*

Помимо муки в качестве исходных материалов использовали сыр, черемуху, жмых и солод. Например, *бурсак* ‘лепешка из сыра’ [6, с. 53]; *коришуны́* ‘сладкие лепешки из черему-

хи' [6, с. 204]; *сокові́к* 'пирог, сделанный из жмыха' [6, с. 422]; *квасні́к, квасничо́к, квашні́к, солодні́к, солоду́ха, солодя́шка* – изделия их солода. Хлебобулочные изделия готовили также из тертого картофеля, а в трудные голодные времена – из некачественного картофеля – мерзлого и даже гнилого: *деруны́, дра́ники, дра́нцы, калабу́шка, картохля́ники, кунту́ли, ландо́рики, лату́рики* т.д.

Обращает на себя внимание тот факт, что в словаре не зафиксированы названия изделий из пшеничной муки. Кроме того, следует отметить, что далеко не все примеры, входящие в данную подгруппу, являются мотивированными: из 28 выявленных примеров только 11 наименований обнаруживают непосредственную мотивированность: *прося́ночки* (мотивируется словом *просяной*); *кукуру́зчик* (мотивируется словом *кукуруза*); *греча́ники* и *гречу́шник* (мотивируются названием вида муки – *гречневая*); *квасні́к, квасничо́к, квашні́к* (мотивируются словом *квас*); *солодні́к, солоду́ха* и *солодя́шка* (мотивируются словом *солод*); *картохля́ники* (мотивируются словом *картофель*).

Хлебобулочные изделия различаются также по способу приготовления теста. Материалы словаря свидетельствуют о трёх видах теста, используемого для приготовления хлебобулочных изделий: сдобного, пресного и заварного. Из сдобного теста готовили *ба́бу рога́тую, блю́дники, брусла́к, карава́йцы, пеку́шки, сги́бушку, сдобну́шку, сдо́бушку, содови́ки, та́рки, та́рочки*, из пресного теста – *аля́бушки, бабы́шку, блинцы́, блю́дники, за́терку, преснаки́, пресняки́*; из заварного теста – *завару́ху*.

Не все указанные выше наименования хлебобулочных изделий являются непосредственно мотивированными. Примерами мотивированных выступают такие: *пеку́шки* (мотивируется способом действием изготовления – *печь*), *сдобну́шка* и *сдо́бушка* мотивированы словами *сдобный, сдоба*, указывающими на качество теста, подобная мотивация и у слов *преснаки́* и *пресняки́* (по слову *пресный*); слово *со́дови́ки* мотивируется словом *сода*, называющим продукт, обязательно используемый в приготовлении теста для этих изделий, слово *блинцы́*, называющее вид блинов, мотивируется словом *блины*, и оба эти изделия, как известно, пекут из жидкого теста.

Можно также выделить группу названий, отражающих определенный вкус хлебобулочных изделий, который обусловлен особым продуктом, используемым при их приготовлении. Сюда относятся названия хлебобулочных изделий с начинкой, в качестве которой используется мясо, капуста, лук, творог, картофель, фрукты и ягоды. Например, *капу́стник* 'пирог из сдобного или кислого теста, начиненный мелко рубленной свежей капустой, отжатой и смешанной со сметаной' [6, с. 181], *капустня́к* 'то же, что капустник' [6, с. 181], *ку́рні́к* 'пирог с какой-л. начинкой, чаще с мясной' [6, с. 222], *соля́ник* 'ржаной пирог с луковой начинкой' [6, с. 424], *та́рки* 'открытые пирожки из сдобного теста с фруктово-ягодной, реже с другой начинкой' [6, с. 448]. Отмечены в словаре разные наименования ватрушек с начинкой: *гура́нские та́рки* 'ватрушки с начинкой из сушеных молотых ягод черемухи' [6, с. 108], *творо́жники* 'ватрушки' [6, с. 449], *ша́нежка, ша́нюжка, ша́ньга* и *ша́нька* обозначают 'ватрушку с начинкой из творога, картофеля, повидла и т.п.' [6, с. 505].

Как в предыдущих двух подгруппах, не все примеры данной подгруппы отражают четкие мотивационные отношения. Мотивация представлена, например, в наименованиях *капу́стник, капустня́к* (мотивируются словом *капуста*), *творо́жники* (мотивируется словом *творог*).

Собранные материалы демонстрируют также небольшую по объему группу наименований хлебобулочных изделий, у которых в качестве определяющего мотивировочного признака прямо или косвенно выступила их форма. Кроме упомянутого выше слова *восьмёрка*, сюда можно отнести и такие названия, как *ба́ба рогáтая* ‘изделие из сдобного теста в виде кулича’ [6, с.23], *колобу́шка* ‘мучное изделие в виде булочки’ [6, с.196], *ма́ковки* ‘хлебные изделия в форме маковой головки’ [6, с. 240] и некот. др. Мотивированными в данной подгруппе являются, напр., название *колобу́шка* (по слову *колобок* из-за схожести формы), *ма́ковки* (мотивировано словом *мак*, называющим растение и его плод – семенную коробочку, головку мака).

Таким образом, лексические единицы, функционирующие в русских говорах Приамурья и представляющие лексико-семантическую группу «Названия хлебобулочных изделий», можно классифицировать по разным признакам, и эти признаки в свою очередь могут быть положены в основу их мотивации: это вид и качество материала, из которого приготовлено хлебобулочное изделие, способ его приготовления, продукт, используемый в приготовлении и некоторые другие, которые могут составить перспективу настоящего исследования, предполагающего также и другие аспекты рассмотрения данной ЛСГ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архипова Н.Г. Лексика пищи как системное образование в говорах старообрядцев (семейских) Амурской области // Слово: фольклорно-диалектологический альманах. 2013. Вып. 10. [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/leksika-pischi-kak-sistemnoe-obrazovanie-v-govorah-starobryadtsev-semeyskih-amurskoy-oblasti> (дата обращения: 30.03.2015).
2. Зверева Ю.В. Тематическая группа «Названия пищи» в «Словаре русских говоров севера Пермского края» // Вестник Пермского университета. Вып.3 (15). 2011. С. 25-31.
3. Судаков Г.В. Застолье по-русски: из истории слов. Монография. Вологда, 2012. 277 с.
4. Крючкова Л.Л. Жеребенок, жеребчик и жребий // Русская речь.. 2010. № 2. С. 98-103.
5. Лутовинова И.С. Слово о пище русской. 2-е изд., перераб. СПб.: «Авалон», «Азбука-классика», 2005. 288с.
6. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирпикова, Л.Ф. Путятин, Н.П. Шенкевец. Изд. 2-е, испр. и доп. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. 544 с.
7. Даль В.И. Пословицы русского народа [Электронный ресурс]. URL: <http://enc-dic.com/rusproverb/> (дата обращения – 29.01.2015).
8. Телия В.Н. Номинация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е. М., 2002. С. 336-337.
9. Голев Н.Д. Мотивационно-ассоциативный словарь русского языка: теоретические основания и лексикографическая концепция // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2011. №3. С. 17-30.
10. Пересыпкина О.Н. Мотивационные ассоциации лексических единиц русского языка: (Лексикографический и теоретический аспекты).: Дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 1998. 336 с.
11. Щербинина Е.М. Особенности мотивации в процессе лексической номинации словарных единиц, относящихся к сельскохозяйственному дискурсу // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. №3. Ч.1. С. 212-214.
12. Блинова О.И. Мотивология и ее аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2003. Выпуск 277. С. 29-32.

ИСТОРИЯ КРАЯ. ИЗБРАННОЕ

В разделе публикуются материалы из журнала «Русский вестник», редактируемого М.Н. Катковым, за 1863 г.

«Русский вестник» – русский литературный и общественно-политический журнал, один из наиболее влиятельных журналов второй половины XIX в., оказавший значительное влияние на развитие общественной мысли и движение литературной жизни в России.

В предлагаемой читателю публикации «Жизнь в Амурской станице» описаны быт одной из станиц Приамурья и нравы проживавших там казаков, дан экономический обзор с указанием на объемы производства и цены того времени. Выразительный язык произведения помогает воссоздать яркую, полную деталей картину жизни амурского казачества середины XIX в. Все это позволяет относиться к данному произведению как интереснейшему этнографическому, историческому, лингвистическому источнику.

Статья подписана псевдонимом «Амурский хлебопашец», год не указан и предположительно установлен по номеру тома «Русского вестника». Было бы любопытно установить автора этого произведения, несомненно, неординарного человека и замечательного бытописателя.

ЖИЗНЬ В АМУРСКОЙ СТАНИЦЕ

Станица, из которой я пишу настоящие заметки, расположена на левом берегу Амура. Берег этот крут, обрывист, несколькими саженьями выше уровня реки и составляет подошву Хинганского хребта. Станица расположена в той части амурского побережья, где Хинган, оставляя покрытый ветвистыми дубами, липами и черною березой берег Амура, уходит в глубь страны, сначала длинными, почти не прерывающимися грядами гор, потом одинокими сопками и невысокими холмами.

В станице нашей насчитывается до 130-ти домов. Все они деревянные, строенные из забайкальской сосны в три и два окна на улицу. Только пять домов имеют по четыре и по пять окон в каждой стене. Дома эти вытянуты в три правильные линии, параллельные берегу Амура, длиной около двух верст. Одну линию от другой отделяют улицы сажень в десять шириной. Все три линии смотрят домами на Амур: на амурских станицах вообще улицы только с одной стороны обстроены домами, на другую же сторону выходят огороды, принадлежащие к домам следующей линии.

В центре станицы, против места, у которого пристают пароходы, посреди небольшой, заросшей бурьяном и дубовыми кустами площади, на высоком холмике, командующем остальной местностью, стоит небольшая, недавно построенная церковь.

Жители нашей станицы, которых считается около 770 душ обоего пола, – казаки Амурского пешего казачьего батальона, поселенного по берегу реки Амура от начала Хингана до селения Хабаровки. Кроме казаков, в станице проживает командир роты, офицер регулярных войск, один зауряд-офицер, священник и человека четыре мещан, как торгующих кое-чем, так и ничем не торгующих. Подобных лиц у нас называют общим именем «купец», хотя бы такой купец и не имел никаких товаров.

Вот все наше маленькое общество. У нас есть школа, в которую ходят учиться чтению, счету и письму около 20-ти мальчиков, казачьих детей. Школа помещается в казачьей избе, учительствует в ней перечисленный в казаки молодой гарнизонный солдат из кантонистов. Есть у нас отделение лазарета с двумя фельдшерами, в нем лечится постоянно не менее 12-ти человек. Доктор живет при батальонном лазарете и бывает у нас только наездом. В верхнем конце станицы, между первой и второй линией, стоит огромный цейхгауз со складом хлеба, инструментов и т. п. Сзади помещается пороховой и соляной погреба. Немного в стороне стоит землянка с окнами поверх земли – это ротная гауптвахта.

Вот все достопримечательности нашей станицы.

Я по временам проживаю здесь одну, другую неделю в совершенной праздности. Это бывает так: мне, по делам моего хозяйственного заведения, расположенного в 22 верстах от станицы, очень часто приходится бывать в станице во время прихода пароходов. Но так как пароходы правильных рейсов не делают, то и время их прихода положительно никому неизвестно. Вот и приезжаешь в станицу дожидать пароход; ждешь неделю, иногда и две, ни на шаг не отлучаясь, чтобы не прозевать желанного гостя.

Это время для меня бывает самое неприятное: кроме убийственной скуки, еще и нуждаешься во многом. Приезжая в станицу на неопределенный срок, я не беру с собой работника. По дороговизне рабочих рук держать в станице работника, стоящего около 16-ти рублей в месяц, для того только, чтобы он прислуживал моей особе, нет никакого расчета. Нанять для услуг мальчика в нашей станице невозможно: казаки или вовсе не отпускают своих детей в услужение, или отпускают за недоступно дорогую цену. Кондитерских, трактиров и т. п. у нас, конечно, нет, иметь столь на стороне тоже невозможно: вот и перебиваешься неделю-другую кое-как.

С первого же дня приезда в станицу начинаешь систематически убивать время. Встаешь по привычке в 5 часов утра, отворишь ставни. Вся станица, кроме высшего разряда лиц, уже на ногах. Из печных труб дым валит столбом, коровы, выгоняемые на пастбище, режут, собаки лают, свиньи кричат, петухи поют неумолкаемо.

Выкурив папиросу из простого маньчжурского табака, позевав, походив по комнате, приступаешь к приготовлению чая. Забота немаловажна. Ни огня в печке, ни воды в кадке нет. Положение неловкое: не идти же самому с ведрами по воду? Но нет положения, из которого человек, при твердом желании, не вышел бы с честью. Пускаешься на хитрости. Взяв палку в руки и надев фуражку, выходишь торжественно на улицу, будто на прогулку. Между тем высматриваешь заботливым оком, не покажется ли какой знакомый казак-благоприятель, на услуги которого в трудные минуты можно рассчитывать. Начинаешь ходить взад и вперед около дома.

Вот ефрейтор в полной форме: папаше, шинели, со штыком на боку, – торжественно выступает по улице. Он идет к ротному командиру доложить о благополучии караулов. Идет он плавно, не спеша, зная, что поспеет еще к тому времени, как встанет ротный; самодовольно поглядывает он по сторонам и заметно сам любит себя. Вот идет огромного роста урядник, с красным загорелым лицом и глазами навывкате, в фуражке, форменной шинели и кунгурских сапогах. Он спешит к ротному доложить о благосостоянии станицы. Немного погодя показывается из-за угла фигура нашего каптенармуса в плюшевом картузе, тиковом

бешмете и таких же брюках. Это тоже урядник, на лице его вечно плаксивое выражение, как будто воры ежеминутно собираются его ограбить или мыши съели излишнее против законного положения количество муки. Он также стремится к ротному двору за приказаниями. За ним вприпрыжку несется седой урядник в форменной фуражке и казакине – на лице у него выражается боязнь школьника, опоздавшего в школу. Это ротный писарь. Он внимательно посматривает на ворота ротного дома, как будто в первый раз их видит.

Все это власти и рассчитывать на то, чтобы они снабдили меня водой, я даже и не осмеливаюсь.

Вот отворилась калитка одного из соседних домов и из нее вышла молоденькая девочка, лет шестнадцати, с загорелым, покрытым веснушками лицом, серыми глазами и темно-русыми волосами. Одета она в ситцевый сарафан, на плечи накинут полушубок, на ногах ни чулок, ни башмаков. За ней идет парень лет двадцати двух, в красной ситцевой рубаше, плисовых штанах, босиком. Они несут на длинном коромысле трехведерный ушат. Это – дочь зауряд-офицера с работником идут по воду на реку. А вот старый казак в тиковом халате, холщовых брюках, без шапки, босиком, идет, поглядывая на ротный двор. Человек знакомый, но на услужливость которого трудно рассчитывать.

– Здравствуй, старик, куда бредешь?

– Да хлебцы смотрел, Василий Николаевич.

– А разве случилось что?

– Да вишь, вчера вечером шел дождь со страшным ветром, так ходил смотреть, не повалило ли их погодой.

– Ну что ж, как?

– Да принагнуло же порядком, местами и не встанут.

– Это скверно!

– Что ж делать, Василий Николаевич, густы больно родились, оттого и повалило.

– А что, косить начал?

– Да поехали ребята с девками, а я домовничаю со старухой.

– Да неужели у тебя и дочки косят?

– А как же, Василий Николаевич, ведь скотинки-то у меня почитай двадцать голов с барахчанами (молодые бычки и коровы) наберется – сена много нужно, а работников не нананимаешься. Прощайте, Василий Николаевич.

– Прощай, старик.

Вот из-за угла показались два лазаретских служителя, казаки же, в ситцевых поношенных рубашах и холщовых штанах, босиком, тащат огромный ушат. За ними тащится с ведрами молодая бабенка, повязанная желтым платком, в синем сарафане, босиком. За нею, в одной грязной рубашонке, бежит босоногий мальчуган лет трех.

Вот проехали верхами несколько казаков и казачек с вилами и граблями; явное доказательство, что они отправляются косить сено.

Наконец терпение мое вознаграждается по заслугам: из-за домов показывается знакомый казак, служивший когда-то у меня в работниках.

– Здравствуй, Никита, куда идешь?

– К ротному, Василий Николаевич.

– А зачем к ротному?

– Да хлеба попросить из казны заимообразно; совсем оголодали, есть нечего, пухнем с голода.

Я осмотрел его с головы до ног: следов опухоли незаметно.

– А свой хлеб куда девал, ведь ты сеял в прошлом году?

– Да много ли я сеял-то: всего с десятину какую-нибудь, а семья, знаешь, большущая.

– Так отчего же ты не посеял более?

– Да достатки-то наши плохи, всего две лошади: одну из Байкалья приплавил, другую из казны дали.

Надуваешь, парень, думаю я: мог бы и более посеять, да поленился.

– Дает ли ротный хлеба?

– Да бают, что дает взаймы тем, у кого посеяно хоть две десятины. Ну, а я в этом году десятинки с две посеял.

– Ну, а каков взошел хлебец?

– Да взошел хорошо, нечего Бога гневить, густой, хороший хлеб, только разве вчерашним дождем мало-мало прибило. Ну, да Бог не без милости, бывает – встанет.

– А много накопил сена?

– Да чего много: косил целую неделю, пошли дожди, почитай, каждый день, вот и гниет, убрать-то не успели. Теперь, думаю, опять покосить, пока ведро – бывать, успеем убрать.

– А другие казаки тоже косят?

– Да, почесть, полстаницы косят, сегодня и за реку много уплыло: там косят.

– Ну, а как маньчжуры да сожгут ваше сено: ведь за рекой не наше место – ихнее.

– Вестимо дело, что ихнее, ну да, бывать, Бог пронесет: вишь, на нашей стороне сенокосы-то далеко, верст пятнадцать почесть будет.

– А почему же остальные-то не косят?

– Да так не косят, бают, успеем еще, а как дожди польют, да сено затопит: вот тебе и успеют. Ну да еще и рано – почитай всего неделя прошла после Петра и Павла.

– Ну, а травы каковы? Хороши?

– Большущая трава – до пояса хватает, сочная, спорая трава по лугам, ну, а на высоких местах редкая и низкая: нельзя косить.

Наконец я решился упомянуть насчет воды.

– Кстати, брат Никита, принеси мне ведро воды: работника я не взял с собой, воды-то принести и некому: я уж тебе табачку мало-мало дам.

– Ладно, Василий Николаевич, отчего и не принести.

Главное препятствие устранено: вода есть. Кое-как вырубил огня: спичек нет в лавках, а купцов проплыло немного, да и те спичек не провозили. Мигом разведен огонь, поставлен самовар. Через полчаса чай готов. Отворяю окно, посматриваю на улицу и попиваю чай. Кругом тишина невозмутимая; кое-когда пройдет по улице баба с ведрами по воду, или лазаретская прачка с черным больничным бельем на реку, или фельдшер в мундирном казакине с серебряной нашивкой на левом рукаве важно пройдет по улице, направляясь к больным, лечашимся дома.

Наконец чай выпит, солнце окончательно обогрело, на улице начинается жара нестерпимая, в комнате духота невыносимая. Делать нечего, весь книжный запас перечитан чуть ли не в десятый раз, писать лень, да и не о чем: кругом все так обыкновенно и не представляет ничего, что могло бы серьезно заинтересовать мысль и расшевелить чувство. Думаешь, думаешь, да и кончишь на том, что нужно отправиться к кому-нибудь посидеть и помолчать в приятной компании. Но вопрос, к кому идти: к ротному ли или к зауряд-офицеру. Конечно, к ротному бы лучше: человек он хороший и не глупый, да только я вчера вечером был у него: неловко так часто надоедать человеку, который, может быть, и делом занят. Решено идти к зауряд-офицеру. Прихожу. Дом у него довольно большой: на пяти саженьях кругом, в несколько комнат. Окон в каждой стене чуть не по пяти; полы вымыты до возможной чистоты, стены выбелены известкой. Три дивана на манер турецких, обитые мебельным ситцем, полинявшим уже и изорванным во многих местах, несколько табуреток, окрашенных красною охрой, два стола и шкаф, покрытые тою же краской и два сундука из так называемых нижегородских – вот вся мебель передней и двух парадных комнат. Ситцевые полинялые занавески на окнах и два зеркала довершают убранство.

Появляется сам хозяин. Это мужчина лет сорока, среднего роста, жирный, но не тучный, с короткой шеей, заплывшими, свинцового цвета глазами, красным полным лицом, коротко остриженными волосами. Одет он в ситцевый халат, нанковые брюки и женины башмаки. Начал он службу свою простым казаком, попал в образцовый полк, вышел оттуда урядником, был во время Восточной войны в Де-Кастри, стоял в числе прочих казаков в лесу в то время, когда англичане хотели сделать туда высадку. По возвращении в Забайкалье был произведен в зауряд-офицеры. Участвовал в снаряжении и следовании по реке амурских сплавов. Сам не раз сплавлял людей и хлеб. Затем командовал ротой амурских казаков, и ныне, по причине достаточного количества офицеров, почивает на лаврах без всякого дела, считаясь, впрочем, на службе. На Амур приплыл он всего с несколькими штуками коров и лошадей, а теперь, благодаря разным оборотам, соболиной торговле и т. п., имеет маленький капиталец и живет в свое удовольствие.

- Здравствуйте, Степан Петрович, как поживаете?
- Ничего, живем помаленьку, слава Богу. Садитесь, пожалуйста, Василий Николаевич.
- Ну, что у вас нового? – спрашиваю я.
- Да ничего, все по-старому.
- Ну, как у вас скотинка? Здоровы ли домашние?
- Да что им делается, живут помаленьку. А вы как поживаете?
- Да как видите, благоденствую.
- Ждете все парохода?
- Жду и скучаю отчаянным образом.
- Так-с!
- Ну а как у вас хлебцы? Давно вы были на пашне?
- Давненько-таки. Да ничего, я думаю, хороши, разве вчерашним дождем местами повалило. Да ничего, я думаю, встанут.
- Ну а как не встанут?
- Не встанут, так не встанут, что же делать!

– Ну а сенца много накосили?

– Да накосил было копен с двести, да дождями-то все сгноило – беда да и только. Вот в прежнее время относительно сенокосу лучше было.

– А чем лучше?

– Да тем, что повестишь, бывало, казаков весной, когда нигде водки нет, дашь по крымке по другой, вот вам возов с сотню и есть на дворе.

– Неужели же за одну или две крымки водки вы подряжали воз сена?

– А как бы вы думали? Водки весной у нас всегда не хватало – к весне вся выпивалась.

– Ну, а теперь отчего же так не подряжаете?

– Теперь не то, тогда я был ротным командиром.

– Так что ж за важность, что ротным командиром. Не все ли равно?

– Равно, да не равно: теперь водку выпьют, а сена не поставят, а тогда можно было выискать – средства были.

– Ну, что же вы поделяваете?

– Да что мне делать? Чай пил, купался, на Амур смотрел, не плывет ли кто.

– Ну, и что ж?

– Да никого не видать.

– Да вы разве ждете кого?

– Да может, не придут ли маньчжуришки – нужно купить кой-чего: муки пшеничной, буды, рису. Да соболями хочу тоже поторговать.

– Да на что вам торговать соболями?

– Как на что, помилуйте, семья ведь тоже: одеть, обуть надо, да и самому есть хочется.

– Так отчего же вы хлеба больше не сеете, ведь земли у вас много?

– Отвели двести десятин. Да что в них? Распахано-то у меня всего десятин пять, шесть.

– Так вы бы больше распахали, да насеяли бы хлеба, да продали, вот бы вам и деньги.

– Так-то так, да все как-то некогда, не успеваешь.

– Полноте, батюшка, признайтесь, что лень возиться с хлебом; соболями торговать выгоднее.

Мой собеседник приятно осклабился.

– Разумеется, что соболь лучше: меньше возни с ним, а тут с пашней возись, почитай, целое лето.

– Так вы так бы и говорили, а то «некогда»: ведь сидите сложа руки, палец об палец не ударите.

– Да чего делать-то, как не сидеть сложа руки?

– Правда, правда.

Наконец разговор, за недостатком приличной материи, прекращается. Не толковать же о литературе или политике; почтенный хозяин, кроме предписаний начальства, которое читает чуть не по складам, в жизнь свою не заглядывал ни в одну книжку. С супругой его толковать тоже не о чем: она уже несколько раз успела сообщить мне о своих огурцах все сведения, какие только можно сообщить о столь важном предмете. С дочками разве полюбезничать: да они по будням ходят в затрапезном костюме, босиком и к гостям не имеют привычки выходить.

– Прощайте, Степан Петрович.

– Да куда же вы? Посидите, закусить не угодно ли?

– Благодарю: я только что пил чай. Прощайте!

Выхожу на берег. Смотрю, ребятишки забегали взад и вперед, то в дома, то снова на берег. «Ну, верно, кто-нибудь плывет», – подумал я. Подхожу к берегу, вижу – действительно плывет плот из двух-трех десятков бревен, с двумя каморками. Над ними выкинут коммерческий флаг. Казаки и казачки высыпали из домов и усеяли берег. Казаки стоят переважно, заложив руки за спину, и только изредка перекидываются между собой немногоречивыми фразами.

– Купец плывет, – говорит один.

– Да, купец – вишь, каморки понаделаны на пароме.

– Да и бочонки стоят.

– Уж не вино ли везут, ребята? – говорит, умильно осклабясь, высокий узкоглазый казак с тощими, длинными, сухими ногами, одетыми в узенькие брюки из мешочного холста.

– Ишь, как его разобрало! Смотрите, ребята, так слюнки и текут. Да врешь, брат, не вино, а масло. Вишь, бочонки-то стоймя стоят.

– И впрямь, паря, бочонки с маслом, произносит жалобным голосом узкоглазый, – эх, кабы водка, то-то бы радость: другая неделя идет, во рту не было.

Бабы, посмотрев на подплывавший паром, проворно уходили в избы заканчивать стряпню, чтобы потом, оправив свой туалет, явиться на паром и провести время в приятном созерцании товаров.

Не успели еще уйти бабы, как показались на улице разряженные в пух и прах девушки в ситцевых платьях и сарафанах с желтыми, синими и зелеными платочками на головах, которые босиком, а некоторые в кожаных башмаках. Они успели уже переменить свой будничный костюм на праздничный, чтобы приличным образом явиться в лавку купца поторговаться или просто так постоять и посмотреть.

Паром привалил к берегу. Из одной каморки показался купец в суконном пальто дикого цвета, пикейном жилете и камлотовых брюках, с тиролькой на голове. Чуть только купец показался на пороге каморки, как народ валом повалил на паром и в лавку. Кто покупал, кто приценивался, кто только так смотрел. Насмотревшись досыта, толпа отвалила от лавки. Часа два, по крайней мере, стояли зрители на берегу, хотя зрелище, предоставлявшееся их глазам, было для них вовсе не ново, и в течение летних месяцев повторялось не раз в неделю.

Еще торжественнее бывает встреча пароходов. Чуть только кто-нибудь издали завидит дым и кожухи парохода или слышит свисток, как тотчас ребятишки с криком бегут в дома возвестить родителей о радостном событии. Тотчас почти все мужское население станицы, за какой бы кого работой ни застало известие о приближении парохода, и в каком бы кто ни был костюме, спешит к месту привала пароходов. Прекрасный пол поступает практичнее. Принарядившись прилично случаю, бабы и особенно девушки начинают собирать со всего дома все, что есть продажного. И вот с молоком, маслом, творогом, огурцами, картошкой, поросятами, курами, яйцами женское население мчится к пароходу. Некоторые останавливаются со своим товаром на приличной дистанции. Которые же побойчее несутся прямо на пароход и торгуются, бойко перебрасываясь словами с покупателями. Продав, возвращаются

домой, снова несут что-нибудь и снова лезут на пароход. За бабами проталкиваются смелейшие из ребятишек, и на пароходе делается такой шум и гам, как будто он подвергся нападению неприятеля.

Во все время стояния парохода, хотя бы это продолжалось и несколько часов, толпа не оставляет берега. Даже когда пароход снимется и двинется в путь, многие все еще следят за ним взором участия. И только когда он уже окончательно скроется из виду, ревностнейшие из зрителей уходят наконец с берега. В этом живом участии к мимолетному гостю, можно сказать, инстинктивно выражается та мысль, что только пароходы соединяют нашу одинокую жизнь с остальным живущим людям.

Нельзя сказать, чтобы казаки наши редко видели пароходы: редкая неделя, чтобы не прошло их два-три мимо нашей станицы. Но у нас так мало развлечений, что приход купеческих барж, паромов и особенно парохода составляет для нас в некотором роде праздник, событие. Наконец, немало способствует бесцельному глаzeniu, лени и праздности, в которых мы, по правде сказать, далеко не безгрешны.

У многих из наших казаков лень и любовь к совершенно праздному препровождению времени глубоко вкоренились. Кроме недели-другой севбы весной, недели-другой косьбы летом и недели-другой-третьей молотьбы зимой, остальное время многие из наших казаков проводят почти в совершенной праздности. Или стоят на берегу со сложенными за спиной руками, или, совершенно без всякой цели и нужды, ходят по улице, или, если и это надоест, заходят к куму, приятелю и здесь, распивая кирпичный чай, ведут нескончаемые беседы. Редко нападает на такого казака охота сделать хоть что-нибудь около своего дома: тележонку ли исправить, борону ли починить, полозья ли загнуть, ведро ли набить и т. п.

Такой казак разве только в крайней необходимости и то, пожалуй, под влиянием начальственных побуждений, примется за какую-нибудь серьезную, капитальную работу. Береста, которой покрыт его дом, покособилась, полопалась от непогоды и солнца, изба течет во всех углах: он не решится толком покрыть ее, залепит кое-как дыру, и ладно. Изба во все не покрыта, на потолке трава выросла по колено, протекает страшно. Как бы, кажется, не покрыть ее? Ничуть не бывало. «И так проживем», – думает казак. Стойка для лошадей и скота разваливается, но еще не развалилась – ладно, пускай стоит, пока развалится. Решетчатый забор, построенный в первый год переселения на живую нитку, весь рассыпался и окончательно не удовлетворяет своему назначению, но пока стоит еще. Ну и пускай стоит, пока окончательно не повалится. У иного ни заборов, ни стоек, ни амбаров вовсе нет, на скотном дворе ветер ходит, как в поле. «Ничего, проживет и так», – думает наш казак-философ.

Есть у нас в станице и мастеровые, и промышленники разного рода: дегтярники, колесники, кирпичники, горшечники, рыболовы, столяры и т. п. А попробуйте-ка спросить дегтю, колес, кирпичу, глиняной посуды или чего-нибудь подобного: ни за какие деньги не достанете. Да если бы вы вздумали и заказать что-нибудь, то ничего не дождетесь. Казакам некогда, да и инструменты плохи, да и пора летняя и т. д. Да и для себя-то казаки также почти ничего не делают: у колесника телега чуть не такая же плохая, как и у прочих смертных; у дегтярника другой год телега не мазана и поет при езде самым отчаянным образом. Вообще телеги у нас отличаются особенною певучестью: три, четыре не только могут заменить собой хор певчих, но, пожалуй, целый оркестр музыки.

О приготовлении домашним образом холстов, сукна и т. п. у нас и в помине нет. Несмотря на то, что конопля при самом ничтожном удобрении родится великолепнейшим образом, ее сеют всего разве несколько человек, да и то в самом ничтожном количестве. Льна не сеют вовсе. О приготовлении пеньки и не думают; не только ткацких станков, но и прялок почти и в заведении нет. Наш казак и казачка с ног до головы одеты во все покупное. Только обувь готовится иногда домашним образом, и то самая невзыскательная. Исключение составляют только несколько человек зверовщиков, которые часть платья готовят из выделанных шкур убиваемых ими зверей.

Причины такой непонятной лени при богатстве окружающей нас природы и обилия источников добывать хлеб и деньги весьма разнообразны. Начать с того, что здешние казаки заразились ленью еще во время житья своего в Забайкалье. Хлеб там был страшно дешев, почти нипочем, дичи много охотиться свободно, податей никаких. Много ли нужно было казaku, чтобы быть сытым? Да и как казaku не заразиться ленью, когда он вполне убежден, что ему, человеку служащему, подначальному, не дадут умереть с голоду, что в случае крайней бедности, недостачи хлеба, падежа скота, пожара и т. п. он всегда может рассчитывать на пособие казны и начальства. «Так ли, иначе ли, а все же казна даст», — думает казак и сидит сложа руки.

Переселение на Амур еще более развило в казаках упование и надежду на помощь казны в затруднительных случаях: переселили ведь в новое место, так не дадут же умереть с голоду. А тут богатство природы, урожай, множество способов легко нажить деньги. Частные лица, проживающие здесь, платят за все сумасшедшие деньги. Ну как тут не облениться! Кроме того, самые потребности казака крайне ограничены. Если казак не голоден и не наг, то чего ему еще надо? У него нет мяса, что бывает почти постоянно, — он довольствуется рыбой; нет рыбы, что также случается со многими, — с него достаточно молока, хлеба и чая; нет молока — он сыт хлебом. Если же и хлеба не хватит, что также нередко случается с некоторыми, то казак может просуществовать малую толику времени и одним кирпичным чаем. Но, разумеется, такое положение продолжается недолго: какой-нибудь запасливый сосед, или приятель, или казна выручат его, наконец, из беды, а при хлебе и чае казак не голоден. Что касается до платья, то и в этом случае наш казак неприхотлив: летом сорочка и штаны из дабы или грубого холста, зимой поверх этого бараний или козий эргак, шапка и сапоги: вот весь костюм казака. В праздники летом казак надевает сверх сорочки и штанов тиковый, или ситцевый, или нанковый халат, обутки и шапку; а если халата нет, то его заменяет свитка из грубого домашнего сукна, сделанная еще в Забайкалье. Впрочем, достаточнейшие из казаков шьют халаты из шерстяных материй, делают мундиры из толстого сукна, имеют форменные шинели и носят белье из тонкого холста или ситца. Казачки, как замужние, так и девушки, по будням носят сарафаны из синей или желтой дабы и из ситца, на плечи накидывают дешевенький полушалок, а замужние повязывают еще голову платком. Те и другие ходят босиком. По праздникам носят сарафаны или платья из ситца, покрывают головы бумажными или полуселковыми платками, на плечи накидывают шали рубля в два-три ценой и ходят в башмаках. Зимой казачки, которые побогаче, носят люстриновые, на бараньем меху пальто или шубки, отороченные белкой, с беличьим же воротником; а которые победнее, ходят в полушубках и даже свитках из крестьянского сукна.

Сами казаки мало издерживаются на одежды своих жен и детей: многие казачки и девушки большую часть своей одежды заводят на собственные деньги, добытые хозяйственным и нехозяйственным способом. Огород и молочное хозяйство составляют в этом случае главную и почти единственную статью дохода казачек.

Главную промышленность наших казаков составляет, разумеется, хлебопашество. Все наши казаки-хлебопашцы, исключая разве нескольких человек, перечисленных в казаки гарнизонных солдат, поступивших в военную службу из кантонистов или из бывших дворовых людей, мещан и фабричных рабочих. Эти не пашут, потому что не умеют да и не привыкли к тяжелому труду. Всякий казак имеет одну-две лошади, некоторые имеют по три и по пяти, а есть и такие, у которых насчитывают по десятку лошадей. Коров держат также каждый: большая часть имеют по одной корове, многие по две, есть и такие, которые имеют по нескольку. В нашей станице насчитывают на 770 душ населения – 450 лошадей, 100 быков и около 550 коров. Бараны в нашем месте плохо разводятся, отчасти по причине высоких трав, в которых они теряются часто десятками, а главным образом, по причине множества паутов и комаров, которые их страшно тревожат. Кроме того, у нас овцы часто слепнут: комары накусывают им глаза, и они трут их об траву до воспаления.

Свиньи могли бы разводиться в огромном количестве, если бы только хлебопашество у нас развилось надлежащим образом. Летом они требуют самого незначительного корма, осенью множество желудей в дубняках составляют для них превосходный даровой корм. Если желуды собирать и запасать на зиму, то свиньи и зимой не потребовали бы значительного корма. Хотя очень часто на свиней у нас бывают падежи, но я полагаю, что хороший ветеринарный врач, который, вероятно, будет же когда-нибудь и у нас, легко устранил и это. Полагают, что падежи эти происходят от того, что свиньи объедаются каких-то вредных грибов, в большом количестве растущих в мокрые годы.

Одним из главнейших препятствий к развитию скотоводства служат пауты и комары, которых у нас в течение всего лета бывает очень много. В мокрые годы они появляются в таком количестве, что трудно даже представить себе, чтоб их могло быть еще больше. Насекомые эти держатся преимущественно в поле и в местах нежилых; в станице, где место отоптано, они встречаются только в небольшом количестве. Пауты в солнечные дни, когда нет большого ветра, до того кусают лошадей и рогатый скот, что он убегает в тенистые места и с того времени, как обогреет солнце, и до вечера ничего не ест. Комары начинают кусать скот вечером и кусают его до полуночи, так что, поев вечером не более часу, он уходит на отоптанные места или к раскладываемым хозяевами и пастухами дымокурам и там стоит далеко за полночь, потом опять начинает пастись и пасется до той поры, как солнце обогреет и появится паут.

Зимой скот у нас не может ходить на подножном корму, как от того, что в иные годы снег бывает очень глубок, так и от того, что зимой у нас почти каждую неделю бывают страшные пурги, продолжающиеся иной раз дня по два и по три. Кормить большое количество скота зимой сеном в настоящее время невозможно потому, что лугов у нас не так много, чтобы хватило на большое количество скота, так и потому, что рук мало и накопить сена более 5000 копен вряд ли возможно. А 5000 копен хватит на прокормление не более 125 голов рогатого скота, потому что травы у нас болотные, крупные: скот съедает только вершинки, а

комли стаптывает под ногами. Можно надеяться, что со временем от ежегодного выкашивания и стаптывания скотом луга наши улучшатся и травы сделаются гораздо питательнее.

Земель отведено у нас так много, что на душу мужеского пола приходится более 50 десятин. Распахано же из числа этого количества всего около 275-ти десятин на 770 душ обоего пола, следовательно, немного более одной трети десятины на душу. До этих результатов дошло наше хлебопашество в течение пяти лет, так как половина казаков наших переселена сюда в 1858 году, затем остальная половина поселена в 1860-м и 1862-м годах. Казаки пахут сохами и сабанами на двух и трех лошадях. Быками пашет только одно казачье семейство и две артели перечисленных в казаки гарнизонных солдат. На эти две артели и вообще на занимающихся хозяйством перечисленных в казаки гарнизонных солдат стоит обратить некоторое внимание. В 1860 году в Уссурийском казачьем батальоне некоторые из таких солдат, видя, что каждый из них в одиночку не может с успехом заняться хлебопашеством и завести хозяйство, соединились в артели, чтобы завести общее хлебопашество и хозяйство. Бывший командиром батальона князь Дишкалиани помог им казенными средствами: дал лошадей, коров, орудия, семена. Таким образом, составились две-три артели. В течение 1860 года они построили землянки и даже дома, и распахали пашни. Пример этот послужил для начальства руководством и относительно других частей Амурского казачьего войска. В 1861 году по распоряжению генерал-губернатора предложено было начальникам конной бригады и Амурского пешего батальона содействовать в командуемых ими частях к устройству подобных же артелей из перечисленных. Вследствие этого и у нас устроилось несколько артелей, но, подобно другим русским компаниям, большая часть их расстроилась в том же году. Остались только две, каждая из трех человек. Они получили от казны даром по лошади и по корове; на заработанные общими средствами деньги купили еще по лошади. Кроме того, начальство дало им в безвозмездное пользование по паре быков. В настоящее время они имеют столько пашни, что совершенно обеспечены в своем продовольствии. У них чистенькие, на манер малороссийских, домики, покрытые берестой, с вымазанными глиной и выбеленными известкой стенами; тележные сараи, уютные теплые стойки для скота, маленькие амбарчики и погреба; между тем как у многих казаков сараев, стоек и амбаров вовсе нет, а погребов почти и ни у кого. Артели имеют громадные огороды, засаженные картофелем, огурцами, капустой, тыквой, морковью, луком, петрушкой, горохом, фасолью, коноплей, редькой, свеклой и т. п. Дворы их и огороды обнесены незатейливой, неаккуратной городьбой, между тем, как у некоторых казаков дворы и огороды вовсе не огорожены, а у многих обнесены только городьбой в три-четыре жерди. Все это сделано самими членами артелей без всякого постоянного пособия и найма. К этим двум артелям примыкают три семейства женатых малороссов, тоже из перечисленных, имеющих такое же аккуратное хозяйство, только в меньшем объеме. Все они вместе составляют у нас род маленькой малороссийской колонии.

Урожай хлебов бывают у нас всегда значительные: казенная десятина дает от 75 до 160 пудов хлеба. Но климатические условия часто весьма неблагоприятно действуют на успех хлебопашества. В 1860 году урожай был превосходный, но во время самого жнитва пошли страшные дожди, так что хлеб просушить было невозможно, и он пророс в снопах. Местами хлеб пророс и на корню. А всякому известно, что пророслый хлеб не годится для семян и теряет по крайней мере 3/4 своего содержания. Овинов и сараев, в которых бы можно было

сушить хлеб, у казаков нет, да и быть не может, потому что пашни их разбросаны по клочкам на пространстве двадцативерстного четвероугольника и отстоят от станицы на десять, пятнадцать верст. В 1861 году от постоянных проливных дождей и других причин было страшное наводнение, потопившее даже часть пашен нашей станицы, одной из самых возвышенных станиц на Амуре. В 1863 году было сряду два проливных, с сильным ветром дождя; эти дожди повалили все лучшие густые хлеба. Хотя потом хлеба и встали, но все же остались по местам пролежи и хлеб потерял от 10 до 25%. Главным же образом причиной малоуспешного пока развития хлебопашества служит трудность обработки почвы, покрытой кустарником, коренистой; обилие насекомых, вредно действующих на силы скота, позднее вырастание трав, первобытная грубость приемов, и, наконец, обусловленная вышеуказанными причинами леность казаков.

Кроме хлебопашества человек десять казаков нашей станицы занимаются зверопромышленностью. Это так называемые зверовщики. Все свободное от сельскохозяйственных занятий время они употребляют на охоту. Охотятся большей частью без собак. Ни гончих, ни борзых собак у нас нет, легавые есть только у офицеров. Стреляют зверовщики наши кремневыми тульскими винтовками, которые во время стрельбы ставят на деревянные сошки. Пули употребляются круглые, величиной в треть дюйма в поперечнике. Лет пули бывает от 50 до 1000 шагов. Винтовка без всяких раковин, трещин, задиринов и тому подобных недостатков стоит здесь от 10 до 20 рублей. Обыкновенно же винтовки продаются по 5 или 7 рублей. Приобретая хорошую винтовку, казак-зверовщик бережет ее так же, как хлебопашец коня-пахаря. Сделать значительное исправление в винтовке у нас никто не умеет. Зверовщики стреляют диких коз, сохатых, кабанов, изредка лисиц, волков и еще реже медведей. Коза дает около пуда мяса, сохатый – до 25, кабан – около 10 пудов. Мясо убитых животных едят сами или продают жителям станицы. Косулина продается по 1 руб. и 1 руб. 25 коп. за пуд, кабарина по 3 рубля за пуд. Шкуры выделывают и шьют из них эргаки (верхнее платье), брюки и обувь. Козьи шкуры меняют также проплывающим по Амuru и проезжающим на лошадях китайцам и маньчжурам на буду (мелкое маньчжурское пшено), пшеничную муку, рис и т. п. Для промысла зверовщики уходят или уезжают верхами верст за 20-25 от берега, в глубь страны, по речкам, впадающим в Амур. Впрочем козы попадают как на нашей, так и на китайской стороне Амuru, почти у самого берега по 3, 4 и 5, а иногда и более штук вместе. На китайском берегу Амuru наши зверовщики также охотятся, но не далее 10 верст, несмотря на то, что весь китайский берег, от начала Хингана и до впадения в Амур Укури, не населен. Десятка три казаков нашей станицы занимаются зимой белкованием, соболеванием и вообще пушным промыслом. Обыкновенно в начале ноября, когда все речки замерзнут, эти промышленники соединяются в небольшие артели по 3, 4 и 5 человек и отправляются с провизией и винтовками верст за 30-50 и более в глубь страны. Здесь устраивают множество ловушек и оставляют их, а сами где-нибудь в стороне стреляют всякого попадающегося зверя: соболя, белку, хорька, енота, барса, выдру, барсука, лисицу, летягу (летучая белка), зайцев серых и черных и рысей. От времени до времени осматривают свои ловушки и вынимают попавшуюся добычу. В начале декабря возвращаются в станицу. Более всего приносят, конечно, белок: около 3000 штук, затем каждая почти артель приносит от 5 до 10 штук соболей, иногда и более. Лисицы попадают только красные, ни бурых, ни черно-бурых у нас не

встречается. Изредка попадает красный волк. Беличий промысел бывает наиболее удачен в те годы, когда случается урожай кедровых орехов в хинганских кедровых лесах. Выдры попадаются небольшие, около полутора аршина длины. Медведей и волков в настоящее время не только вблизи станицы, но и верст за 30 от нас встречается мало: всего два-три в год. В первые же годы переселения все дубняки, окружающие нашу станицу, были населены медведями, и в самую станицу приходили один – два тигра в год. Теперь тигры удалились в глубь страны и показываются редко. Медведи здешние смирны и, пока не заметят враждебных против себя намерений, на человека не бросаются.

Но чуть только медведь заметит, что охотник идет на него с оружием и в особенности если выстрел уже сделан и слегка ранил разъяренного зверя, – он с яростью и страшным ревом бросается на своего противника и, если успеет, сгребает его и начинает ломать и драть когтями. В этом случае одному охотнику почти нет спасения. Если же их два-три, то остальные бросаются на медведя с ножами и топорами. Медведь бросает первого и наваливается на того, кто его ударил топором или ножом. Лежавший снова поднимается и нападает на медведя с холодным оружием. Медведь бросается от одного к другому, и сражение продолжается до тех пор, пока обессиленный зверь упадет, истекая кровью. Но и охотникам такая победа стоит недешево: большею частью они возвращаются или их находят другие промышленники страшно изувеченными. Во избежание этого хороший охотник обыкновенно подходит к медведю или подпускает его к себе на такое расстояние, чтобы попасть в него наверняка, стреляет и затем поджидает, пока медведь упадет от потери крови. Тогда охотник подходит, добывает зверя холодным оружием, снимает с него шкуру и отрезает стегна и лопатки. Медвежье мясо продается дорого: по 4 рубля и дороже за пуд. Казаки, впрочем, его почти не едят.

В первое время переселения случалось, что тигры уносили лошадей и коров из самой станицы. В 1858 году тигр подошел к станице; собаки начали выть, визжать и прятаться к избам. В верхнем конце, за станицей, у цейхгауза, на часах стоял казак с палкой вместо ружья. Услышав вой собак, некоторые казаки проснулись, вышли из домов, выстрелили в воздух из ружей и затем, не видя ничего, залегли снова спать. Тигр, услышав выстрелы, отошел от скотных дворов, где испуганный скот столпился на одном месте, и направился к цейхгаузу. Часовой в это время грелся у разложенного около цейхгауза огня. На другой день поутру нашли труп часового с разодранным брюхом, выпущенными внутренностями, ободранный и объеденный. На земле видны были следы тигра и на ближайших деревьях царапины, какие мог сделать только тигр. Вскоре после того партия охотников, человек шесть с винтовками, на лошадях и с собаками, отправились верст за 15 от станицы. Выехавши на болота, они заметили в траве что-то желтое, величиной почти с лошадь. Один охотник выстрелил: из травы поднялся тигр, спокойно опять ушел в траву и скрылся от глаз. Перепуганные охотники бросились было бежать, но, опомнившись, решились проследить тигра, так как на месте, где он лежал, увидели кровь и догадались, что он ранен. Около часу ездили они, не находя ничего. Наконец наткнулись на тигра так близко, что он был от них в нескольких саженьях. Он лежал в чаще, в лозняке. Охотники прицелились и один выстрелил, но не попал. Зверь, услышав выстрел, бросился к охотникам. Первая попалась ему собака: он схватил ее зубами, приподнял на воздух и бросил оземь: собака была без признаков жизни. Тогда он бросился на одну из лошадей и вцепился зубами в заднюю ногу. Охотники в ужасе бросились в сторону и, от-

бежав на некоторое расстояние, остановились. На месте остался только один охотник, стрелявший в тигра. Зарядить снова было бы долго: он закричал товарищам, чтобы дали ему винтовку. Тут один из бежавших, раньше других опомнившийся, выхватил у одного из потерявших от страха товарищей винтовку и поспешил передать охотнику. Пока тигр возился с собакой и лошадей, они оба успели выстрелить: один попал в лошадь, другой в тигра. Зверь выпустил добычу, застонал, заревел и грохнулся оземь. Охотники выждали, пока он перестал хрипеть; тогда подошли к нему, добились топорами и принялись снимать шкуру. Со времени переселения на Амур казаками нашего батальона были встречены и убиты 5 тигров. Шкуры их были длиной от 12 до 16 четвертей и проданы за цену от 30 до 50 рублей. Шкуры куплены большей частью офицерами.

Соболя продавались первые годы от 7 до 10 рублей за штуку, ныне же средняя цена порядочного соболя 6 рублей. Белка продается по 10 коп. за штуку, хорек по 40 коп., волк по рублю, барсук по 60 копеек, выдра от 7 до 10 рублей, серый заяц по 30 копеек. Енотов и лисиц берут охотно маньчжуры и китайцы: они идут у них на шапки и куртки.

С нашими казаками соперничают в звериной и пушной промышленности гольды и орочны. Эти туземцы во время переселения на Амур казаков жили по обеим сторонам Амура. В 1860 году маньчжурские чиновники и особенно гирийский правитель объехали всех гольдов и ороchon, живших на нашей стороне, и разными угрозами, особенно угрозой не продавать буды, запретили им здесь оставаться. С тех пор они живут в одиноко разбросанных по китайскому побережью Амура юртах и шалашах, летом занимаясь рыбной ловлей на Амуре, а зимой звериной и пушной промышленностью. В ноябре многочисленные артели гольдов отправляются по берегу рек, впадающих в Амур, везя по снегу, на себе и на собаках, нарты, нагруженные будой, табаком, порохом, свинцом, луками и стрелами. Они идут в Хинган, заходят в глубь гораздо дальше наших промышленников, до самых высоких гряд Хинганского хребта. Если очень долго не выпадает снег, то одна часть артели отправляется к снегу и охотится на коз и енотов. Платье и обувь их и шапка летом делаются из рыбьих шкур, зимой, у некоторых же и летом, из выделанных оленьих шкур. Вооружены они винтовками, ножами в деревянных ножнах и копьями. Артели состоят из пяти, шести и более человек. В конце зимы по последнему пути, пока еще реки не прошли, они возвращаются с промысла и располагаются где-нибудь на реке вблизи наших станиц. После этого начинается путешествие гольдов в станицы и жителей станицы в кочевье гольдов. Купцы, зауряд-офицеры и казаки покупают у них соболей по 5, по 4 и по 3 рубля на серебряную монету, смотря по достоинству соболя. Кроме того, покупают у них мясо, платя за него старым платьем, спиртом, а иногда и наличными деньгами. При этом плутоватые казаки надувают их иногда жесточайшим образом.

Из товаров гольды берут только дабу и плис, и то в самом незначительном количестве. По станицам они ходят смело, без малейшего опасения, и действительно, их принимают у нас всегда гостеприимно. Обыкновенно они приходят в станицу, идут в дома, которые больше и в которых, по их соображению, живут купцы или богатые казаки. Вошедши в дом, они кричат: «Менду, менду онда» (здравствуй, здравствуй, друг!). Если хозяин отвечает им подобным же приветствием, то они усаживаются и начинают курить свои ганзы (трубки медные, маленькие, на тоненьких чубуках); при этом они плюют беспрерывно и, если проси-

дят в комнате хоть с четверть часа, то в том месте, где сидели, пол бывает страшно оплеван. Затем у них обыкновенно спрашивают о соболях, они вытаскивают их понемногу из-за пазухи, и начинается торг. В течение всего времени, пока сидят в комнате, они с величайшим любопытством осматривают всякую вещицу, оглядят и самого хозяина, ощупают его платье, посмотрят его трубку или коробку со спичками, пистолет, зеркало, ковер и т. п. Но не случилось, чтоб они что-нибудь украли. Наши купцы угощают их, впрочем, весьма редко; угощение заключается в ломтях хлеба, в водке или чае.

Казаки угощают их хлебом и кирпичным чаем. Из съестных припасов, они, впрочем, чрезвычайно редко и в самом ничтожном количестве покупали гречневую муку. Они покупали бы у нас и муку, и буду, если бы мы могли продавать эти припасы по такой же дешевой цене, по какой продают маньчжуры. Буда, как хлеб, чрезвычайно урожайный, дающий на десятине 100, 150 и 200 пудов, продается маньчжурами так дешево, что, по словам гольдов, за соболя они берут несколько кулей буды. У нас буда хотя также хорошо родится, но сеют ее мало и обдирать не умеют. В нашей станице всего две конные мельницы, которые с грехом пополам могут смолоть в день около 10 пудов муки, а ободрать такой мелкий хлеб, как буда, вряд ли могут. Сеять же буду в большом количестве, завести мельницы, которые могли бы обдирать ее, и потом продавать гольдам по 25 коп. за пуд для нас нет расчета. Другие хлеба родятся у нас столь же хорошо, а цена на них вдвое, второе и вчетверо дороже. В прежнее время, до издания запрещения продавать винтовки, порох и свинец, эти вещи представляли чрезвычайно выгодный предмет меновой торговли нашей с гольдами. За хорошую винтовку, стоившую у нас 6 и 7 рублей, гольды давали 2, 3, 4 и даже 5 соболей. За фунт пороха или 2 фунта свинцу можно было выменять у них фунтов 30 мяса. Казаки в то время получали большую пользу от этой торговли. Теперь, кроме серебряной монеты, дабы и плису, нет других предметов промена в нашей торговле с гольдами. Правда, остается еще водка, но не всякий ее имеет и не всякий захочет торговать водкой.

Есть в нашей станице несколько рыболовов, имеющих свои снасти (то есть крючья) и занимающихся ловлей рыбы в Амуре все лето. Рыбы попадается множество; по преимуществу зубатка или кета (вроде семги), маленькие жирные сомы, шуки, лещи, налимы, конь и осетры от 1 до 3 пудов весом. Попадаются и калужки пудов в 10 и более весом, но весьма редко. Более всего бывает зубатки, сомов и шуки. Но вообще казаки, несмотря на страшное изобилие рыбы, почти не занимаются рыболовством. Только изредка артели две из всей станицы (человека по четыре) отправляются делать так называемые заездки на впадающих в Амур речках. Они перегораживают речки, насыпая на дно камень и наваливая потом лес, так, чтобы через него могла протечь вода, а рыба не прошла, и ставят плетенки с той стороны, откуда идет рыба. Такой способ ловить рыбу неудобен, так как большая вода часто уничтожает эти заездки, да и рыбы в них попадает не много и по преимуществу мелкая. Кроме того, такой заездок можно устроить только на узкой и мелкой речке. У нас было два таких заездка в этом году, но вода уничтожила оба.

Неводами здесь почти никогда не ловят рыбы, хотя начальство прислало как в нашу, так и в другие станицы превосходные неводы для безвозмездного пользования казаками. Но они спокойно лежат в ротном цейхгаузе, ожидая, пока казаки пожелают воспользоваться ими для ловли рыбы.

В рыбной ловле, так же, как и в зверином, и пушном промысле, соперничают с нашими казаками гольды. Многие из них целое лето почти живут на китайском берегу Амура, занимаясь рыболовством. Они плавают по Амуру в своих легких лодочках, сделанных из древесной коры. Чуть только заметят где-нибудь рыбу, как быстро подплывают к ней и поражают ее острой (вроде копья). Они налавливают много осетров, калуг и мелкой рыбы. Осетров они продают русским так дешево, что пуд обходится около рубля; калужек они не продают, а обдирают с них мясо, вытапливают жир, кости высушивают для собак, а высушенные хрящи продают маньчжурам. Вообще, в нашей станице пуд рыбы стоит обыкновенно около рубля, но доходит до 70 копеек и до 1 рубля 50 копеек. О делании балыков, икры и соления рыбы впрок у нас никто и не помышляет.

Один из источников дохода нашей станицы (как и других станиц) составляет рубка дров на пароходы. Подряжаются ставить дрова для частных пароходов купцы и зауряд-офицеры по 1 руб. 50 коп. за сажень, а казакам отдают мелкими частями уже по рублю за сажень или рубят своими работниками. На казенные пароходы подряжаются сами казаки. В течение года с нашей станицы отпускается дров сажень триста. Дрова казаки рубят тотчас за станицей. Таким образом, дубовые деревья, которыми густо была окружена наша местность, начинают год от году редеть, и можно ожидать, что по истечении нескольких лет ее будет окаймлять вместо густого дубового леса чистая поляна. Вообще о сохранении леса казаки наши не думают: валят деревья где попало не только для какой-либо надобности, но часто и без нужды. А леса у нас немного. Только в хинганском хребте растет хороший кедровый, пихтовый и лиственничный лес. На равнинах только редколесье из плохого, большею частью гнилого дуба, черной березы и небольшого количества липы.

Верстах в 20 от нас и даже ближе в прибрежных горах найдены значительные залежи известки. Ломать ее, обжигать и сплавлять по Амуру чрезвычайно легко. Цена на нее хорошая: от 30 до 40 коп. за пуд. Сбывать ее можно было бы по всему Амуру до самой Хабаровки. Несмотря на это, казаки нашей станицы об этом и не думают. И если бы не два-три казака маленькой и бедной соседней станицы, занявшиеся добыванием, обжиганием и привозом к нам известки, то мы и сами сидели бы без этого необходимого материала. Известка эта очень хороша: бела, мягка, жирна, и камней в ней попадаетесь весьма мало. Далее Хабаровки эта известка вряд ли бы пошла, так как по берегу Уссури почти под водой встречается отличная белая глина.

Наконец, при нашем изобилии кедровых и простых мелких орехов (продаваемых в России под названием каленых и казанских) можно бы выделять массу кедрового и орехового масла. Кедры, из которых состоит значительная часть лесов Хингана, покрыты кедровыми орехами; все амурское побережье верст на 20 вглубь и даже дальше, покрыто простым орешником, так что собрать орехов можно было бы до тысячи пудов. Но казаки пренебрегают этим источником дохода, несмотря на то, что большую часть года проводят в совершенной праздности, а дети их и круглый год ничего не делают.

В Хингане довольно часто попадаются дикие пчелы; казаки находят их, убивают и вынимают мед. Заниматься пчеловодством они не решаются, потому что не имеют о пчеловодстве никакого понятия, так и вообще по недостатку предприимчивости. Между тем богатая растительность и отличное произрастание черемухи могли бы сильно способствовать разви-

тию пчеловодства. Мед мог бы иметь сбыт как между самими жителями, любящими сладкое, так и на продовольствие морской команды в Николаевске.

Представителями торговли в нашей станице служат два купца, зауряд-офицер, заезжие торговцы, проплывающие мимо на баржах, паромах и лодках, и несколько казаков. Купцы наши имеют в станице постоянные лавки, в которых торгуют красным, бакалейным, железным товаром и напитками. Зауряд-офицер берет у проплывающих купцов на комиссию на несколько сот рублей красного товара и продает его не из открытой лавки, а из сундуков и других подобных помещений. Проплывающие купцы торгуют мимоездом всякой всячиной. Казаки торгуют только спиртными напитками. Из красных товаров у нас идут: даба синяя, красная и желтая, серпанки, ситцы, миткали, холсты, коленкоры, платки, шали, легонькие гарусные и шерстяные материи низких сортов и, в незначительном количестве, сукно низких сортов, бумажное трико, кунгурские сапоги, бродни, рукавицы. В настоящем году куплено около десятка кринолинов. Из бакалейного товара идет по преимуществу кирпичный чай, в малом количестве чай байховый, сахар, изюм, киш-миш, чашки, стаканы, в незначительном количестве ножи, вилки, тарелки. Из железного товара идут: котлы, чайники, сковороды, горшки, топоры, но все это – в самом незначительном количестве, так как в первые годы всем этим снабжала казаков довольно дешево, а отчасти и даром казна. Из напитков по преимуществу идет водка, ром, коньяк, джин и отчасти американская вишневая наливка – шерри-кордиаль. Водка идет из Забайкалья, а остальные напитки – из Николаевска, от американцев. Наши купцы продают товаров на деньги и на соболей приблизительно на сумму от 3 до 5 тысяч рублей в год. Да проплывающие купцы продают товаров на сумму от 1 до 1,5 тысячи рублей в год. Цены на товары следующие: серпанки и ситцы от 25 до 30 коп. за аршин; миткали, холсты, коленкоры около 15 коп. за аршин; бумажные платки от 50 коп. до рубля; гарусные шали от 1,5 руб. до 3 рублей; люстриновая и шерстяная материи низкого сорта по 40 коп. за аршин; сапоги от 3,5 руб. до 4 рублей; бродни – 2 рубля, рукавицы от 35 до 50 копеек; чай кирпичный от рубля до 1 руб. 25 коп., кирпич байховый, низкого сорта, от 1 до 1,5 руб.; сахар от 12 рублей до 20 руб. пуд; чашки, стаканы низкого сорта по 40 коп. штука, и т. д. Байховый фамильный чай, покупаемый в Кяхте, покупается даже китайцами, которые большею частью пили прежде желтый чай. Чай доставляется из Николаевска. В Николаевске же он привозится американскими купцами. Красный товар закупается на Верхнеудинской ярмарке, в Чите и в Нерчинске. Заграничный красный товар и сахар привозится в Николаевск американцами, немцами и евреями; от них уже покупают эти товары наши станичные купцы. Таким образом, пока этот товар дойдет до покупателя, он пройдет через многие руки. Доставка от Николаевска до нашей станицы обходится около полутора рубля с пуда.

Каждое лето мимо нашей станицы проплывает несколько маньчжурских лодок. В этих лодках торгуют маньчжурские купцы, а еще чаще маньчжурские чиновники. Они продают пшеничную и гречневую муку, первую около 1 руб. 75 коп. за пуд, вторую около 1 руб. 50 коп. за пуд; будо около 1 руб. за пуд, рис около 2 рублей за пуд, сахар леденец и патоку – от 30 до 35 коп. за фунт; кирпичный чай, табак – от 30 до 40 коп. за фунт. В прежнее же время они по преимуществу торговали ханшином (китайской водкой).

Самый главный расход у наших купцов бывает на свечи и мыло – эти товары продаются по 25 коп. за фунт.

Весной во всех описанных товарах чувствуется у нас большой недостаток, и цены немного поднимаются. Это происходит от того, что с прекращением навигации и до нового ее открытия у нас нет никакого привозу и вывозу товаров. Если бы какой-нибудь купец вздумал доставить товары на Амур зимой, то ему пришлось бы везти его на своих лошадях и платить страшные цены за сено и овес, и он, несомненно, потерпел бы убыток. А если бы он вздумал везти товар наймом, то в иных местах его провезли бы довольно сходно, а в других сорвали бы такие невероятные цены, что он, конечно, отказался бы и от намерения дальше везти свой товар.

Причина такого положения дела заключается в том, что у казаков лошадей немного, кормятся они плоховато и большой охоты зарабатывать лошадьми деньги у них нет. Да и почтовая гоньба отнимает у них отчасти возможность возить частных проезжающих и их товары. Наконец, казаки приобрели привычку брать, где только можно, неслыханные цены, как говорят – сорвать. Соперничать же с ними некому. В Амурской области крестьяне, в небольшом количестве, живут только в двух пунктах: около Албазина и в Благовещенске по реке Зее.

Провезти большой транспорт товаров по Амуру зимой можно не иначе, как заготовив заблаговременно в разных пунктах, на расстоянии верст ста пункт от пункта, сено и овес. Тогда купить собственных лошадей и везти товар. Но и в этом случае дело может быть не вполне верно: почти каждую осень в разных местностях Амура осенью бывают пожары, и заготовленное сено может сгореть. Но во всяком случае такой способ более или менее надежен.

Главный и самый надежный предмет торговли у нас спиртные напитки. Их-то преимущественно и привозят в Николаевск иностранцы. Большая часть денег наших казаков идет на эти напитки, меньшая же употребляется на платье и увеличение скотоводства. Разумеется, есть отрадные исключения, но вообще пьянство распространено у нас в значительной степени.

В прежнее время продажей спирта заведывало начальство; ротные командиры отпускали спирт раза два в неделю. И в эти дни полстаницы можно было найти навеселе. Кроме того, довольно часто проплывали с маньчжурскою водкой как самые маньчжуры, так и русские торговцы. Прибытие их составляло праздник для станицы, и к вечеру такого счастливого дня в ней оказывалось множество пьяных. По большим праздникам почти полстаницы бывает пьяно. О Рождественских святках и на Светлое Христово Воскресенье большая часть казаков по несколько дней пьянствует. Ныне объявлена вольная продажа спиртных напитков. Но пока еще мало появляется торговцев спиртным. Поэтому, если не бывает в станице продажного спирта, казаки, нисколько не стесняясь, берут ром по полтора рубля за бутылку и распивают его также точно, как распили бы самую дешевую водку. Недавно плыл мимо станицы из Николаевска иностранный купец на небольшом пароходе; на буксире он вел баржу, на которой у него была лавка. Рому у него было много. Он останавливался по станицам и торговал по несколько часов, а в иной станице по целым суткам. У этого купца некоторые казаки брали ром ящиками, не говоря уже о тех, которые брали его бутылками.

Старания начальства об искоренении между казаками пьянства и развитии трудолюбия не имеют успеха. Да и вообще, мне кажется, что если бы начальство поменьше заботилось о

казаках, то для последних было бы лучше: они сами более бы о себе заботились. Теперь же, видя постоянную о себе заботливость начальства, они все почти свои надежды возлагают на него и пришли к тому убеждению, что казна все им даст. Разумеется, есть между казаками личности, составляющие и в этом отношении исключение, но таких немного. Чтобы вывести большинство наших казаков из этого апатического, непредприимчивого состояния и побудить их воспользоваться всеми благами, которыми так богата амурская природа, необходимо поменьше опеки над ними, больше образования и поселение рядом с казаками вольных переселенцев. Во всей нашей станице всего несколько человек грамотных и ни одного казака хоть мало-мальски образованного. Сам просветитель юношества нашей станицы – перечисленный в казаки гарнизонный солдат из кантонистов. В нашей школе на 770 душ населения учится всего двадцать человек. Во всей Амурской области нет даже такого училища, которое равнялось бы уездным училищам. Мы дальше приходских школ пойти еще не успели. Поселение между казаками предприимчивых крестьян-переселенцев было бы, по нашему мнению, весьма полезно. У таких крестьян, сколько мне приходилось видеть их, кроме предприимчивости, им свойственной, самые хозяйственные приемы гораздо совершеннее, чем у наших казаков. Довольно сравнить крестьян Амурской области с казаками. У первых лошади великолепные, у последних чуть-чуть не клячи; у первых развито рыболовство, извоз, мелкие торги, у последних все это только в зародыше. У первых учат детей грамоте чуть не в каждой избе, у последних в даровую школу ходит всего 20 мальчиков на 770 душ населения. Хлебопашество у крестьян развито гораздо лучше, чем у казаков. Многие крестьяне пахут плугами, казаки всегда сохами и сабанами. Между тем амурская земля такого рода, что для развития хлебопашества в больших размерах необходимо пахать плугами, а не вырубать топорами и заступами кустарник и корни и потом распахать сохой, как это делают казаки. Крестьянина нашей области без дела не увидишь, а казака очень часто застанешь совершенно праздным.

С развитием между казаками образования и удобств жизненных нынешнее их зависимое положение было бы неуместно. И иное положение это стеснительно для хозяев-казаков, несмотря даже на мягкость и благонамеренность начальства. Если строго разобрать дело, то отношения казака-хозяина к его воинскому начальнику малым отличаются от отношений крестьянина к помещику при существовавшем прежде крепостном праве, особенно если начальник – человек необразованный, неблагонамеренный, не чуждый зависти, корысти и тому подобных недостатков.

К тому же нужно иметь в виду, что обстановка жизни регулярных войск, где военная дисциплина – основание всего, и обстановка казачьей жизни совершенно различны. Солдат, не имеющий ни кола, ни двора, ни дома, ни хозяйства, большею частью человек, стоящий неизмеримо ниже начальника и в умственном, и в материальном, и в общественном отношении. Казаки же составляют общество, опирающееся и на известном нравственном и умственном начале и материальном достатке. Там начальник знает своего подчиненного солдата только по фамилии и на службе; здесь он знает казака и как хозяина, и как члена того самого общества, в жизни которого участвует если не сам он, то его домашние. Да и по недостатку другого общества и сам он поневоле участвует в общественной жизни своих подчиненных. Отсюда масса столкновений между начальником и подчиненным, совершенно неизвестных и не могущих случиться в быту регулярных войск.

Но возвратимся к нашему времяпрепровождению. Кроме прихода разных барж, пароходов, лодок и т. п. летнюю жизнь нашу разнообразят праздники. В большие праздники девушки и казачки, разряженные, отправляются в церковь помолиться, людей посмотреть и себя показать. Если священник в станице, то он служит обедню; если же его нет, что также часто случается, то дьячок читает один часы. Отстояв в церкви, приходят домой и распивают кирпичный чай, затем обедают. Обед начинается водкой, рыбным пирогом из ржаного или пшеничного теста; за пирогом следуют щи с мясом или рыбой, потом творог со сметаной и, пожалуй, жаркое или яичница. Разумеется, что далеко не все казаки имеют такой обильный обед даже и по большим праздникам.

После обеда родственники, обыкновенно казачки, начинают ходить друг к другу с визитами. Придут к одному родственнику, посидят, попьют байхового, а чаще кирпичного чаю, смотря по достатку, расспросят о здоровье, о скоте, о хозяйстве, о хлебах и уже вместе с хозяином дома отправляются к другой родне.

Девушки в это время собираются небольшими партиями, ходят по станице и поют. А казак, если есть вино, забирается в гости к одному какому-нибудь родственнику или приятелю, и распивают водку, какую Бог послал. А к вечеру, нежно обнявшись, расхаживают по улицам и распевают первую попавшуюся песню. Праздник Светлого Христова Воскресения отличается тем, что к помянутым развлечениям прибавляются качели для мужчин и женщин, хороводы, кегли и другие игры, в которых казаки очень ловки. В зимние праздники к удовольствиям расхаживания с визитами, выпивок и т. п. прибавляются еще некоторые другие. Для молодых казаков и девушек, и даже казачек устраиваются на скате берега род гор, с которых они и скатываются на бычьих кожах к реке. При этом неловкое падение производит всеобщий веселый хохот. Казаки, которые посерьезнее, устраивают бега на лошадях по станице. Иные катают в санях, на тройках и парах своих жен и родственников. И все между тем пьют, пока есть возможность. Старики не только вечером, но и днем прогуливаются обнявшись, распевая непослушным языком различные песни, пока не свалятся где-нибудь, и сыновья, менее пьяные, а чаще дочери, не подберут их и не уведут домой.

Святки, Масленица празднуются по несколько дней, и оторвать казака от этого празднования могло бы разве неприятельское нашествие или пожар. Если вам что-нибудь крайне нужно в это время заказать сделать, то и не трудитесь: никто и пальцем не шевельнет.

Но венец всех зимних удовольствий составляют так называемые вечеринки, или амурские балы. Этот предмет стоит того, чтоб о нем несколько распространиться.

Вечерники делаются по случаю больших праздников – именин, свадеб, крестин и т. п. и даются, разумеется, зимой, так как зимой посвободнее. Летом считается как-то неуместным веселиться публично, в то время когда следовало бы работать. Вечерники даются казаками, купцами и офицерами, и потому их можно разделить на казачьи, купеческие и офицерские. Опишем купеческую вечеринку.

Через два часа после того, как купец задумал дать вечеринку и выразил свое намерение каким-нибудь внешним признаком, как-то: послать за водкой или за скрипачом, вся почти станица уже знает, что будет вечеринка. Все молодые замужние, а тем более незамужние казачки заранее предвкушают удовольствие поплясать вволю, а казаки выпить и поплясать или просто провести вечер в приятном созерцании того, как люди веселятся. Приготовления к

вечеринке бывают невелики: более или менее просторная комната в доме очищается от всякой рухляди и вокруг стен обставляется какою случится мебелью. Покупается бутылки три, четыре и более, смотря по тороватости купца, спирту или рому; готовится для знакомых чай и легкая закусочка: вот и все. Главная же забота заключается в том, чтобы подрядить станичного скрипача: это удовольствие стоит около рубля серебром в вечер. Затем посылается по знакомым казакам, верхом или пешком, работник с приглашением пожаловать на вечер. Чуть стемнеет на дворе, окончательно зажигаются в большой комнате свечи и ставни уже не затворяются, чтобы гости не подумали, что вечеринка отложена или вовсе отменена, что тоже иной раз случается. Музыкант приходит раньше других, угощается рюмочкой водки и, расхаживая по комнате в ожидании гостей, настраивает свой инструмент. Наконец, часов в семь слышится скрип снега, говор, шум платьев. Это первая партия гостей. Первыми приходят казаки. Молодые, и особенно плясуны, наряжаются иногда в мундиры, если таковые имеются, а не то приходят в новых халатах. Не плясуны являются в серых форменных шинелях, халатах. Вошедши в комнату, становятся у дверей или усаживаются на приготовленные для гостей места поближе к входной двери, или просто на полу у стены. Затем слышится опять скрип снега, шум, смех и говор: это партия молодых казачек. Они оставляют верхнее платье в сенях и входят в комнату разряженными по-праздничному, в платьях, сарафанах, платках и башмаках, с открытыми головами. Они очень развязно подходят к хозяину, если он случится при их входе в бальной комнате, и подают ему руку, которую тот, разумеется, вежливо пожимает... Мало-помалу собирается значительное количество публики. Девушек-казачек угощают чаем с сахаром и кренделями, а знакомых казаков водкой. Когда выпьют по чашке чаю и по рюмке водки, угощение прекращается, и начинаются танцы. Гостей, приглашенных и не приглашенных, набирается так много, что приготовленных мест не хватает, и вновь приходящие садятся на колени раньше пришедших. Мужчины по большей части стоят. Для танцующих, впрочем, оставляется пустое место посредине комнаты. Перед началом танца обыкновенно две-три девушки, которые побойчее, подходят к музыканту и просят его сыграть им какой-нибудь танец. Пока музыкант настраивает свой инструмент, танцующие собираются на середину. Кавалеры выбирают дам обыкновенно из тех девушек, которые им знакомы и которые им больше нравятся. Смычок проводится по струнам, и несколько пар пускаются в пляс. Танцуют быстро, ловко, с воодушевлением, с энергией, лица разгораются, глаза блестят, пары кружатся, вертятся, сцепляются руками: только пол стонет и гнется под ногами разгоряченных танцоров. В небольшие антракты девушек и молодых казачек угощают папиросами, а иногда пряниками и конфетами; музыканту, плясунам и знакомым казакам предлагают подойти к импровизированному буфету выпить и закусить. Из танцев обыкновенно танцуют «парочку». Это что-то вроде «русской». Кавалер, или дама за кавалера, выходит на середину комнаты и кланяется сидящей с краю девушке. Та выходит на середину и начинает танец. Потанцевав две, три, четыре минуты, дама садится на место, а кавалер ангажирует следующую по порядку девицу или молодую казачку. И это перебирание продолжается до тех пор, пока кавалер или дама, служившая за кавалера, не перетанцует со всеми танцующими гостями, которых бывает около 50-ти и более. Пот катится с него градом, но он не теряет духу и танцует со всею подобающею ловкостью и энергией. Кроме того, танцуют «восьмерку» или одни девушки, или девушки с кавалерами. Две пары становятся про-

тив других двух пар и выделяют разные па вроде некоторых па нашей кадрили. Переходят с места на место, кружатся со своими дамами, составляют круг и т. п. Танцуют «барыню», «молодчика», «закаблань», что-то вроде гресфатера, и «костолом» – танец, требующий большого искусства, потому что в нем кавалер, не оставляя приподнятой кверху руки своей дамы, проходит под этой рукой и целует свою даму в губы; тоже повторяет каждый кавалер со всеми танцующими дамами. Танец этот, как и «барыня», чрезвычайно оживлен, и наши танцующие исполняют их с ловкостью и даже некоторой грациозностью. Танцуют также вальс под названием «вальц». Случается, что устраивается и кадрили с помощью купцов и офицеров, и с грехом пополам протанцовывается.

Натанцевавшись чуть не до окончательного изнеможения, усаживаются и немного отдыхают. Отдохнув, начинают «ходить по песням». Это делается так: несколько девушек встают, начинают ходить вокруг комнаты, ангажируя по пути какого-нибудь кавалера, которому на плечо кладут платок. Прохаживаясь таким образом, они поют различные песни. Спев песню, девушки садятся. Выходят точно также кавалеры, прохаживаются один за другим вокруг комнаты, поют и по пути ангажируют дам, подавая им руку, те берут за руку кавалера, и таким образом пара за парой ходят вокруг комнаты и поют. Каждая песня непременно оканчивается поцелуями, а некоторые песни требуют и нескольких поцелуев. Одна из любимых песен следующая:

Со вьюном я хожу, с животом гуляю,
Я не знаю, куда вьюна положить.
Положу я вьюна, положу живота
Ко боярину на правое плечо.
Чем вьюна выкупать, чем живота выручать?
Уж я дам ли, не дам за него
Уж я три гривны серебряные,
Три, четыре позолоченные,
Я коня вынаходова, сокола сызаперова,
Молодца кудреватого, холостого, неженатого.
Я за молодцем иду, иду, иду,
За хорошеньким иду, иду, иду,
Переменки жду, жду, жду;
Поцелую, сама прочь пойду.

После этой песни следует три поцелуя. Затем кавалеры поют:

Как по ельничку,
По березничку,
По частому по мелкому по осинничку
Идут молодцы горой,
Ведут девушек с собой.
Пойдем, девица,
Пойдем, красавица.
Как у вас во саду,
Во высоком терему
Много шитых, много бранных,
Много белых полотнян,
Много шелковицы, полушелковицы.
Мальчик на ногу ступает,
Ума разума пытается,

Мальчик ручку жмет,
Поцелуя ждет.
«Поцелуй-ка, девица, поцелуй, красавица,
Поцелуй, радость, меня:
Взвесели молодца».
– Я за это, сударь, вас
Поцелую десять раз.

После этой песни целуют дам в губы десять раз. Потом поют:

Как у голубя,
Как у сизого
Золотая голова.
Как у голубки,
Как у сизой
Позолоченный венец.
Позавидовал, позавидовал
Разудалый молодец
Душе красной девице.
Если бы эта, если бы эта
Моя сужена была,
Я бы зимнею порою
Во Китай-город свозил.
Если б лето, если б лето
Во карете прокатил.
Если б осень, если осень
Епанечку бы сошил,
Не простую, дорогую
Золотой парчой покрыл,
Соболями опушил. Ты красуйся,
Моя суженая,
Моя ряженая,
За моей разудалой головой.
Ты позвол-ка поздороваться с тобой.

За этой песней целуются всего один раз, кавалер со своею дамой. После песни: «Я качу, качу по блюдечку» целуются, как поется в песне, со всем поездом, то есть все, кто участвует в пении, должны взаимно перецеловаться. Поют еще.

«Амурский хлебопашец»

Жизнь в Амурской станице. //

Русский вестник, М. 1863. Т. 48. № 11. С. 417-454.

РЕЧЕВОЙ ПОРТРЕТ ПОТОМКА ЗАБАЙКАЛЬСКИХ КАЗАКОВ

(на материале речи В.Ф. Федореева, жителя села Чесноково

Михайловского района Амурской области)

В статье представлен речевой портрет современного представителя русских говоров Приамурья, потомка забайкальских казаков В.Ф. Федореева, проживающего в селе Чесноково Михайловского района Амурской области. Речевой портрет создан по материалам записей его рассказов о своей жизни и о своих предках.

Ключевые слова: диалект, русские говоры в Приамурье, потомки забайкальских казаков, речевой портрет

The article presents a speech portrait of a modern representative of Amur dialects, a descendant of Transbaikalian Cossacks V.F. Fedoreyev (Chesnokovo village, Mikhaylovsky district, Amur Region).

Key words: dialect, Russian dialects, Amur dialects, descendant of Transbaikalian Cossacks, speech portrait

Амурская экспедиция 1854 г. под руководством генерал-губернатора Восточной Сибири графа Н.Н. Муравьева положила начало новому, плановому заселению Амура. Первыми поселенцами стали забайкальские казаки, которые, как военный элемент, могли представлять более или менее надежную оборону границы от случайных нападений. Переселение казаков и формирование амурских казачьих станиц завершилось к 1862 г [1, с. 10]. В этом же году на Амуре был заложен казачий хутор Чесноковский, ныне село Чесноково, получившее свое название по фамилии сотенного командира Первого Амурского полка конной бригады Михаила Чеснока [2].

Потомки забайкальских казаков до сих пор проживают в этом селе. Однако воспоминания о родителях-казаках у большинства из них отсутствуют. Как рассказывают местные старожилы, в 1937 г. большая часть казаков была арестована и впоследствии расстреляна. Их дети (а это современное старшее поколение жителей села) воспитывались матерями, либо в силу разных жизненных обстоятельств с детских лет самостоятельно заботились о себе и младших братьях и сестрах.

Владимир Филиппович Федореев родился в 1936 г. в селе Чесноково в семье казака Филиппа Федореева.

Чесноково было казачьим селом и, по воспоминаниям старожилов, местное население звали *гуранами*. Этот языковой факт подтверждает, что в селе действительно проживали выходцы из Забайкалья – забайкальские казаки и их потомки. *Гураны*, по мнению Владимира Филипповича, – это «*местные жители*». Жителей села Чесноково называли также по имени села *чесноковскими* или *чесноками*.

Когда приехали, *«здесь дом был уже купленный, уже валялся»*, – вспоминал Владимир Филиппович. Известно, что, переезжая на новое место из Забайкалья, казаки разбирали свои дома и сплавляли их в разобранном виде к новому месту по Амуру. Вероятно, поэтому *«валялся»*.

Мать Владимира Филипповича, Елена Даниловна, приехала в Чесноково в 1917 г., *«с запада»*, и вышла замуж в казачью семью. Ее муж, казак Филипп Федореев, был конюхом. В 30-е гг. семья была раскулачена, а Филипп Федореев, как и многие амурские казаки, оказавшиеся неугодными власти, был расстрелян в 1937 г. Жители села, вспоминая рассказы матерей, говорили, что в одну ночь расстреляли 40 казаков.

Отец Владимира Филипповича был верующим. По его версии, *«потому и расстреляли, что верующий был»*.

В воспоминаниях сына Филиппа Федореева – Владимира Филипповича Федореева – преобладают сюжеты о матери, сильной, крепкой женщине, воспитавшей и поднявшей на ноги семерых детей. Образ отца в памяти не успел запечатлеться, не сохранились и фотографии. Владимир Филиппович знает его только по материнским рассказам.

Владимир Филиппович окончил в своем родном селе десять классов, затем три года служил в армии, из них два года – на Сахалине. После службы вернулся в село, работал в колхозе, был бригадиром, учетчиком.

Этот невысокий человек до сих пор отличается недюжинной силой, а прежде был признанным силачом на селе, о чем свидетельствуют несколько поведенных им историй.

Слушая рассказы Владимира Филипповича, погружаешься в атмосферу приамурской деревни с ее особым колоритом и со всеми атрибутами, обусловленными местом и временем проживания: в дальней дали от столиц, но в близости к Китаю, на берегу Амура-батюшки, который величествен и велик и который кормил в трудную годину и кормит сейчас.

Любимое занятие Владимира Филипповича с детских лет – рыбалка, да к тому же в Амуре *«рыба валом идет»*. Поэтому в речи нашего собеседника встречается много названий местных рыб – *плеть, сом, верхогляд, белуга, голянь, щука*, последнее слово он произносит по-казачьи *«ищука»*.... Бывает просто *щука*, а бывает *травянка*. Мир делится дробно в актуальных для представителя сельского социума сферах и именуется в соответствии с этим членением. И повествуется о событиях мира особенно, «по-диалектному», иногда не совсем понятно для носителя литературного языка: *«Накололи рыбы, икры напустили...»*, *«вот она всплыла, вот и на солнце видать икру или чё вот она грела»* (о путине). Для каждой рыбы – своя рыболовная снасть или приспособление, есть и особенно устроенные или приспособленные для ловли рыбы места. Напр., *улово* – *«яма в Амуре, там рыба, заходит туда, отметат икру...»*.

А вот китайцы, которые жили на другом берегу Амура, *«оне ловили рыбу под нашим берегом»*. Был *«совместный остров»*, русский и китайский, назывался Каменушка. Сейчас он оказался в Китае, т.к. располагается за фарватером, по которому с определенного момента стала проходить граница между Россией и Китаем. *«На острове лавка была, – вспоминает Владимир Филиппович, – там китайцы торговали»*. Китайцы, по словам нашего собеседника, *«любили постоянного покупателя, и в долг давали, не любили, когда бегали по другим продавцам»*. И по-русски китайцы *«маленько лопотали»*. Были и смешанные браки между русскими и китайцами: *«Вот В. из N., его отец китаец, а мать русская. Ушла в Китай,*

и Володю оттуда приперла». До сих пор у некоторых жителей приамурских сел имеются родственники по разным берегам Амура – соответственно, в разных странах – России и Китае. Известны факты восстановления родственных русско-китайских связей в начале двухтысячных годов между потомками таких смешанных семей. Нам, к сожалению, не удалось встретиться с представителями этих семей.

Отметим характерное для приграничных с Китаем приамурских территорий выражение «*за проволокой*» (произносят – «*за проволкой*»). Так называли территорию по Амуру, которую обносили проволокой в целях лучшей защиты границы. Не во всякое время туда можно было заходить без задержания. Но «*рыбачить за проволокой*» было делом обычным для чесноковских рыбаков и для Владимира Филипповича в том числе.

В культуре приамурских сел и речи ее жителей от казаков-отцов сохранилось особенное отношение к лошадям, которые, как известно, являлись своеобразным атрибутом казачьей жизни. Несколько удивительно забавных и одновременно теплых историй о конях рассказывал Владимир Филиппович. Любопытно, что лошадям часто давали клички по фамилии хозяина: *Федоренчик* – конь Федореева, *Клименчиха*...

В диалектной пестроте Приамурья говор приамурских сел, в частности говор села Чесноково, выделяется по своим диалектным чертам. Эти черты совпадают с диалектными особенностями, характерными для говоров северного наречия. Они совпадают с чертами казачьих амурских говоров, описанными в предисловии к «Словарю русских говоров Приамурья» по материалам диалектологических экспедиций Благовещенского и Хабаровского педагогических университетов в амурские села во второй половине XX в. [3].

Мы благодарны Владимиру Филипповичу Федорееву за неспешную обстоятельную беседу с нами, за рассказы о жизни своей семьи и родного села, в которых отразилось его спокойное, зрелое понимание этой жизни с высоты прожитых лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кирпикова Л.В. К истории формирования русских говоров Приамурья // Народное слово Приамурья: сборник статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. С. 9-19.
2. Из истории села Чесноково [Электронный ресурс] // Официальный сайт Михайловского района // URL: <http://www.mihadmin28.ru/chesnokovo.html>
3. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост. О.Ю. Галуза, Ф.П. Иванова, Л.В. Кирикова, Л.Ф. Путьянина, Н.П. Шенкевец. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. С. 4-8.

Федореев Владимир Филиппович, 1936 г.р.,
с. Чесноково Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовали Блохинская А.В., Галимова Д.Н., Оглезнева Е.А., 2013 г.

Обработала Блохинская А.В., 2014 г.

Комментарии: Блохинская А.В., Оглезнева Е.А.

1. О рыбалке

- *А рыбачили вы на что? На закидушки, а еще на что?*
- На закидушках / рыбачил // Я в шийсят девятом году / вот // На закидуши / поставил три закидушки / там // За проволкой / и на вéлике ездил // И / у меня мот(о)цикл был старый / он сломался / вот // Думаю / и на вéлике ездил / ну всяко // Хоть я и бригадиром на / или

утром машину / людей же туда везёт рабочих // На эту ж я / велик туда толкаю // В кузов / и / сам сажус / с рюкзаком / и думат / закидúшки проверю потом // У меня же / работа та обычно с обеда / начинается больше / вот // Учётчиком / я же тогда учётчиком ещё был // Ну // Ну и // А брат же был бригадиром / он на сене был // Командовал / вот // Там и сено сразу заготавливали / по бригадам / вот // Две / у нас было две бригады вот // Ну и / я и де сам наловлю этих кузнечиков // Ну / что называется / саранча / вот // Вот / я их наловлю // Ну / у нас их мало было / в то время // И щас / и щас / уже немного / слава боуу / а то бы они съели нас // Вот / три закидúхи поставлю / на три / и полный рюкзак рыбы / утром // Три... Двадцать девять / тридцать две рыбины / каждый день // Вот я месяц ловил / три семьи кормил / вот // Плети вот такие во // Ну / двадцать девять / и тридцать / плети / вот / полный рюкзак //

– *Плети – это что значит?*

– Да / да // Плети / это така рыба / что она вкусная //

– *Плеть называется?*

– Да / плеть // Просто её / обычно / я не знаю / её называют плетью //

– *А почему плетью называют? Какая она?*

– Ну // Косатку видела?

– Ага. Ну, да, слышали, видели в музее косатку.

– Ну, косатку // Вот / и плеть / только она длиньше чё-то // Вот // Косатка она / коротенька такая // Как-то толстая / приземиста / а это / а плеть / вот //

– *А ещё какая рыба была, кроме этой? Что ещё ловили?*

– Ну, всё ловилось / ну эти сомы / ну всякие от // верхогляд брался даже / всё // Вот / ну / ну //

– *А верхогляд это какая рыба? Верхогляд?*

– Белая такая //

– *И чё глаза у ней какие?*

– Ауа // Выпученные глаза // Всё / ну-ну //

– *Ну, это не то, что ротан?*

– Не-е / да такой рыбы / щас токо с огнём искать надо //

– *В Амуре раньше осетр, или осётр, был?*

– Вот в девяносто втором году / я ещё видел / белугу // Суда дошла / большая // Во / ну //

– *Какая она примерно была размером?*

– В заставе // Ёлово // Вот она всплыла // Вот / и / на / на солнце видать / икру / или чё вот / она грела // Вот / вот / вот //

– *Как хорошо вы сказали: «Икру грела».*

– Ну и / да //

– *А вот давайте про белугу. Вот она большая вообще? Большая?*

– Большая //

– *Большая. Ну, сколько килограммов?*

– Большая // Ну / да она сколько // Она если поймается / то упрёт / ну //

– *Да?*

– И человека / всё // У нас / её трое / один раз / Денисов поймал на закидушке / он видать поймал специально / и поставил // Ну приманку // Наживил большую рыбку / вот она

видать / проглотила / и поймалася // Так она их // С заставы просили / шоб её убили // Дак / троём они / и лодку эту таскала / и всё их // Вместе с лодкой таскала // Вот // Ну / наверно за-
става выручила их // <...>

– А вот вы еще сказали «у́лово»: «Там, где у́лово». Это что такое?

– Ну / у́лов / это / де-то / яма обычна / вот // Ну / када прибывает / она как у́лово //

– Яма какая? Яма с водой?

– Ну / да / да <...>

– И там, ну, прибывает вода, она наполняется, и рыба туда заходит?

– Нет / Оно просто в Амуре // Просто у́лово создаётся / яма / вот // Када вода прибывает / она // Вот оне туда / ну / (г)де глубже / она всё равно / ищет (г)де глубже / рыба / вот //

– А когда вода сходит, рыба там остаётся?

– Нет / она уходит // Да // Если она там / отметат икру / или (г)де / она всё равно ухо-
дит//

2. О китайцах в приамурском селе

– А вообще китайцы были здесь в селе, жили?

– Жилы раньше // Да // Раньше када / када / граница была // Её в двадцать восьмом году / мама говорит / закрыли / полностью вот //

– Вот тоже как-то непонятно: открыта она, закрыта?

– Вот / в двадцать седьмом году её закрыли полностью // Была открыта //

– Что значит открыта? Это что означает?

– Ну / оне // Здесь и жили / щас / вот // Китайцев // Ну и //

– В деревне прямо, да, здесь?

– Да / да вот // Ну и //

– Жили они здесь сами по себе? Или они тут на русских женились? Как жили?

– И на русских // Там и до сих пор / вот здесь / живёт семья // В Семидómках / Сумаро-
кова родня // Сумарокова Николая Дмитрича / вот / вот // <...>

– Это в селе?

– Нет // Я не // Её как назвать / я забыл // Правильно / не Семидом / Семидомка / это от-
дельно / там ещё была деревня //

– Да //

– А здесь / я / ну //

– Ну, рядом с вашей деревней?

– Ну / против этого // Против туда // Вот на юг // Там есь // Каменúшка был раз / был
совместный остров вот // Туда мы ездили за дровá-ами / вот // Я же с армии приехал уже /
ездили на этот / Каменúшки // Вот камни для клуба заготовливали // Клуб сделали / с фунда-
мент(ом) всё // Камень оттуда возили // С Каменúшки //

– Каменúшка?

– Каменúшка / да / да //

– Это именно остров? Или это территория наша?

– Нет / это территория / щас их признали / китайская / потому шо она до фарват(ера)
была / вот // Но / тада ещё / вроде / как наша была // Понятно? От // А потом / видать решили
/ вот эта // Када споры пошли / отдали им // Китайцам//

- *И вот это потомки китайцев / они где живут?*
- Ну / часто / часто они раньше то жили оне (в)сё равно вот / а потом / када закрыли // Они уже / не туда / и не суда // Границу закрыли / видать / объявили там же всё // Ну / кто остался здесь / кто остался здесь / а // <...>
- *Владимир Филиппович, а здесь они что делали китайцы? Чем занимались? Вот что рассказывали?*
- А / здесь / я не знаю / оне больше // Мама го(во)р(ила) / ну / не знаю я // Оне в общем // Лучше с ними вообще не связываться // Оне / отца / Пухарёва Филиппа / просто вилами закололи / из-за коней // Коней забрали / и вот // Оне вообще / вот //
- *То есть такое плохое впечатление о них?*
- Да //
- *А много их здесь было?*
- Ну / я ж не сильно-то / не помню //
- *А чё говорят?*
- Да / да / ну / были // Вот // Даже / я огород сажил / там на / го(во)рят / шо китайцы там жили // Там и камни / всё / вот / ну вот //
- *То есть остались?*
- Остатки / да / да //
- *Мать не говорила, они, если жили, не в самой деревне, а вот рядом с деревней, да? Или в самой деревне?*
- Да видать / и в самой деревне жили всё вот// Мама / ну / мама то / а / суда / вот / на остров этот ходила / здесь же эта / вот // Там / говорит «Лавка была» //
- *Кто был? Лавка?*
- Ну / магазин / это лавка / так оне называли //
- *Там китайцы торговали?*
- Да // Вот она / вот оне же / говорит / в один магазин ходишь / то и ходи // Не любят / штоб бегала взад вперёд // Понятно // Оне и в долг дают / и всё // Токи шоб его брали // А / правда / го(во)рит / вот / конфет / всё это / ты с пацаном придёшь / они всё равно угостят / пацана конфетами / всё / вот //
- *А чем они там, продуктами торговали? Или ещё?*
- Ну / видать / да // Ну / ну / ну / ну / ну //
- *А мама не говорила, разговаривали-то они как? Они по-русски говорили?*
- Ну / ну оне / маненько лопотали / А «Елена-бабушка» / так / вот / маму называли // Ну / ну //
- *А так вот китайцы / мама не рассказывала, китайцы не ходили здесь? Не лечили?*
- Не / она не / про это она ничё не рассказывала //
- *А не помните, может быть говорили, о том, что вот кто-то уходил туда и там оставался, когда граница закрылась? Наши русские туда уходили? И когда граница закрылась, там может быть кто-то остался? Не рассказывали об этом?*
- Не / я не слышал / но када граница закрылас / вот я / знаю / что / во время войны / к этим / ходили / наши //
- *К китайцам?*

– Нет // На заставе кто служил / оне туда ходили вот // <...>
– Они ходили с заставы получается туда?
– С заставы ходили // Да / туда // Даже / ну / связь же / родня // Родня всё вот / специально // Николай Филин туда ходил // Ой // Тоже умер он уже // Всё // Он / оне ходили там / ну / как разведка / в разведку / как вот / во время войны / даже / ходили туда //

– Ну, интересно, да. А ещё вот говорят, что китайцы такие наркоманы были? Опиум курили? Что-нибудь рассказывала мама? Ничего не говорила?

– Нет / это она не говорила ничё //

– А она вообще как о них отзывалась? Плохо или так вот просто?

– Скорее так вот просто // Да и всё //

– То есть нейтрально так, да?

– Да / да / да // Ну / ну //

– А слово «фанза» говорили в селе? Слово «фанза»?

– Говори-или //

– А что называли «фанзой»?

– Ну / фанза // Штоб от / как чумы / ето / (у) якутоў видела? По телевизору // Вот / как чум / да и чум этот // Так и фанза //

– Ну, а можно сказать, например: «Не дом у тебя, а фанза?»

– Ну / вот / оне там слепят / да и (в)сё // Как и вот эти / это //

– То есть они здесь в таких домах, да, жили?

– Да / да / да //

– Ну, тут два значения получается. Ну, китайцы, в фанзах жили, получается? И дом не очень хороший фанза получается?

– Да / да // Вот у В. / бригадир у нас / с N / вот // Вот токе / нынче ушёл на пенсию / полностью // Вот // Он тоже тридцать седьмого года // Вот //

– А у него что?

– И он был / вот // Он был / его мо / отец / или кто / ки / китаец был / вот //

– Его отец китаец?

– Обожди // Я чё-то за// Стоп // То не за(болтаю) // А то заболтаю //

– Мгм // Да / да //

– Вот про фанзу вы вспомнили.

– Фанзу я вспомнил / счас / подожди // (вспоминает) Вот у Володи / ну в общем / я знаю / что сама мать его / Володина / убегала оттуда / или она замужем была за китайцем // Понятно вот // Вот она и / вроде и Володю припёрла оттуда вот / ну / убегала в общем //

– То есть была в Китае и вернулась?

– На ки / на конях / как-то она / вроде / убежала // Вот // <...> Уже он / убегала / как она умудрилась // Или она их подпоила / там / или накурилис / она / ну / она убежала оттуда //

3. О гуранах из Чеснокова

– Владимир Филиппович, а, вот разные сёла. Вас как звали? Может дразнили? Жителей Чеснокова? Чесноковцы? Как вас называли? Ну, вот там какие-то соревнования между сёлами, или что? Эти, как мы вчера узнали, святые, там Святая Русь? А вы? Чесноки, чесноковцы? Как вас дразнили?

- Да / просто чесноковские // Гураны / больше / вот // На наше село / обычно / как / и соседние там / и туда вот // Гураны //
- *А почему гураны?*
- А я не знаю // От де вот / вот в Диму даже кричали / вот приедешь: «А / гура-ан» //
- *Так они просто называли так или этот дразнились?*
- Просто / видать / так уже / заведено / что / с Чесноково / больше гураны жили больше //
- *А вообще гураны – это что или кто?*
- Ну / гуран / это / как местный житель / сё / да //
- *То есть коренной, да?*
- Коренной вроде бы / да / ну / ну / ну //
- *Ну, вообще у этого слова есть значения? Дикий козёл, вот? Шапку так называли?*
- Не // Гуранами называли / полностью / а так / нету //
- *А еще кого как называли? А вот приезжих, их как называли?*
- Да и / у их как / их / то кличку дадут / если // Кто чё заслужит / тому так их называли //

КОММЕНТАРИИ

Фонетика

1. В речи информанта под ударением различается 5 гласных фонем: /а/, /о/, /и/, /у/, /э/.
2. На месте этимологического «ять» под ударением произносится гласный [е]: *с обёда, бёлая такая*.
3. Произношение гласных неверхнего подъема после твердых согласных совпадает с литературной нормой.
4. После мягких согласных гласные в первом предударном слоге произносятся по модели иканья: *в'изёт, с'имьй, корóт'инька*.
5. В некоторых словах отмечается удлинение ударных фонем: *за дровá-ами, говорй-или, гурá-ан*.
6. Характерен звонкий взрывной г, однако, в некоторых словоформах встречается фрикативный γ: *бригадиром, верхогляд, белугу, заготовливали, гураны*, но: *оγород, слава боγу*.
7. Фонема /в/ реализуется в позиции перед гласным, между гласными реализуется в звуке [в]: *девятом, на вéлике, ловилось, верхогляд*. Отмечен случай употребления [ў] на конце слова после гласного перед согласным: *якутоў видела*.
8. В речи реализуются две аффрикаты /ч/ и /ц/ в соответствии с произносительной нормой русского литературного языка: *с Чесноково, обычно, чесноковские, за китайцем, чум, специально*.
9. Отмечаются случаи утраты /j/ в интервокальной позиции у прилагательных, местоимений, глаголов 3 л. ед. ч.: *така рыба, коротенька такая, приземиста, яма обычна, отмечают икру, думат*, – наряду с сохранением /j/: *она вкусная, прибывает, толстая, большая*.
10. Наряду с литературными *што, штоб* произносятся: *чё, шо, шоб*.
11. Отмечаются случаи употребления «усеченных» форм: *ииисят, када, щас, токо, тада, ничё, счас*.

12. Перед притяжательным местоимением *их* не происходит вставки согласного *н* после предлога *у*: *у их*.

13. Слово *где* реализуется как *де*: *де сам наловлю, де-то яма, или де, де глубже*.

14. Отмечается употребление твердого и мягкого варианта *щ* в слове *ещё*: *ещо был, ещо видел, тада ещё, там ещо была*.

15. Местоимение *кто* реализуется как *хто*: *хто остался, или хто, хто чё заслужит*.

16. Местоимение *всё* может употребляться без начально *в*: *всё равно, сё равно, всё вот*

17. Слово *сюда* реализуется как *суда*: *суда дошла, не туда и не суда, суда вот*.

18. Наблюдается утрата *т* в слове *есть*: *там есь*.

19. Сочетание *сч* реализуется как [шш] и [сч]: *счас, щас*.

Морфология

20. Существительное *камень* употребляется с собирательным значением: *камень оттуда да возили*.

21. Местоимение *они* имеет форму *оне*: *оне туда, оне здесь жили, вот оне же*.

22. Притяжательное местоимение *их* имеет форму *иха*: *щас иха признали*.

23. Глаголы в форме 3 л. ед. и мн. ч. имеют на конце твердый *т*: *говорит, не любят, думат, прибывает, она уходит*.

24. Отмечен единичный случай употребления глагола прошедшего времени множественного числа с *-ы*: *жили раньше*.

25. В возвратных глаголах наряду с литературным *-сь* могут использоваться постфиксы *-с* и *-ся*: *граница закрылас, поймалася, она умудрилас, накурилис*.

Лексика и фразеология

26. На лексическом уровне отмечается большое количество диалектных и диалектно-просторечных слов и фразеологизмов:

Бра́ться – ловиться

Ве́лик – велосипед

Верхогля́д – пресноводная рыба Амурского бассейна с выпуклыми глазами

Гура́н – наименование местных жителей, проживающих в приамурских селах, в частности в селе Чесноково Михайловского района Амурской области

Закиду́ха, закиду́ша, закиду́шка – рыболовная снасть, забрасываемая с берега

За про́волокой – пограничная территория, доступ на которую ограничен

Коса́тка – небольшая пресноводная рыба

Лопота́ть – неразборчиво говорить

Мане́нько – немного

Пле́ть – пресноводная рыба

Рота́н – пресноводная рыба Амурского бассейна

Слепи́ть – соорудить ненадежную конструкцию

С огнём иска́ть – трудно найти

У́лово – яма, заполняемая во время прилива, куда может заплывать рыба

Уперё́ть – увлечь за собой

Фа́нза – китайское жилище

КАЗАЧЬЯ ТЕМА В ДИАЛЕКТНОМ ДИСКУРСЕ

Тема заселения Дальнего Востока является центральной в рассказах-воспоминаниях амурских старожилов. Рассказывали о том, когда, откуда и почему ехали, как долго, какие трудности преодолевали в пути, когда добирались до места: «Когда приехали, тут была тайга непроходимая. Сначала они сюда плыли на плотах. На плотах, домов не было» (З.М. Войлошникова). Современные жители амурских сел – потомки тех, кто переселился из разных регионов России, Украины, Белоруссии.

В этом выпуске все рассказы раздела «Речевые жанры» объединены одной темой – темой казачества.

Первопоселенцами амурского края стали забайкальские казаки, которые в середине XIX в. начали осваивать правую часть Амура: *«Рыба и зверьё, вот, и хорошие земли, у нас земли хорошие»* (З.М. Войлошникова).

Казачество – это целая культура, включающая внешне строго соблюдаемые традиции: *«Вот они бегут, сабля у них, на коне скачут и кричат: «Аллюра три креста!», «Они пели казачьи песни постоянно»* (А.Т. Козырева) и особое видение мира, понимание вещей: *«Душевный народ был, очень душевный!»* (А.М. Черникова). Именно об этом, а также о том, как и где работали, чем примечательны были внешне казаки, говорят наши собеседники: *«в бедноте вот всю дорогу пахал он, вручную всё садили, пахали, сеяли вручную, вот. Держали также коров, там корову, коня, там курей, свиней»* (Г.И. Винс); *«...бабушка рассказывала, сами сеяли они, сами на себя работали, сами раскорчевывали, всё равно тут была тайга»* (З.М. Войлошникова).

«А его видать было, деда...»

Чиглинцева Мария Григорьевна, 1932 г.р.,

Любовь Ивановна – соседка (далее – Л.И.),

с. Сагибово Архаринского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Архипова Н.Г., 2003 г.

Обработала Лагута Н.В., 2014 г.

– А отец у нас был чистый казак, казачий ему.... Ко(г)да за... беляки здесь же были, освобождали, вот...

– Кто, кто были?

– Беляки, вот белые, а҃а, и тятю, отца моего, вот, говорят, ещё один большевик, вот, и его этой, как его, как, Люба?

Л.И.: Плёткой?

– А? Не плёткой!

– Нагайкой?

– Нет... Шашкой вдоль спины порубили его, и в-вот прям такой шрам на всю спину. Ну-у это, его сразу увезли, вот увезли и прооперировали там ещё, как не знаю, где, в Иннокентьевку то(г)да, наверно. Тут больница какая была? Ну, выжил, а шрам так и на всю спину остался.

– *Мария Григорьевна, так говорят, он денщиком у Семёнова был, а Семёнов-то не красный?*

– С-семён...

– *Семёнов – атаман?*

– Он, он вместе с моим отцом казак был, это, он, он в Хабаровске там же, это... Он же потом перешёл к нашим туда. Вот тоже Фёдоров Семён, э-э... отчества-то я вот не знаю как, они переписывались с отцом, они вместе казаками были.

– *Мария Григорьевна, а вот вы говорите «чистый казак», что значит «чистый казак»?*

– А его видать было, деда, он прям такой...

– *А вот какой он, внешне, может, какой-то был такой, стать у него какая-то была или чем-то занимался?*

Л.И.: Вот мне тётка рассказывала: «Он мне нравится, он такой чистый, аккуратно был одет, такой вот всё...». Вот ему скоко лет было?

– Он на фотокарточке в форме казачей там, там, там их казаки, там все казаки, там человек шесть, наверно.

Л.И.: У него выправка такая кареная(?), чувствуется, что человек долго, это самое, был на лошади.

– *Мария Григорьевна, а чем занимался он? Вот дед ваш? Что он делал?*

– Дед? Не знаю, а-а наш отец конюхом здесь был... с конюхами был, за конями, тут конюшня была.

– *У коней было много, почему?*

– Ну, на конях то(г)да работали, ещё машин мало было, дак всё на конях, и с острова сено возили на конях, запрягут на конях, с острова возили зимой, вот.

– *То есть для работы были кони?*

– Для работы, да.

«Что ни казаки, они бедные...»

Винс Галина Ильинична, 1935 г.р.,

с. Сагибово Архаринского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Архипова Н.Г., 2003 г.

Обработала Лагута Н.В., 2014 г.

– Ну, а отец-то у меня казак был.

– *А что делал? Почему казак? Вот чем казак от не казака отличался вообще?*

– Дак он, как, работал, ну, как казачество. Он... у меня отец был он... этот, охотник, рыбак. Он из бедной семьи был, из бедных, кто так не мог, всем помогал.

– *А что здесь они на Амуре-то делали? Границу охраняли или просто жили?*

- Просто жили они.
- *Просто жили.*
- А отец мой, дак он у меня вообще... нарушителей ловил, этих, шпионов!
- *А вот этих, на границе, да?*
- Да.
- *То есть все-таки охранял границу? Да?*
- Охранял.
- *А что здесь было? Застава была или что?*
- Раньше не было заставы, а сейчас, это, как его, ну, нанимали...
- *Служивых, да?*
- Служивых... <...>
- *А вот что родители говорили, о своей жизни рассказывали же, наверное, как они жили?*
- Ну, мой отец, он рассказывал, в бедноте вот всю дорогу пахал он, вручную всё садили, пахали, сеяли вручную, вот. Держали также коров, там корову, коня, там курей, свиней. Кулаки так правда были, грит, те зажиточные, свои магазины были, вот.
- *А они откуда здесь появились, кулаки?*
- А это уж я не знаю. Приезжие.
- *А кто сюда ещё приезжал?*
- Куда?
- *Ну вот сюда, на Дальний Восток?*
- Отовсюду приезжали.
- *А откуда?*
- И с Воронежа, и с Брянска, и с Калуги приезжали, отовсюду приезжали.
- *А казаки бедные были? Казаки бедные или богатые?*
- Вот именно, что если бы были боуаты! Дак, они, наоборот, что ни казаки, они бедные, и за бедных они горой стояли, вот, например, вы... я – охотник, а вы не охотник, вы и рады, а... у вас силы нет, возможности там достать мяса или там что-нибудь. А они, вот я, например, поеду там убью я, делюся всё.
- *Продаёте или делитесь?*
- Нет, делюся!
- *Просто?*
- Нет.
- *А они вам что дают? Что-нибудь дают бедные или нет?*
- Дак, я бедный, и он бедный!
- *А, всё ясно!*
- *Бедные делятся, да?*
- Да, да, да, да, чё он даст мне?! У меня нет, и у него нету?!
- *А богатые казаки были?*
- А богатые казаки, те были. Но те плётками жучили бедняков...<...>
- *Галина Ильинична, вот мы знаем, что казаки пили особенный чай - сливан.*
- Пили.

– А что это за чай? Расскажите, как его заваривали, почему вот такой он по вкусу, этот чай, какого цвета он?

– Ну как заваривали сливан?! Делали этот чай зав... чай, обыкновенный чай.

– Крепкий?

– Ну, по вкусу, который крепкий любит, который э-э... вот у меня мама, она заваривала чай, она заварит чай, потом бе..., вот если молоком забелит всё, а она всегда делает забелу, делала...

– Забелу?

– Забелу... ещё разобьёт, сливок на сепараторе перегонит, вот, ложки две масла...

– Сливочного?

– Сливочного то́плиного, вот всё, она перебьёт вот и минуты на две на огонь поставит, вот она как маленько как яичница делается...

– Сворачивается?

– Сворачивается, потом чай забелишь, за уши не это...

– А сахар туда или что ещё не добавляли? Не солили?

– Этот... в забелу нет, а в чай кто по вкусу, кто сахару добавит, кто с солью. Ну, у нас моя тётка, мамина сестра, она с солью пила, вот.

«И аллюра три креста!»

Козырева Александра (Галина) Трофимовна, 1938 г.р.,

с. Поярково Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.

Обработала Н.В. Лагута, 2014 г.

– Ну, а казаки... видите... вот я говорю, второй сын у меня, я говорю: «Тебе шашку в руки, и на коня! И аллюра три креста!» Точно!

– Как-как вы сказали?

– «Аллюра три креста!» есть. Вот... Это казачье выражение, казачье выражение. Я вот вышла замуж в казачье... казачье сословие, вот. Я три с половиной года со свёкром, со свекровью прожила. Двоим... там деток... там домик маленький, я двоих деточек там родила. А дочу я уже там родила, уже там дальше мы жили, туда дальше мы жили. Там тоже тридцать шесть квадратов. <...>

– А вот ещё казачьи выражения, какие вот вы знаете? А вот можно ещё раз, я, может быть, недопоняла, как? Три-два аллюра, три креста?

– Аллюра три креста!

– Ну, аллюра, это вот лошадь так вот скачет, да?

– Да. Три креста. Вот они бегут, сабля у них, они на коне скачут и кричат: «Аллюра три креста!». Это у них такое выражение. Ну, вот как?! У них, вот, допустим, застолье, вот у нас был порядок такой: вот даже мы отдельно отошли от них, праздник, особенно на День победы, вот, мы собирались у них за столом, хотя мы уже жили отдельно, да. Вот. И вот у них выражение такое было: «Парика-зараза». Это у них ласковое выражение! Они сидят: «Ну, чё ты, давай выпьем, парика-зараза!» Теперь, вот у нас пригонщик у скота, а у них – ворúшка!

- Ворушка?
- Ворушка.
- Во- или ва-?
- ВОрушка. Или ВА-?! Я знаю только, что они говорили: «Варушка!»
- Они не объясняли, почему так? То есть пригонщик, пригонщик, тот который коров пригоняет?
- Коров, да. Ну это казачье выражение «ворушка». Потом, что-то какое, вот забываю всё, как подпол... Твори́ло! Подпол назывался твори́ло!
- Где-то я встречала...
- Ну и всё... Они пели казачьи песни постоянно.

«Наши отцы – забайкальские казаки были»

*Войлошникова Зоя Михайловна, 1936 г.р.,
с. Чесноково Михайловского р-на Амурской обл.
Беседовали Лагута Н.В, Старыгина Г.М., 2013 г.
Обработала Лагута Н.В., 2014 г.*

- А наши предки все с Забайкалья. Вы же знаете историю, например, вот Хабаров, это, Поярков, Чесноков, у нас в честь Чеснокова же назвали Чесноково. Вот уже было сто пийсят лет нашей Чеснокове. Вот в этом году, наверно, четвертого августа или какого, не знаю. Да-да, мои. Мы здешние, мы здешние, да, мы с Забайкалья все. Наши отцы – забайкальские ка-за́ки были, дедушки все.
- Ну вот расскажите, Зоя Михайловна, подробнее, как вашу бабушку звали, маму, вот, дедов своих, как казаки жили? Вот что вам известно об этом?
- Бабушку... бабушку мою звали Коякова Соломонида Петровна.
- Ух ты, как красиво!
- Да, бабушку.
- Соломонида, да?
- Так вы такие, видите, мы скажем: «Бабушка, как тебя дедушка звал?» – «А дедушка меня звал Соломка, когда, ну ласково, вот»!
- Зоя Михайловна, расскажите про бабушку, дедушку, да, вот вы сказали, они казака-ми были, да?
- Вот что вам известно? Как жили казаки? Какие традиции были? Вспомните, может, вы сами, потому что нам интересно вот именно история рода казачьего. <...>
- Ну, какие традиции? Ну, какие? Ну, какие традиции? Какие вот? Как вам... што вам рассказать? Ну, например, па-аску, вот, или как? Што?
- Вот бабушка с дедушкой, вот они как жили? Как они готовили? Как детей воспитывали? Где они там жили?
- А, когда приехали, приехали, тут была тайга, тут была тайга непроходимая. Сначала они, сюда они плыли на плотях. На плотях они сюда плыли.<...> На плотях, домов не было.
- (сын): Наш старый дом, который на берегу стоял Амура, там щас зод стоит с атаманско-во эта, вот эти дома собирали, они прям на плоты шли, и дома, ну, то бишь здесь леса не было, дома стояли, вот...

– Наоборот, сыночка, тут был лес.

– (сын): Не, таково не было.

– А на строительство?

– (сын): Вот видите, вот здесь на углу дом стоит, вон там...

– А вот у нас дом стоит, один-единственный остался. Не, щас это я.

– (сын): А щас Безнагорычные (?) вот здесь живут, вон на том углу, вот это один из тех старых казацких домов остался.

– Не, ну наши дома...

– *Прямо вот еще с самого начала который?*

– (сын): Да, вот который он один остался

– Нет, сына, ты говоришь, наши-то дома старые, када наших отцов-то позабирали, они же кого раскулачивали, их же все равно увозили в Пояркову, в Коршуновку. Такие рубленные, большие дома были.

– (сын): Дома? Да, разбирали, увозили.

– Да, да, ага.

– (сын): В один день в три(д)цать седьмом году нашего деда, отцова отца, и его пять братьев сразу.

– Да, да, сразу всех позабрали, да.

– Ну, и вот они на плотях же приплыли, на плотях, и землянки рыли, здесь жили они в землянках, а потом, вот, дома строили. На тех, как сына если говорит, на тех плотях, которых плыли, наверно, и ставили дома. Это же я вообще ж не помню. Ну, бабушка рассказывала, сами сеяли они, сами на себя работали, сами раскорчевывали, всё равно тут была тайга. И они сами раскорчевывали, ну вот сами эти выкапывали, копали лопатами, сажали, всё сами сажали себе. Сами этим и питались, этим и питались, вот. Ну, как потом они, кто побогаче, как говорится, сам трудился. Оно и сейчас же так: кто трудится, вот если мы всю жизнь протрудились, насорудили(?) и живем ничё. А есть же люди вот, сейчас даже вот, наши вот родственники, например, ну, мы же все, считай, родственники. Федосеевы там, Войлошниковы, Кайдаловичи там. Раз мы все приехали, один за одним еха... плыли же, и вот, и есть такие лодыри, што отцы – лодыри, и йихи умерли отцы, матеря – лодыри, и сейчас такие есть, сколько угодно! А мы трудились и так детей воспитали, вот!

И вот они сами, сами коров держали и скотиночку держали, чуть маленечко обзавелись в каком году? Я уже забыла... В каком году раскулачивали? Наверное, начали раскулачивать, наверно, в три(д)цатых уже годах, раскулачивали, как бы забирали дома, всё, скотину, ну и сгоняли, как бы действит(ель)но, нас как в колхо-озы, ну вот, и у нас папка был бригадиром в колхозе, это вот мой папа. Он бригадиром был в колхозе и вот ко(г)да эта ыжовщина началась, ко(г)да это стали забирать, вы ж должны знать историю? У нас, у нас три книги есть, вот, э-э забирали отцов, за што их забирали? А ни за што, они просто пострадали! Вот это, наверно, в Благовещенске уже, наверно, пятая книга выходит. Журавлев.

Может, помните, знаете? Wo-от. У меня три книги, мне достала невес(т)ка, и-и и вот они, они всё сами делали, всё-всё сами делали, всё-всё-всё сами, и трудились. У нас столько было рыбы! Вот говорят: рыбу ловили подолами женщины! Во столько было рыбы у нас! Вот питались рыбой, зверьём, у нас тут чё, всё велось! Жили сами. Жили как? Выживали.

Ну, выживали. Кто хотел, тот выживал. И щас же также живем: хто хочет, тот выживет, кто не хочет... Вот спиваются, ведь деревни спиваются! Вот такие дела...

– Почему приехали вот из Забайкалья? Почему сюда приезжали?

– Почему переезжали? А потому што сначала же... сначала же... это...этот, как вот, вот, Невельской, нет, вот сначала же в Благовещенске от как называется? Я уже забыла. Благовещенский-то сначала... Афа..ой не Афа..ой как же...

– Иннокентий?

– Да, атаман-то ж, они ж...

– А, атаман, ага.

– Да, они же сначала, ну, сначала наши земли, они же богатые земли были, по Амуру земли, они же были незаселенные. Тут же до нас, до нас, да, пока мы приехали, тут же жили манжуры, манжуры же тут жили. Еще даже у нас, даже у нас есь, например, наше кладбище и кор... и корейцы тут жили даже. У нас есть корейское кладбище, вот наше кладбище, например, хоронили это нас, ну, наших хоронили на нашем кладбище, а корейцы жили, йих хоронили через там дорогу кладбище. У нас было, и корейское кладбище было, йих отдельно хоронили, да.

«Их называли гураны»

Войлошников Адлер Васильевич, 1935 г.р.,

Войлошникова Зоя Михайловна, 1936 г.р.,

с. Чесноково Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовали Лагута Н.В., Старыгина Г.М., 2013 г.

Обработала Лагута Н.В., 2014 г.

– А вот бабушка, изначально она откуда была? Она тоже из Забайкалья?

З.М.: Все с Забайкалья, все с Забайкалья.

– Ну все русские по национальности?

З.М.: Все русские, да, все русские, все с Забайкалья. И на... мы – забайкальские казаки. И когда вот это, была гражданская война, значить, вот Красноорловка, были за красных, а вот, наверно, наши казáки, наверно, были за белых, я точно не скажу, вот надо в книгах, надо вот... Знаю, што это, у нас названия Красный Восток, Красноорловка, это же тоже названия были по... по этим, по-по казакам.

– А вот вы помните, бабушка, дедушка, может быть, как-то вот, одежда, што-то, какие-то казачьи вот такие вот были, там, может, кофта какая-нибудь?

З.М.: Не, оно не сохранилось, маюшечка, а как они одевались, конечно, йих называли гураны, они вот били козлов.

– А кто такие гураны?

З.М.: Ну. Вот гураны тут же много было э-этих, козлов, вот, они шили одежду, они же сами всё делали, сами эту шкуру выделывали и вот шили шапки, шубы, унты-ы шили. Нет, у нас не осталось ничего у нас, то, што это ж давно было, это давно было, это считай, э-э... бабабушкина же мама приехала, это уж когда, бабушка совсем маленькая была. Не, у нас ничего не осталось.

– Зоя Михайловна, а вот забайкальские казаки и гураны, они вот чем еще отличались кроме шапок вот этих вот, шкур? Вот чем-то отличались они внешне?

З.М.: Ну внешне, внешне как, э-э... отличались, я как, я не могу сказать, как они отличались, ну, они носили все вот шкуры эти вот, шкуры носили. Вот, как говорят, ну, нас прозвали, как бы гураны, потому што всё носили всё с этово с гура... с козла, это по козлу потому што...

– Гуран это козел, да?

З.М.: Да-да-да, вот почему, это как хохлы называют, помните, как эти, ну, украинцы, у них же, они хохолки тоже же носили, йих прозвали. Эти – гураны и-и... как, ой, да-а Тарас Бульба же был или как, ну ран... тоже там у них свои были казѧки, а у нас тут свои казаки. Донские казаки, это же вы должны историю-то вообще знать, нуу, больше...

– Запорожские?

З.М.: Да запорожские, вот-вот. У них же, они носили как, во тут хохолок, а у нас вот что, у нас унты назывались, ну унты. Нет, унты называют до сих пор якуты, унты у них, якуты, якутяночки, а у нас называли... как же йих, не унты, а-а...

– Ичиги?

З.М.: Да-да, вот моя, видишь, знаешь! Ичиги. Ичиги называли.

– А как правильно *ичиги* или *ичѧги*?

З.М.: Ичиги.

– Ичиги? Это вот что такое? Это обувь да?

З.М.: Это обувь, да, ичиги вот.

– Из дикого козла?

З.М.: Конечно, но только, например, эти делали на зиму, делали такие тѧплыя, ну, как бы с эта... с подошвой, а это просто, вот как унтики, или вот ичиги назывались. И вот нам шила мама. Вообще они были с тоненького такого вот. Ну, вот щас же в Якутии-то там все, вот это вот, мой племянник, он тоже там, тоже там Коми-то... они же тоже там, у них своя, это... всё своя одежда, вот, они вот присылали нам разукрашены такие унтики, всё, отправляли нам. Так што-о, как, мы мало помним, потому што они рано поумирали, наши эти бабушки, так што мы совсем были маленькие.

– Вы тоже приехали сюда?

З.М.: Ну тоже с Забайкалья, тоже с Забайкалья, коне-ешно. Тоже с Забайкалья они (*про мужа*). Он ничѧ вообще не помнит. У него память, он вот, я скажу: «Дедушка надо идти рвать жимолос(т)ь», а он грит: «А где она? Какая она?». Вот уже малинка, вот малиночка, ее видно, всё ему скажешь, а он, ну вот пойдет, а работать будет он, скоро пойдем в огороде полоть, я не вижу полоть, а он будет целый день поло-оть, и будет, у него есь сила, а памяти у него нету.

А.В.: А мой папочка.

– Ой, да папа в форме прямо, да? Папа казак?

З.М.: Он казак да, во забайкальский казаки, они служили по двена(д)цать лет, по пятна(д)цать.<...>

– Адлер Васильевич, а как отца звали?

А.В.: Василий Романыч Войлошников.

– Адлер Васильевич, что помните об отце? Что-нибудь помните?

А.В.: Ничего я не вспомню.

З.М.: Три года было.

А.В.: Освободили, вот уже, когда вот прошла эта, он десять лет, ну, отбывал, это, на... вот его забрали в Поярково, он почти возил. За Поярково так вот, во там и арестовали, вот, когда вот это пошло, вот, арестовали значить и-и... на десять лет без переписи.

– А почему, ну я вот уже спрашивала Зою Михайловну, вот почему сюда ехали казаки забайкальские? Что вот, земля привлекала?

З.М.: Земля, земля да.

А.В.: Они вот были, но они рассказывали, вот они ехали, сами паромчики делали, кто чё.

З.М.: Я уже рассказала, рыба и зверьё, вот, и хорошие земли, у нас земли хорошие.

А.В.: Да, там допустим, в одном месте становились, а в этом нет, давай ещё... И вот доплыли сюда значит...

З.М.: Сначала... В первую очередь Благовещенск. Как же острог-то назывался?

– Усть-Зейский острог, да? Усть-Зейский острог?

З.М.: Да-да, вот, потом они по Амуру сюда-сюда, как говорится, вверх шли и шли, и вот и...

А.В.: Уже со своим матерьялом, вот, дома строить, все вот здесь подэтали значить. Вот здесь у них получилось, так там, там вот всё, вроде спрятано всё, вот сделано, вот, и вот они здесь приэтали и давай строить, и пошло, во так от. А оне потом-то вот пострадали больше всех, вот, за вот эти, которые уже после понаехали, и они тоже с запада там, какие откуда то, украинцы тоже, белорусы, разные во там, даже евреев много было. Евреи, вот, все говорили даже и не мешали, как, как бы хорошо это занимались, чем надо вот, а вот эти нашинские... то вот которые... и вот давай, наших братцев старших. Когда меня это... ой, отца забрали вот, мне три года было, вот. Но я и то вот, всё равно вот, не помню вот. Потом это, на лошадях, это, возили почти. И вот мать говорит, от это, пахать там или это, ну, такое это пахал, как, по-другому все было, вот, он гов(о)рит, тебя посадю на лошадь, а сам идет, это, её или просто, вот, по вот этой вот, там борозка, вот по этой рули там. Вот и это говорит, так сеют, а потом вишь, бах и всё, а нас – враги народа! Но-о сделали это, вот исключительно, я гов(о)рю по-настоящему. Пришли к нам, у людей всё вот эти фотокарточки всё вот, это всё, и корм и всё, чё вот было, всё вот бросали, топтали там всё, во таки горы. Как говорится, делали с добра. У нас вот они пришли, мать рассказывает, всё, четверо видать тоже, вот, ну, давайте то-то, чё спросят там у матери, чё попросят. Ну, мать всё открыто, всё им вот, ну щас тоже, они все посмотрели все склали, всё, можно забирать, ни одной вещычки, как говорится, ни иконочек, ни это, ни чё! Хотя вот старший братик у нас был, вот тоже такой, схватил уже с иконы одну раму и попер, бубу-ух это бросает, бубу-ух, ну, мы подметали, собрали их.

З.М.: Фамилия Войлошникова произошло от слова вой на лошади, и вот йих и предки дедушкины даже служили у Суво-орова! Вот еще когда, история большая-большая, история йиха, ну а это, это вот Ксюша, это всё Ксюшечка смотрела, где там она узнавала, вот это значит Войлошниковы – вой на лошади. А Коякова, она еще не знаю, вот такие дела. Нет-нет, сиди моя золотая, сиди.

– Адлер Васильич, а вот мама у вас кто? Тоже казачка? Или украинка?

З.М.: Конечно. Нет-нет, нет-нет, мы все, мы все казаки.

– А как зовут маму?

А.В.: Татьяна Александровна.

– Расскажите про маму, что помните?

З.М.: Мама, мама у нас... Вообще умница. Мама у него, как он меня дедушка привел... Щас я вам расскажу. Мы были в клубе, танцевали, раньше же не было такой... Гармо-ошка, мы танцевали, танцевали, а он был первый парень, значить, на селе, хожий и подраться там, ну и выпить малени... маленечко. Ну и моя мама говорит: «Я Зойку, я Зойку не отдам!». А как же не отдам, если он за мной...! Я еще в четвертом классе училась, он за мной всё бегал, все мне писульки писал! Мы все поэты, все это, ну и вот, и мы в клубе потанцевали, потанцевали, я убежала домой, убежала. А мы, у нас была большая семья, а домик маленький, вот, три брата, три сестры и уже старший брат женился. Вот щас стоял, вот Сашечка, вот его папа женился уже, значить, уже-е, ну, Саши-то ещё не было, и другой брат женатый, и вот мы. Мы летом спали на печке русской поперек, ну и это, а зимой, ой, а летом спали вон, на вышке, уже негде было спать. Бабушка была, а домик был маленький, мы на печ... на русской печке, это зимой, летом на вышке и вот. А тут во, как раньше, печки русские стояли, значить, с этой стороны была лавочка, оттуда лавочка. И вот мама там спала, бабушка тут, а мы на печке. Вот, а летом раздолье. А у него-то не было, его постарше, его... Я ж вам рассказывала, его мама родила в сорок сем(ь) лет, и вот, и он один был, ну, думаю, чё же, мама не отдает, а он меня с клуба увел, и вот так вот до сих пор, увел и вот, живем.

– В свой дом увел.

З.М.: Конечно, в свой дом. А утром вот эта сестричка, которая у меня щас надвое осталась... Ирочка, которая с три(д)цать восьмого, мама моя говорит, а вот гураны, вишь, как разговарят: «Де-евка-а! Ты сходи-ка на Амур-та, а-то Алек-то увёл Зою, надо там она или нет, а-то, можа, где-то нету же её, о так от!» Вот мы остались, какая свадьба, никакая свадьба, не было свадьбы! Вот, потом поженились, значить, шестого-седьмого вот, а регистрация у нас... пошли регистрироваться где-то двадцать первого июля. <...>

А.В.: А у меня мать, я говорил, вот она была...

З.М.: Вот настоящая гуранка! Забайкальская, метр восемсят ростом и прямая была такая.

А.В.: ...была, да, у ней вот в организ(ь)ме вот своё, и вот это, она, свинья заболела там, кор-рова, ло-ошадь, она всё-ё, вот всё, как де надо пошатала там, чё же это всё, погладила, и там всё, и вот...

З.М.: И вот она лечила.

А.В.: Один раз это, кто он, я уж забыл, пришел да потом...

З.М.: Племянник, Сергей Алексеич.

А.В.: Вот, так...

З.М.: Был ярый коммунист, коммунист такой, он не верил, што вот шатанию этому.

А.В.: Потом приходит, ну от...

З.М.: Заболели зубы... зубы заболели, дед, дай я быстро расскажу. Зубы заболели у него.

– Ну пусть, пусть Адлер Васильич, пусть расскажет.

А.В.: Ну вот, а она это, сядь вот здесь, сама она картошку копала.

З.М.: А ему надо было идти на собрание партийное

А.В.: Вот, а ему да, партийно собран(и)е, вот это, вот так и так, - щас-щас-щас, посиди, вот, немного посидел, она посадила его, там это, ага, опять же свои вот чё у ней вот в орган-низме такое, она там...

З.М.: Ну она молитвой, она молитвой вылечивала.

А.В.: Да-да, она молитвой пошাপта-ала, поэтала, еще посиди, сядь вот здесь. Вот он это сел, второй раз, вот тока это сделала, куды чё дела та, он соскочил, и она еще его это, оста-навливала. Он спасибо там, это, и бего-ом, бего-ом эта, прибежал туда и всё вот, куда чё де-лося, говорит, я теперь эта, што там вот эта, вот это не в-верю, вот человек. Ра-аз и всё! И, как говорится, вылечила и всё! Вот свое чё-то передает, вот так вот!

«А вон там вот стан был ихний...»

Черникова Александра Матвеевна, 1930 г.р.,

с. Константиновка Константиновского р-на Амурской обл.

Беседовала Оглезнева Е.А., 2013 г.

Обработала Лагута Н.В., 2014 г.

— Я знаю, что вы из казаков.

— Да.

— Расскажите про своего отца, про маму.

— Тогда армия... казаки были. Оне рыбу ловили в Филиновском озере.

— Каком озере?

— В Филиновском. Это наша фамилия. Отец мой.

— Отец ваш Филинов был, да? А звали его как?

— Матвей.

— А отчество?

— Васильевич.

— А он родился здесь или приехал?

— Нет, оне приехали, оне больше года ехали. С Забайкалья.

— С Забайкалья.

— Больше года, потому что оне на лошадях. Всё надо, и самим питание, и лошадям надо питание. Они больше года шли. А кто-то у них... Вот кто именно, я не знаю. Сюда первый приехал и он их ждал. Вот сколь... Он может быть и на чём-то приехал.

— И он прям вот сюда, в Константиновку...

— Да, он приехал в Константиновку. А вот там вот, с той стороны начинается, стан был ихний, называлась улица Стáнок потом. А щас уже переименовали её. А всё поля были вот за Финским (?) озером, вот за речкой туда.

— Ну вот, он приехал сюда, он с семьёй приехал? С женой или с родителями?

— Отец мой? Со своими родителями.

— Это примерно какой год?

— Это где-то... Я здесь родилась уже, в тридцатом, ага. Оне, это, раньше приехали. Вот когда они прие...

– Ну это до революции или уже после? Наверное, до?

– Наверно, до. А потом-то (нрзбр) Я когда маленькая была, а помню, как жили. Дом был здоровый-здоровый, заборов не было почему-то. А пять семей было, вот их, с отцом-то. А так ещё бабушка была с дедом. Я ма-аленькая была, но помню. А у нас спали, полаты были под потолком, мы там спали подростки. А совсем маленькие на русской печке спали с бабушкой. Вот как было. А-а... пять семей же, а не было заборов же, вот как щас, а ширмы были, вот даже помню ширмы как висели, зайдёшь – не поймешь ничё.

– А вот с мамой он получается здесь уже познакомился? С вашей мамой?

– Отец приехал со своими родителями, а тут познакомился.

– А мама? Она была...

– Мама здешняя. Оне с это... Иннокентьевка. Оне приезжали...

– Ну, тоже получается из казаков? Мама? Или нет?

– Нет, не знаю. Може, из казаков. Я помню, меня дед звал, мамин не отец, а дед: «молодая казачка». «Иди сюда, молода казачка!» Мне, наверно, лет пять было, помню хорошо. Казакам так звали. А потом вот это раскула-ачили чё-то, сильно боуа-аты стали они.

– Ну, богаты, что именно, что у них было?

– А чё было?! Зерно было! Оне сеяли, веяли, всё сами обрабатывали. Оне это... у них было вроде как мельница или чё-т такое, наподобие, они сами муку мололи. И вот у них был амбар, вот так перегородка, вот здесь мука насыпана, вот здесь зерно, вот здесь – на семена. Оне небольшие были, потому что семья, им для себя хватало, может маленько продавали. А потом, когда раскулачили их, прикрыли, отец работал уже... пилили уже доски. Один вверху стоит, один – внизу, эстакада вот там, пилили. Чик-чик и готово! А так они жили.... А у них ещё дед был. Это чё-то стариков, вот был, ему около девяноста. В церкви дьяконом был, как он плакал, когда церкву разбомбили! Щас на том месте ставят!

– Сейчас нет в селе церкви, да?

– Е-есть, есть, у нас храм.

– Говорите, ставят, это ещё, да?

– Да, вот у нас старая была. Её разбомбили, и вот там оставалось... там несколько колоколов было, оставалось два колокола. Пинали, пинали их, не могли сбить вот эти два колокола. Там сделали школу, в этом здании. Вот. Я училась там. А потом у этих мужиков, которые пинали-то, ноги как начали гнить! У обоих! А колокола потом уже сняли, с прибором, с каким-то.

– А вот расскажите, отец, он какой вот был? Вот внешне?

– Его как-то все уважали. Охотничал он и на рыбалку способный был. И рыбу он много ловил на Филёвском озере, а теперь чё, всё заросло, никто не чистит, никому ничё не надо..

– Ну а внешне какой он был, высокий?

– Он высокий был, здоро-овый.

– С усами?

– Он, когда уходил на фронт, без... Но здоровый был, крепкий. Вообще, оне все крепкие. <...>

– А в семье сколько, вот, у него братьев было?

– Пять. Пять братьев у него было и одна сестра. Ну, сестра, она уехала с этого, отсюда. Куда-то... а, она вышла замуж за кого-то и уехала, её давно тоже (нрзб.), а мужики только

двое с фронта вернулись, один с одной рукой, тоже уже умер, а один, по-моему, тоже чё-то сильно калека был, тоже умер вскорости. А так вот потомство есть. <...>

— *А вот раскулачивали как?*

— Оне тут как раскулачивали, я сама не знаю, я даже не скажу, я совсем маленькая была. И это... Я знаю, что вот даже отец плакал. А чё эт?! Столько труда! А дело было, вроде как тепло было, или весной, или уж летом ли? Не знаю. В общем, у них вот это вот забрали всё, зерно да чё, чё у них там было! Забра-али!

— *Ну, скотину, наверно, увели?*

— Скотину, не знаю, не скажу. Корова? Корова осталась. Пять коров было у них. Я помню, что пять было. Пять женщин было, они доили. Вот сёдня одна доит всех, а те — кака-то готовит, кака-то метёт, детям стирает, а те все на полях.

— *Это невестки?*

— Невестки, невестки.

— *То есть, как получается? Мама в дом ушла к мужу?*

— Да.

— *И вот, они уже большой семьёй жили?*

— Да.

— *А маму как звали?*

— Варвара Романовна.

— *Красивое имя. <...>*

— *Ну а мама, вот как они с отцом жили, как они друг с другом обходились?*

— Хорошо жили, хорошо обращались. Никогда скандалов не было. Ты знаешь, как-то не пили вот ничё. <...>

— *Ну а вот, смотрите, Александра Матвеевна, вот дом, выходили замуж, в дом мужа приходили, сколько комнат в доме было? Какой дом был?*

— Я выходила замуж уже...

— *Нет, вот мама ваша?*

— А мама?! Ну вот, их было пятеро. Пять женщин, пять мужчин и сколько детей было, я уж не помню. Уже много детей было, подростков. Подростки уж это ходили, помогали.

— *Ну и мать с отцом, там, свёкр со свекровью?*

— Все-все, да. А вот это... бабушка была, она командир была у их (*смеётся*). Она оставалась с детьми, одна оставалась, а детей много, если вот там уборка была, там, покос или там зерно убирали мужики. Всё ж вручную почти делалось. Душевный народ был, очень душевный! И вот их пятеро братьев, оне дружны-предружны были. Почти все погибли.

— *А вот как так их воспитывали, что они такие вот были, вот как?!*

— И сказать-то, что очень сурово, не могу! Нет. И вот как-то оне совещались, вот я помню, кому купить ботинки (*смеётся*) Это вот оне беседовали, а я слышу, а҃а, денег, видно, не хватало же, конечно, семья... оптом(?) живут, конечно, самым старшим, которы побольше, пойдут в школу, тем, значит, купить, а эти подождут(ь) маленько (*смеётся*).

— *Ну, как-то шутили, наверно?*

— Шутили! Играли! Вот играли, в лапту играли все, вот женщины выходили, мужики! В праздник или выходной там, все играли в лапту!

- *Не только дети, да?*
- Не только дети! Дети себе играли, а взрослые себе играли.
- *А ещё как развлекались? Вот в лапту играли...*
- В лапту играли, аҕа. Ну, отмечали всегда... у кого горе како случилось, вся там улица, вся. Помогали. Это когда уже не стало ничего... Помогали вот кто кого хоронит, тоже ж ничё не хватало, всё ж нанять надо. А коней мы всорости продали <...>
- *А вот одевались как? Женщины?*
- Женщины, всегда в фартуках были, всегда! Дома вот такой фартук, а вот уже куда-то идёт в гости или в магазин или чё, обязательно вот тут у них кружева у них.
- *На фартуке?*
- На фартуке, аҕа. И фартук может вот так вот одеваться и просто, коротенький такой. Всегда чистенький!
- *А юбки, какие вот?*
- Юбки были длинные! Не совсем длинные, ну такие вот... это.
- *Широкие?*
- Всякие. И широкие были.
- *А называлась она как? Сборики? Да, наверно?*
- И сборики были. И без сбориков были юбки. Оне вроде как воланчик маленько.
- *Как-как?*
- Как воланчик.

В настоящем выпуске продолжается публикация материалов для Словаря амурских говоров по итогам диалектологических экспедиций 2000 – 2014 гг. преподавателей и студентов АмГУ в села Амурской области. В разделе представлены лексикографические материалы на букву «О» (ОТ-ОШ). Многие диалектные лексемы и их варианты фиксируются впервые.

Принципы подачи материала, списки принятых сокращений представлены в фольклорно-диалектологических альманахах «Слово» (вып. 2, 2005 г., и вып. 5, 2007 г.).

СЛОВАРЬ АМУРСКИХ ГОВОРОВ

ОТ-ОШ

ОТБАТРА́ЧИТЬ, -у, -ишь; сов. Отработать, отслужить, отбыть долгое время где-нибудь, занимаясь чем-нибудь тяжёлым, утомительным. *Сорок четыре года отбатрачила в колхозе во время войны* (Разд. Тамб.). || Ср. **ОТБУ́ХАТЬ**, **ОТДУБА́СИТЬ**, **ОТМАСЛЯ́ЧИТЬ**, **ОТТАРАБА́НИТЬ**, **ОТЧИРЯ́КАТЬ**

АС –

ОТБИВА́ТЬ, 1-2 л. не употр.; несов. Бить, проявлять жестокость по отношению к детёнышам (о животных). *Когда уже (курица) стала отбивать их (цыплят), мне пришлось забирать их. Как она клюнула, они отскакивают. Оне сразу убегают от ей* (Урал. Шим.).

АС + (другое значение)

ОТБРА́СЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Отказывать в помощи, заботе, внимании. *У меня был там отец родной. Мама с ним разошлась, мне, наверное, года три было или четыре. В общем, не жила с ним, но он меня вообще-то не отбрасывал, если я приду, покормит, в бане помогут, он меня не отбрасывал, не буду говорить* (Урал. Шим.).

АС –

ОТБРО́ШЕННЫЙ, -ая, -ое. Обделённый заботой, вниманием, лишённый помощи. *Мы сейчас уже отброшенные пенсионеры, никуда не годные, и на нас ноль внимания обращают вообще* (Ин-ка Арх.).

АС –

ОТБУ́ХАТЬ, -ю, -ешь; сов. То же, что **ОТБАТРА́ЧИТЬ**. *Я в бууалтерии работала, сорок лет на счётной работе отбухала* (Великокняз. Бел.). *Пятнадцать часов тяпкой отбухай!* (Великокняз. Бел.). *И говорит: «Не могу даже терпеть этих немцев». Подумайте, вот семь лет отбухать. А мой сейчас муж завоевал мне, что вот дрова и тех не выслали* (Урал. Шим.).

АС +

ОТВО́ДИНЫ, -ин; мн. Боковые продольные брусья саней. *То сани, а то кошева таким коробом сделана. Сани, они как-то раскинулись: отводины эти были там, палки торчали в стороны. А кошева коробом сделана* (Песч. Окт.).

АС + (другое значение)

ОТВЕ́СОЧЕК, -ка; м. Добавка к установленной весовой норме. *Получаем хлеб когда, мы уговорим: «А там отвесочка нету? Хоть отвесочек». А она: «Да вот нету». Ну, она возьмёт, сделает там её, вот та-*

кой отвесочек. Ну, привесочек, привесочек хлеба – добавочка. Это мы ее хоть съели – и всё (Великокняз. Бел.). || Ср. **ПРИВЕСОЧЕК**

АС –

ОТВЕШАТЬ, -ю, -ешь; сов. Взвесить, отделить часть от общего количества. На работу пойдешь – двести грамм хлеба отвешают на весах. Там же на поле и всё пообедаешь, а дома уже так (Н.Андр. Бел.).

АС –

ОТВЕЯННЫЙ, -ая, -ое. Просеянный. Потом высыпается эта отвеянная, чистенькая, а там уже остается сверху, что мусор какой или что там вот (Светил. Бел.).

АС –

ОТВОРОЖИТЬ, -у, -ишь; сов. Отвести ворожбу. Приворожили, и сделано это ему на всё время, нельзя отворожить (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОТГОЛАШИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Громко, с причитаниями плакать, выражать скорбь по поводу чьей-нибудь смерти; оплакивать. Вот мы там жили, дядю здесь хоронили, на этом-то месте дядя помер. А вот у нас Шура-то у нас всех голосила, отголашивает Шура значит (Н.Андр. Бел.).

АС –

ОТДУБАСИТЬ, -шу, -сишь; сов. То же, что **ОТБАТРАЧИТЬ**. Я на свинарнике двенадцать год отдубасила (Ник.-Александр. Окт.). У сына тоже работа такая. Вахта пятнадцать дней отдубасит там (Ин-ка Арх.). Он с армии пришёл, семь лет тут отдубасил вот, и ничего не было. Раньше ж скотину заводит трудно было. Ничего у нас не было, когда поженились (Успен. Бел.).

АС –

ОТДУМАТЬ, -ю, -ешь; сов. Передумать. Дочь обещала приехать, да, наверно, отдумала (Черн. Своб.).

АС –

ОТДУХАТРИТЬ, -ю, -ишь; сов. Причинить боль ударами, побить. Мы поругались с Алёшей, я его отдухатрила. Дала малэхонько, шо синяки на морде появились (Макс. Окт.) || Ср. **ОТЛУПАСИТЬ, ОТШАЛАМАШИТЬ**

АС –

ОТДУХАТЬ, -ю, -ешь; сов. То же, что **ОТБАТРАЧИТЬ**. Сорок лет, наверно, дояркой тока отдухала (Новоив. Своб.).

АС –

ОТДЫХА, -и; ж. Проведение некоторого времени без обычных занятий, привычек; отдых. Мать, говорит, что я в Завитинске не пью, это мой это, ну как, отдыхаю. Я говорю: «Ну, какая же отдыха, когда, говорю, не стал уже есть» (Ин-ка Арх.).

АС –

ОТДЫХИВАТЬСЯ, -юсь, -ешься; несов. Восстанавливать ровное дыхание. Ну, потом, када, правда, задавил это, вот руки опустил, всё занемело-то тут, ага, с полчаса отдыхивался кое-как (Гур. Своб.).

АС –

ОТКЕДА, ОТКУДОВА, ОТКУЛЬ, ОТКУЛЯ, нареч. Откуда. А это молоканы. Кто откеда – кто с Саратовской, кто с Воронежской, кто откеда. И вот они здесь и поселились жить (Разд. Тамб.). Голубая, у нас идёт чёрт знает откеда и чёрт знает куды, в Зею куды-то попадает она. Речка есть (Зиг. Своб.). Голод такой был, там думали не о том, где, хто и откудова. Лишь бы выжить (Зиг. Своб.). - Откудова они приехали? Как будто бы с Харькова (Успен. Бел.). Если б вы слышали, какие он маты на меня клал, что он на меня уговорил, что откуль ты взялся?

(Кас. Арх.). *Еѹ забрали, семь лет дали, а этого жена собралась и уехала на запад, туда, откуль приехали* (Дим Мих.). *Откуля сами, родители ваши? А дед откуля?* (Белояр. Маз.).

АС –

ОТКУ́ДОВА, нареч. См. **ОТКЕ́ДА**, **ОТКУ́ЛЬ**, **ОТКУ́ЛЯ**

АС –

ОТКУ́ЛЬ, нареч. См. **ОТКЕ́ДА**, **ОТКУ́ДОВА**, **ОТКУ́ЛЯ**

АС +

ОТКУ́ЛЯ, нареч. См. **ОТКЕ́ДА**, **ОТКУ́ДОВА**, **ОТКУ́ЛЬ**

АС –

ОТЛІ́В, -а; м. Карниз для стока воды. *Это отлив, шобы вода стекала и на это бревно не текло, кладётся желоб. Так вот сделаны отливы по всему дому, вот стекает в чан* (Краснояр. Маз.).

АС +

ОТЛО́ЖЕННЫЙ, -ая; -ое. Отделанный, покрытый чем-либо или выложенный из чего-либо (о поверхности). – *А как известь добывали? – А чё, вот приезжали, специально вот взрывали, там печи были две штуки, здоровые такие, с камней отложенные, и туда накладывают это, камней накладывают, а потом дрова дубовые* (Гриб. Арх.).

АС –

ОТЛОМЛЯ́ТЬ, -ю; -ешь; несов. Ломая, отделять часть от целого; отламывать. *Каждый отломляют, и несём на огород, бросаем, шоб огурцы были* (Заган, Своб.) || Ср. **ОТЫМА́ТЬ**.

АС –

ОТЛУПА́СИТЬ, -ю, сишь; сов. То же, что **ОТДУХА́ТРИТЬ**. *Ну, улаз отёк вот. Аня её отлупасила, а меня мало кто бил* (Костюк. Своб.).

АС +

ОТМАСЛЯ́ЧИТЬ, -чу, -чишь; сов. То же, что **ОТБАТРА́ЧИТЬ**. *Отработать. Леська у меня отмаслячила, трактористом отработала год, и пять лет на комбайне отработала* (Гильч. Тамб.).

АС –

ОТМА́ЧИТЬ, -чую, -чуешь; сов. Дать отмокнуть. *Белые такие, их только шляпы собирают, отмачуют их и потом солят* (Урал. Шим.).

АС –

ОТОДВИГА́ТЬ, -ю, -ешь; несов. Отдалять что-либо от основной территории. *Потом стали вот эти вот дома ставить. Тайгу стали отодвигать, отодвигать ... Дороги здесь не было* (Чаг. Шим.).

АС –

ОТОЙТ́И, -ду, -дёшь; сов. Отделиться от семьи; начать жить самостоятельно. *Ну, жили мы все вместе. – И дед вместе с вами жил? – Нет, мы сразу, отец отошёл, когда дед построил дом аж за деревьями* (Великокняз. Бел.). *И мы здесь построили, а то вперёд с мамой там отошли, там семья большая же – десять человек. Мы ушли с моей мамой* (Белояр. Маз.).

АС +

ОТПРА́ВИТЬ, -лю; -ишь; сов. Справить поминки. *И тут внук умер. Вот сорок дней отправили* (Серебр. Своб.).

АС –

ОТПУСКНО́Й, -ая, -ое. Выпускной (о мероприятии, посвящённом окончанию учебного заведения). *Внучка написала: «Вышли мне на отпускной полторы тыщи». Выслал. Написал до востребования и ни слуху* (Черн. Своб.).

АС –

О́ТРОК, -а; м. Внебрачный ребёнок. *Отрока нагуляла сестра, сына, бабка его в дом не пускает* (Черн. Своб.).

АС –

ОТСАЖИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Цедить, пропуская через что-нибудь; отцеживать. *А это друшлаг, чтобы отсаживать молоко* (Краснояр. Маз.).

АС –

ОТСЕДА, ОТСЕДОВА, ОТСЭДОВА, ОТСЕЛЬ, ОЦЕДА, нареч. Отсюда. *До самой пенсии здесь работал, а потом переезжал, в посёлок Горный переезжал, уволился отседа* (Заг. Сел. Своб.). *Иди отседа, ой, иди это... я уж замуж пошла вышла* (Гриб. Арх.). *-У вас только бабушка с Украины, а остальные все отсюда? – Отседова* (Зиг. Своб.). *Если с севера ветер, то может дождь быть. С севера может на три дня затянуться, а отседова если, дак может и за день пролететь* (Комиссар. Бел.). *Поехал он в Мухино, завербовали нас отсель* (Урал. Шим.). *Но к ней ещё отцеда подделали вот к этой бане пристройку* (Комиссар. Бел.).

АС +

ОТСЕДОВА и **ОТСЭДОВА**, нареч. См. **ОТСЕДА**.

АС +

ОТСКАКАТЬ, 1-2 л. не употр.; сов. Отпасть от какой-либо поверхности. *У меня ещё чугунок одна, дак ведёрная, а там маляровка отскакала споднизу. Я всё время делала холодец, холодец варила в ней* (Н.Андр. Бел.).

АС –

ОТСЕЛЬ, нареч. См. **ОТСЕДА**

АС –

ОТСТАТЬСЯ, -нусь, -нешься; сов. Остаться. *А потом уже тёлочка отсталась* (Заг. Сел. Своб.). *А только споминания отстались* (Дим Мих.).

АС –

ОТСТЫВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Мёрзнуть от холода; стыть. *Она наши кости согревала, котормы мы, ну, отстываешь-то за*

день ведь. Как одет-то, господи Боже мой! (Сыч. Своб.).

АС + (отстыть)

ОТТОПИТЬ, -лю, -ишь; сов., **ОТТАПЛИВАТЬ**, -аю; -ешь; несов. Изготовить топлением; вытопить. *Вот выливаю, оттопила, вылила, творожок всегда свежий. Творог так вот оттапливаешь, только не горячим сразу, а постоянно, чтобы оно нагревалось, и следить надо, чтоб не закипело* (Светил. Бел.).

АС –

ОТТАРАБАНИТЬ, -ю, -ишь; сов. То же, что **ОТБАТРАЧИТЬ**. *Брат старший в морфлоте во Владивостоке семь лет оттарабанил* (Великокняз. Бел.).

АС –

ОТТЕДА, ОТТЕДОВА, ОТТЕЛЬ, ОТТУДОВА, ОТТЭДА, ОТТЭДОВА, ОТТЭН, нареч. Оттуда. *Пчела на двадцать пять километров от улика улетает. Оттеда летит гружена* (Черн. Своб.). *Его после учёбы взяли на род у Серышево отслуживать. Он у Серышевом отслуживал, а оттедова были военные, и уговорили его вот сюда* (Комиссар. Бел.). *Вот мы туда к матери уехали, тогда оттель, там жили, пока мы мать схоронили, его мать* (Великокняз. Бел.). *Мать в детстве в Воронежской области жила, её оттудова привезли, когда ей тока двенадцать было* (Черн. Своб.). *А вот уже думала, ещё оттудова поеду, а уже нет* (Успен. Бел.). *Ну, и дали мне оттудова, с Благовещенска, путёвку, туда ехать лечиться* (Заг. Сел. Своб.). *Ну, он молодыми тоже приехали оттудова* (Зиг. Своб.). *С проволки вот алюминиевой мордуши делали. Она так закрыта, завязываешь, туда приманку: хлеб или там чё. Оттэда заход у ней* (Жар. Тамб.) *И оттэда в тридцать девятом году мы приехали в Серебрянку* (Новоив. Своб.). *Утром*

встану, оттэдова идёт (Чернов. Своб.). *И с конца бьют немцы и оттэн бьют. Ранило сюда в ногу, сюда в руку, в голову* (Жар. Тамб.).

АС +

ОТТЭДОВА, нареч. См. **ОТТЭДА**

АС +

ОТТЭЛЬ нареч. См. **ОТТЭДА**.

АС +

ОТТУДОВА, нареч. См. **ОТТЭДА**.

АС +

ОТТЭДА, нареч. См. **ОТТЭДА**.

АС +

ОТТЭДОВА, нареч. См. **ОТТЭДА**.

АС +

ОТТЭН, нареч. См. **ОТТЭДА**.

АС –

ОТХАЖИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Легко, быстро успокаиваться после гнева, раздражения. *Я быстро отходчивая, быстро отхаживаю* (Костюк. Своб.).

АС –

ОТХАРКИЮЩИЙ, -ая, -ее. Отхаркивающий. *Эти шишки собираешь, а потом, когда кашель, оно отхаркивающее. Вот накипятишь, пьёшь, отхаркивающее помогло* (Заг. Сел. Своб.).

АС –

ОТХВАТИТЬ, -чу, -ишь; сов. Захватить, завоевать. *Если японцы пойдут, всё - Дальний Восток отхватят* (Краснояр. Маз.).

АС –

ОТЦЭДА, нареч. См. **ОТСЭДА**

АС +

ОТЧИЙ, -я; м. Отчим. *Чужой отец – плохо, отчий есть отчий, неродной* (Черн. Своб.).

АС –

ОТЧИКИРИТЬ, -ю, -ишь; сов. Отрезать. *Я косу заплела, ножом откиририла* (Костюк. Своб.).

АС –

ОТЧИРИКАТЬ, -ю, -ешь; сов. То же, что **ОТБАТРАЧИТЬ**. *Я лесником тридцать четыре года отчирикал* (Гриб. Арх.).

АС –

ОТШАЛАМАШИТЬ, -шу, -ишь; сов. То же, что **ОТДУХАТРИТЬ**. - *Сёдня праздник, так шо можно! – Я тебе выпью! Поленом тебя отшаламашу* (Великокняз. Бел.).

АС –

ОТШИБЬ. ♦ **НА ОТШИБЕ**. В стороне, в некотором отдалении. *Я не знаю, где это мы живём? – На отшибе. Да в лесу где-то, в тайге* (Ин-ка Арх.).

АС –

ОТЩЁЛКИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Давать своё в распоряжение другому (о денежной помощи). *А их двое детей. Вот и приходится отщёлкивать* (Великокняз. Бел.).

АС –

ОТЫМАТЬ, -ю, -ешь; несов. То же, что **ОТЛОМЛЯТЬ**. *И от этого теста говорили отымать, то есть отделить, отымать кусок теста* (Толст. Тамб.).

АС + (другое значение)

ОФИЦЕРЬЁ, -я; ср., собир. Презр. Офицеры. *На десятки здесь много офицерья живёт, выкаблучиваются* (Черн. Своб.).

АС –

ОХВИЦЕР, -а; м. Офицер. *А охвицер такой рыжий, в очках* (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОХВАЛИВАТЬ, -ю, -ешь; несов. Отзываться о чём-либо с похвалой, сочувствием; одобрять. *Перестройка нам, крестьянам, очень плохо далась. Это можете записать: «Перестройку мы не охваливаем»* (Комиссар. Бел.).

АС –

ОХОТИТЬ, -чу, -ишь; несов. и **ОХОТНИЧАТЬ**, -ю, -ешь; несов. Заниматься охотой. *Я только рыбачить ходил, а охо-*

тить... На охоте не был (Великокняз. Бел.). Вот я три года тут охотничал (Черн. Своб.). Он же у нас охотник, дед охотничал живой был (Урал. Шим.). Отец охотничал, и тоже выделявал их, и шил – это уже я носила (Гриб. Арх.). Так я сам и охотничал. Там жил и здесь я всё время охотничал. На кабана охотничал (Сыч. Своб.). Папа охотничал до восемьдесят лет. В восемьдесят лет мы его уже не пустили (Чаг. Шим.). Лес валили, охотничали, здесь очень мяса много было (Урал. Шим.). – Грибы-то ягоды собирали? – Нет, больше охотой занимались, охотничали (Чаг. Шим.). И рыбачил, много ловил и охотничал (Желтояр. Своб.). Да, занимались раньше, охотничали, ну так, конечно, не истребляли как сейчас, а сейчас тут уже и охотиться нечего, уже всё повымерло (Кухт. Луг Шим.). Нет, маленько охотничаем, но очень редко, зимой то охотничаю, охотничал (Урал. Шим.). Вот я уже с тем охотничал. Бил коз, метко стрелял, барсуков бил (Белояр. Маз.). Да, он хлебобобовый человек, хозяйственный такой. На тятю моёнишина похож. Тот всё время охотничал, по хозяйству всё бежал туды и суды (Черн. Своб.). «Буду всё вам доставлять, и мясо, и всё, буду охотничать вам, кормить. Отдайте мне дочку вашу». Они охотничали, они жили на всю ногу (Гриб. Арх.).

АС –

ОХОТНИЦКИЙ, -ая, -ое. Служащий для охоты. Вот такие вот длинноушии были. Это охотницкие сторожевые. Вот это были овчарки! (Гильч. Тамб.)

АС –

ОЦЕНЬ, нареч. Очень. Муж у меня был плохой оцень, я от его потерпела (Черн. Своб.).

АС –

ОЦЕПІТЬСЯ, -люсь, -ишься; сов. Цепко схватить что-нибудь; вцепиться. Стали её сажать, а она ему в бороду как оцепилась, так тянёт. А он «Внученька! Миленька! Да шо ж ты делаешь?». Она оцепилась, ничё не сделаешь (Великокняз. Бел.).

АС –

ОЧЕ́П, -а; м., **ОЧИ́П** -а; м. Длинная жердь для подвесной детской колыбели. Очеп такой длинный, на потолке делают. И эта вот люлька на пружине она на этой. Очеп качают, вот так вот вниз качают, а то вот так вота. И ребёнок засыпает (Ключи Бел.). Люльки были на верёвке, или пружина у кого, или вот этот очеп у нас был. Черезо всю хату скоба вбитая. Привезут с тайги такую какую-то жердинку. А у нас очеп назывался (Мих. Маз.). Палку такую называли очеп, качалась палка. В потолок вбивали ну это, кольцо, и в кольцо заталкивали эту палку. Ну, обстругают палку, конечно, гладенько. Ну, и один конец в люльку, а другой конец... не болтали так, а большие так качали детей (Заган Своб.). Така палка была затолкнута, люлька была, качали ребятишек. Так у нас этот крючок остался. А очип такой был, деревянный (Н.Андр. Бел.).

АС +

ОЧИ́П -а; м. См. **ОЧЕ́П**.

АС +

ОЧИПÓК, -пка; м. Головной убор замужней женщины. Невесту коуда обвенчают, окручивали. Заплетали две косички, очипок на уолову (Черн. Своб.).

АС + (очепок; другое значение)

ОЧУ́ХАТЬСЯ, -юсь, -ешься; сов. Прийти в чувство, опомниться, очнуться. Кака там свадьба? Всё не могли очухаться после войны (Сыч. Своб.). И вы понимаете, я очухалась быстрее лошади. А лошадь лежала, а тайга такая... Ну, думаю, если

лошадь не очухается, так вместе и умрём
(Кас. Арх.).

АС –

ОЧУХРА́ТЬ, -ю, -ешь; сов. Разровнять. *И
ёот делали такие высокие, как ёот эти
ёот дома, ещё выше, ёот. И она, солома
сохнуть, а потом её, это, всё лопатой*

*очухрают, так хорошо, ровненько сдела-
ют, ёот* (Зел. Бор Мих.).

АС –

ОШТРАХОВА́ТЬ, -ую, -уешь; сов. Наложить штраф; оштрафовать. *Работай! А не
выполнишь, оштрахуют* (Сыч. Своб.).

АС –

А.В. Блохинская

КАЗАЧИЙ ФОЛЬКЛОР ПРИАМУРЬЯ

В разделе представлено систематизированное собрание текстов различных жанров: песен, частушек, оберегов, примет, пословиц, поговорок, присказок, гаданий, записанных во время фольклорно-диалектологической экспедиции преподавателей кафедры русского языка в 2013 г. в села Михайловского и Константиновского районов, а также экспедиции сотрудников Центра казачьей культуры и преподавателя кафедры Д.Н. Галимовой в села Албазино и Джалинда Сковородинского района Амурской области в 2012 г.

Специфика названных районов заключается в том, что располагаются они по реке Амур и первыми их заселяли забайкальские казаки. В наши дни в обследованных селах хоть и не очень часто, но еще можно услышать старинные казачьи песни, которые раньше, как отмечают старожилы, пели все. К.А. Матвиенкова, жительница села Джалинда, вспоминает: «Щас старики поумирали, молодёжь не поёт. Мы раньше в четыре часа коров доить идём – песни поём, с дойки идём – песни поём. Вот так жили – с песнями».

В селе Джалинда Сковородинского района удалось записать не встречавшуюся нам ранее старинную казачью песню «Проснулась вся ли да станица...». Интересные варианты казачьих, русских народных, украинских, а также авторских (но воспринимаемых и бытующих как народные) песен исполняет ансамбль «Русская песня» села Поярково Михайловского района, с репертуаром которого довелось познакомиться. Тематика произведений довольно разнообразна: любовные, военные, шуточные.

В разделе «Обрядовая песня» публикуется рассказ Н.Ф. Гладковой, жительницы с. Коршуновка Михайловского района, о свадебном обряде, бытовавшем на Брянщине в 20-х гг. прошлого века. Повествование сопровождается текстами обрядовых песен и дразнилок.

Разнообразна тематика частушек, записанных в Михайловском районе: это игровые и бытовые частушки, частушки о милом и милой, о замужестве, разлуке, сопернице, войне и др.

В этом выпуске альманаха представлены рассказы А.Т. Козыревой, жительницы с. Поярково Михайловского района, о современных житейских оберегах, «нехороших» местах в доме, а также описания гаданий, записанных от А.А. Лесниковой и супругов Матвиенковых, проживающих в с. Джалинда Сковородинского района. Здесь же публикуются отмеченные в речи жителей сел Чесноково и Коршуновка Михайловского района и села Константиновка Константиновского района пословицы, поговорки, дразнилки, приметы, анекдоты.

Все фольклорные произведения даны в современной орфографической записи с указанием ярких диалектных черт. В текстах частушек, пословиц, поговорок, анекдотов, при описании свадебного обряда, примет, гаданий мы постарались максимально сохранить особенности спонтанной речи информантов, присущую им манеру изложения. Это обусловлено тем, что современный фольклор является богатым источником для изучения диалектных

особенностей языковой личности информанта. Диалектные единицы, функционирующие в различных жанрах устного народного творчества, отражают картину мира, присущую данной языковой общности, позволяют описать синтагматические и парадигматические отношения между единицами диалектной системы, фонетические и грамматические формы ее бытования.

ЛИРИЧЕСКИЕ ПЕСНИ

1.

Проснулась вся ли да станица,
Проснулся весь и белый свет,
Казак давно ли да на площади оружием владел.
Казак давно ли да на площади оружием владел.
Он поводом да играет, как будто на струне.
Он поводом да играет, как будто на струне.
А бедная да Маруся стояла на крыльце.
А бедная да Маруся стояла на крыльце.
И по румяным щёчкам катилась да слеза.
А по румяным щёчкам катилась да слеза.
«Вернись, вернись, мой милый, оставь свой дальний путь.
Вернись, вернись, мой милый, оставь свой дальний путь».
«Вернись, вернись, да Маруся, вернись когда-нибудь».

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

2.

Ехали казаки со службы домой:
На плечах погоны, на грудях кресты,
Едут по дороге, родитель стоит да стоит.
– Здорово, папаша!
– Здравствуй, сын родной!
– Расскажи, папаша, про семью мою.
– Семья, слава Богу, прибавилась:
Жена молодая сына родила.
Сын отцу ни слова, садится на коня,
На коня садится, помчался домой.
Подъезжает к дому – стоят мать, жена.
Мать сыночка просит: «Прости, сын, жену».
«Тебя, мать, прощаю, жену – никогда».
Закипело сердце в солдатской груди,
Засверкала шашка во правой руке,
Слетела головка с неверной жены.

Козырева А.Т.,
с. Поярково Михайловского р-на

3.

Как у нашей сотни командир хороший!
Чернявая моя, чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза, кудрявая голова.
Раскудря-кудря-кудрява сударыня ты моя.
Браво, браво, Катерина, браво, сердце моё.
Гей-гей, гоп-гоп, чернявая моя,
Гей-гей, гоп-гоп, чернобровая моя.
Командир хороший, казачок пригожий,
Чернявая моя, чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза, кудрявая голова.
Раскудря-кудря-кудрява сударыня ты моя.
Браво, браво, Катерина, браво, сердце моё.
Гей-гей, гоп-гоп, чернявая моя,
Гей-гей, гоп-гоп, чернобровая моя.
Казачки все бравы, кони их убраны.
Чернявая моя, чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза, кудрявая голова.
Раскудря-кудря-кудрява сударыня ты моя.
Браво, браво, Катерина, браво, сердце моё.
Гей-гей, гоп-гоп, чернявая моя,
Гей-гей, гоп-гоп, чернобровая моя.
Как в станицу въедут, бабы следом бегут.
Чернявая моя, чернобровая моя,
Черноброва, черноглаза, кудрявая голова.
Раскудря-кудря-кудрява сударыня ты моя.
Браво, браво, Катерина, браво, сердце моё.

Ансамбль «Русская песня»,
с. Поярково Михайловского р-на

4.

Как за Доном, за рекой, под зелёным дубом
Расставался казачка с парнем черночубым.
Ай, да ай, да! Ай, да ай, да!
Расставалася казачка с парнем черночубым.
Говорил казак казачке, на коня взлетая:
«Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая».
Ай, да ай, да! Ай, да ай, да!
«Ты не плачь, не плачь по мне, моя дорогая.
Еду в армию служить с конницей червонной,
Посылаю свой привет трудовому народу.
Ай, да ай, да! Ай, да ай, да!

Посылаю свой привет трудовому народу».
Он сказал и полетел по степной дороге.
«До свиданья, синий Дон, синий Дон широкий».
Ай, да ай, да! Ай, да ай, да!
«До свиданья, синий Дон, синий Дон широкий».

Ансамбль «Русская песня»,
с. Поярково Михайловского р-на

5.

Скакал казак через долину,
Через донские края,
Скакал он, всадник обделённый,
Кольцо блестело на руке.
Кольцо красotka подарила,
Как казак ушел на фронт.
Она дарила, говорила,
Что через год буду твоя.
Вот год прошёл.
Казак стрелою в село.
Навстречу шла ему старушка
И шепеляво говорит:
«Куда, куда, казак, стремишься,
Зачем ты мучаешь коня?!
Тебе красotka изменила,
Другому сердце отдала».

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сквородинского р-на

6.

По дорожке да заснеженной⁴
Ехали гурьбою казаки,
Посмотрите, девки да красные,
Гей, гей, едут с победой казаки,
Гой, да с победою, гой, да в лихом бою
Едут казаченьки домой.
Ой, да, да гой, гой, да, да, гой,
Едут казаченьки домой.
Спрыгнул парень молодой с седла,
Ринулась гулять с утра братва.
Чарочки полные, девицы гордые,

⁴ Автор песни – дочь А.Т. Козыревой.

Эй, гуляй, гуляй, моя братва,
Гой, да с победою, гой, да в лихом бою!
Наливай да чарочки сполна!
Мамка, ты не плачь, утри слезу,
Девку я вашу увезу.
Девочки сладкие, губки да красные,
Батька, я больше не могу.
Гой, да с победою, гой, да в лихом бою
Дочку я вашу увезу.

Козырева А.Т.,
с. Поярково Михайловского р-на

7.
Во поле береза стояла,
Во поле кудрявая стояла,
Люлю-люли стояла.
Тары-бары-растабары,
Белы снеги выпадали,
Серы зайцы выбегали,
Охотники выезжали,
Всех собак своих спускали,
Красну девку испугали.
«Ты, девица, стой,
Стой, стой, стой!
Красавица, с нами песню,
Пой, пой, пой!»
Чувиль, мой чувиль,
Чувиль-навиль-виль-виль-виль,
Еще чудо, перво чудо,
Чудо родина моя!

Ансамбль «Русская песня»,
с. Поярково Михайловского р-на

8.
Меж высоких хлебов затерялся⁵
Небогатое наше село,
Горе горькое по свету шлялося
И на нас невзначай набрело.
Меж двумя хлебородными нивами,
Где прошел неширокий долок,

⁵ Сл. Н.А. Некрасова.

Под большими плакучими ивами
Успокоился бедный стрелок.
Суд приехал... допросы... тошнёхонько...
Догадались деньжонок собрать.
Осмотрел его лекарь скорёхонько
И велел где-нибудь закопать.
Будут песни ему хлебобобные
Из села на заре долетать,
Будут нивы ему хлебородные
Безгреховные сны напевать.

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

9.
Соловей кукушку всё сговаривал:
«Полетим, кукушка, в зелёный сад,
Там совьем, кукушка, два гнезда
Тебе для забавы».
Казань – город славный, на горе стоит,
К нему речка быстра с кровью протекла.
А еще ручеечек с горькою слезой».
«Врешь ты, врешь, обманывашь,⁶
Врешь, обманывашь».

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

10.
Шумят вербы на зелёной үребле,
Что я насадила.
Нету того парнишечки,
Что я полюбила.
Нету еүо, да и нэ будэ...
Не сама я полюбила,
А полюбила маты,
Оставила меня, деуку,
Весь век үоревать.
Да и не буде.
Раздраили злые люди, раздраили,
Рассудили, шоб мы парой не ходили.

Гладкова Н.Ф.,
с. Кориуновка Михайловского р-на

⁶ Вариант: Врешь, ты врешь, мой милый.

11.

Ой, при лужке при луне,
При счастливой доле,
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
При знакомом табуне
Конь гулял на воле.
«Ты гуляй, гуляй, мой конь,
Да не спотыкнися,
Против милкиных ворот
Стань, остановися».

Войлошников А.В., Войлошникова З.М.,
с. Чесноково Михайловского р-на

12.

В огороде верба рясна,
В огороде верба рясна,
Там стояла девка красна.
Она красна, ще и красива.
Её доля несчастлива. <...>
Ну, разоряли люди,
Рассудили,
Чтобы парой не ходили <...>
А мы парой ходить будем,
А мы парой ходить будем,
И друг друга любить будем.

Войлошников А.В., Войлошникова З.М.,
с. Чесноково Михайловского р-на

13.

Ветер с поля, туман с моря,
Довела любовь до горя,
От любви свет кружится,
На плечо орёл садится.
Пошла слава по ...*(вспоминает)*,
Ветер с поля, туман с моря,
Ой, да довела любовь до горя,
От любви свет кружится,
На плечо орёл садится.
Ох, орёл мой сизокрылый,
Ой, да скажи правдочку:
«Уде мой милый?»

«А мой милый на работе,
На литейном на заводе».
«Что он робит, поробляет?»
«Медны трубочки выплавляет».
Пошла слава по народу
Про ту девочку, что без роду.
«А я славы не боюсь
Да на той на девушке женюсь».

Гладкова Н.Ф.,
с. Коришуновка Михайловского р-на

ШУТОЧНЫЕ ПЕСНИ

1.

Проработал я всё лето,
Заработал я у пана уточку за это.
А та утя воду мутя,
А та Петя – кукареку,
А та курка-щепатурка
По садочку ходит да ходит,
Цыпляточек водит да водит.
Как работал я у пана да четвертое лето,
Заработал я у пана индюка за это.
А тот индюк – дюк-дюк, дюк-дюк,
А та утя воду мутя,
А та Петя – кукареку,
А та курка-щепатурка
По садочку ходит да ходит,
Цыпляточек водит да водит.
Как работал я у пана да на пятое лето,
Заработал я у пана барана за это.
А тот баран – бе-бе, бе-бе.
А тот индюк – дюк-дюк, дюк-дюк,
А та утя воду мутя,
А та петух – кукареку,
А та курка-щепатурка
По садочку ходит да ходит,
Цыпляточек водит да водит.
Как работал я у пана да на шостое лето,
Заработал я у пана тёлочку за это.
А та теля хвостом веля,
А тот баран – бе-бе, бе-бе.
А тот индюк – дюк-дюк, дюк-дюк,

А та утя воду мутя,
А та петух – кукареку,
А та курка-щепатурка
По садочку ходит да ходит,
Цыпляточек водит да водит.
Как работал я у пана да на сёмое лето,
Заработал я у пана дивчину за это.
А та девка напилася да и с печки свалилася,
А та теля хвостом веля,
А тот баран – бе-бе, бе-бе.
А тот индюк – дюк-дюк, дюк-дюк,
А та утя воду мутя,
А та петух – кукареку,
А та курка-щепатурка
По садочку ходит да ходит,
Цыпляточек водит да водит.

Козырева А.Т.,

с. Поярково Михайловского р-на

2.

У всех мужья молодые,
А у меня старикашка.
Он сам не поет, не гуляет
И меня, молодую, не пускает.
А я тайком уходила
И домой поутру приходила,
Красивого молодца полюбила
И про всю неволюшку позабыла.
У соседа в огороде мы встречались
И всю ночь до утра миловались.
Дай же, милый старичок, нагуляться,
С молодым мужичком наиграться.
У всех мужья молодые,
А у меня старикашка.

Ансамбль «Русская песня»,

с. Поярково Михайловского р-на

3.

– А милый варэнички хочет,
А мой милый варэнички хочет,
– Навары, мылая, навары, мылая,
Навары, йо-хо-хо, моя чернобрывая.

– Та дрив же немає, милый мой, мыленький,
 Та дрив же немає, ґолуб мой сизэнький.
 – Нарубай, мылая, нарубай, мылая,
 Нарубай, йо-хо-хо, моя чернобрывая.
 – Та сил же немає, милый мой, мыленький,
 Та сил же немає, ґолуб мой сизэнький.
 – Помырай, мылая, помырай, мылая,
 Помырай, йо-хо-хо, моя чернобрывая.
 – А с кем будешь доживать, милый мой, мыленький,
 А с кем будешь доживать, ґолуб мой сизэнький.
 – И с кумой, мылая, и с кумой, мылая,
 И с кумой, с кумой, моя чернобрывая.
 – Так пошли же до дому, милый мой, мыленький,
 Варэничков наварю, ґолуб мой сизэнький.
 – Нэ балуй, мылая, нэ балуй, мылая,
 Нэ балуй, йо-хо-хо, моя чернобрывая.
 Ансамбль «Русская песня»,
 с. Поярково Михайловского р-на

ПЕСНИ О ВОЙНЕ

1.
 Колосилась в поле рожь густая,⁷
 Шевелились усики овса.
 Где-то за деревнею далёко
 Девичьи звенели голоса.
 Не хватило Коле керосину,
 Он поехал в город по грязи,
 Не успел с пригорочка спуститься,
 Немцы показали перед ним.
 Керосин в руках они держали,
 Молодое тело облили,
 Загорелось тело молодое,
 А потом документы нашли.
 Ждала его в поле, не дождалась
 Девушка с далёкого села.
 Полоса несжатая стояла,
 Тракториста Колю всё ждала.
 Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
 с. Джалинда Сковородинского р-на

⁷ Вариант песни на сл. И. Молчанова

2.

Запоют подруги о разлуке,
Ну, а я ни слова не скажу.
На прощанье ласковые руки
Милому на плечи положу.
Провожу его до перекрёстка,
Где в полях поют перепела,
Где одна кудрявая берёзка
Поцелуй увидеть наш могла.
<нрзбр.> сюда или другое (?).
А еще напишет мой хороший,
Чтобы я любила одного.
Много видел девушек хороших,
Ну, а я дороже для него.

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЕСНЯ

Баю-баюшки баю,
Не ложися на краю,
Придёт серенький волчок,
Унесет за бочок.

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

ОБРЯДОВЫЕ ПЕСНИ

Рождество

Сею-вею, посеваю,
С новым годом поздравляю!

Ивлечева Д.Н.,
с. Константиновка Константиновского р-на

Свадебные песни

Закук ала зязюля рано за селом,
Заплакала, уоворят, девочка рано за сялом.
Белюсенькие ручки у татка моеуо,
Ох, не будут они такие у свёкра моеуо. <...>
Давай же, милый таточко, мне не отдавай!
<нрзбр.> Чё ж ты соседей не пытаешь?
«Зачем мне, дитя моё, соседей пытать,

Я сам знаю, что тебе трэба отдаць».

Закрой меня, ўоворят, таточка, в кладовую,

Чтоб не взяли меня ўости молодую.

– *Какие еще на свадьбе пели?*

– А вот пели что на свадьбе, дразнилися. Шас же такоу нету. У нас было как? Называлась, як свадьба, первый вечер – девичник. Вот собираются у молодой, значить. Девка молодая зовёт, значит, всех своих подружек. И целый вечер иўрает ўармошка, пляшет, танцует, а молодую родителей нету, это у молодой дома. Ну, и там бывае, уже ужин, а какой тот ужин, уже утром. Ну, которые породнее подружки там, двоюродные сёстры или что остались, а эти все разбежались, и всё. А назавтра уже, когда привезут, значить, молодую визут. Вот молодую за стол не пускають. Девчата за столом сидят, а здесь уже свахи. И вот и поют песни. Если деўки молчат, они ему поють:

Немы деўки, немы,

Ўородску муку ели,

Ўородска мука сопка,

В роте засохла.

Дайте деўкам расолу,

Расолу, шобы они пели да всё <нрзбр.> (*смеется*).

А те уже отвечают:

Дайте свахе сыру кусок,

Сыру кусок, шоб ей, шельме, язык усох (*смеется*).

И также ўоворят. Это уже дружку:

Не ўнися, дружочек, не ўнися,

Клади короля, клади два.

Не пустишь, положишь нам золотую –

Не пустим за стол молодую.

Ўоворю:

У нашеу дружка

Ўола макушка,

Ещё поўолеет,

Что денеу жалеет.

– *А клади короля – это значит, клади сколько?*

– Ну, денех, ну, наверно, мноу там.

И у нашего, ўоворю, свата

Вербовая хата: с вербы, с берёзы,

А мы ўости тверёзы.

Красивые свадьбы, по тры дня ўуляли.

– *Это там в Белоруссии?*

– Да, там у нас. Там, у Брянщине.

– *Почему я все время в Белоруссии?! Потому что рядом. В Брянске.*

– Как мама наша рассказывала, она выходила в двадцать четвертом ўоду замуж. А такая, ўорит, ниуде ни сахару, ниуде не было, да й денех, ничего не было. Наделали две боч-

ки квасу с сахарином, тры дня, ўовору, ўуляли. Людям лишь бы было место собраться. Не так, как сейчас, каждый день пьют. Им не интересно. А тада ж работали, это уже поўулять, повеселиться. И хто-то откуда-то пришел, можа де встречались и <нрзбр.>.

– *А невесте какую песню пели?*

– Ой, ну там, например, дайте ўовору ей ... подожди как ... чтобы она луку, чтобы она ўрызла как белка, чтобы плакала как деўка. У нас интересные были свадьбы. У нас придание вешали, и рушники эти вешали, и приданку эту пели. А тут такоуо уже нет.

– *А что такое приданку пели?*

– А у придани вешали рушники, эти вешали и ўоворя:

Наша там Танечка, или хто, не спала, не пряла,

Всё ткала да пряла, да усех обделяла.

Снимайте пеньковые, вешайте шелковые.

Вот такое. Хто вешает, прытанцовывают и дают.

– *А это их куда вешали?*

– На стенки. Рушники эти вешали, вышиванные, с кружевами. Занавески на уўол вешали, де вот-то самые иконы стояли. На окна занавесочки, тада было всё сами делали. Кружева вязали с этого <нрзбр.> колинкора. Шили, а в середине кружево и с краю кружево. Всё сами делали.

– *Ну, тогда и в церкви, наверно, венчались? Или в 24-м году уже нет?*

– Ну, конечно, в двадцать четвертом венчались в церкви. От такие.

– *А невеста сама во время свадьбы, она какую-нибудь ответную песню пела на свадьбе? Нет? Не было такого?*

– Нет, не было такоуо.

– *Ей пели?*

– Даже у нас было, не танцевала невеста на свадьбе.

– *А одета во что была?*

– Ну, одета была, ўосподи, платье, не хфата, ничто, платюшко какое-нибудь светлое. Что тада, ўосподи, было.

– *А жениху какие песни пели?*

– А жениху так от, наверное, не пели песни.

– *А про родителей?*

– А родителей, и родителям не пели. Вот када уже счас, делять эту, ну, щас торт разносят, а када подарки дарять, а у нас было, пякли каравай, круўый, булку. У этот каравай ельцы были сделаны. Такая, значить, из дерева сделанная: эта так одна, а тут на четыре развилки или даже на пять – одна в середине, по краям четыре. И вот эту булку сажают, значить, и платок, полушалок красивый вешают, белый.

– *Вот на эти палки четыре?*

– Да. Оно у брата таки. От як сейчас китайские цветы, но раньше бумауой то всё обкручено, обделано красиво. И от када уже начинают, это у нас называлось делить каравай. Щас просто подарки дарять. И вот, значить, ужо хто ўлавный тут стоять, родители стоять молодоуо и молодой. И от, например, а я, а вы там как родитель, я ўовору, что:

– Первым разом, божьим часом, отец, мати, блаўослови своеуо дитяти каравай чапать.

Родители отвечают: «Боу блауословит».

– Вторым разом, божьим часом, отец, мати, блауослови своуо дитяти каравай чапать.

Родители отвечают опять: «Боу блауословит».

– Трэтим разом, божьим часом, отец, мати, блауослови своеуо дитяти каравай раздати.

И вот тут уже споют: «Да блауослови, Боже, и Пречистая мать».

И начинают подзывать: «Есть или нету у молодоуо отец, мать?» Как бы ласково были <нрзбр.> молодым подарили. Вот всю родню. Яуо родителей, её, там сестёр, братьев, а потом уже остальные там. От такая, такая мода была. Интересная свадьба.

– *А ельцы – это вот само вот это украшение, да, которое на каравай ставилось?*

– Да, это ельцы назывались. И вот хлеб этот нарежет и рюмку же ту дают там так же. И домой принесут и куда-нибудь спрячут. Всем дадут помаленьку, чтоб летом комары вас не кусали.

– *Вот этот кусочек?*

– Да.

– *Его оставляли, да?*

– Да.

– *А на второй, на третий день что делали на свадьбе?*

– На второй день собирается это щас ... я уже уоворю, называлось «везли пироуи». А пироуи какие. Если девка честная, везли ту рубашку молодой матери. Дак пры нас уже этоуо не было, а до нас ещё вот было. Моя мать была и ихня родители. Если деука нечестная замуж вышла, вядуть к колодцу отца и мать и надеют на их хомуты. Во что было, вот тоуда было може больше. Такоуо не было, как сейчас, по трынацать лет рожают. (В)от. Всё же закон был. У этих, у азербайджанцев, там стрэут, а у нас, видишь, как было. До колодца и хомуты понакидают.

– *И что, нужно было вот так стоять, если что, в хомутах, или что?*

– Ой, нэ знаю, долуо они там стояли. Пры нас уже не было такоуо.

– *А пироги везли, вы говорите?*

– Ну, это называется эта рубашка. (В)от в которой ночевала она.

Гладкова Н.Ф., с. Коршуновка Михайловского р-на

ЧАСТУШКИ

Не рууай меня, мамаша,
За весёлую уульню.
Пройдут уоды молодые,
Посылай – я не пойду.

Не рууай меня, мамаша,
Не рууай так урозно.
Ты сама была такая –
Прыходила поздно.

Соурай, Ваня, соурай, милый,
Уармонист ты наш любимый,
Растяни уармонь пошире,
Пусть девчата подпоют,
Пусть узнают во всём мире,
Как колхозники живут.

Ой, гармошка, ты гармошка,
Ты играешь и играй,
А про любов мою не знаешь,

А ты не знаешь и не знай.
Та-ра-ра-рай-рай, хоп-хоп!
Ай-ра-рай-рай!
А про любов мою не знаешь,
А ты не знаешь и не знай.

Ой, частушка-веселушка
Прилетела ко мне вновь,
Моя первая подружка,
Моя первая любовь.
Та-ра-ра-рай-рай, хоп-хоп!
Ай-ра-рай-рай!
Моя первая подружка,
Моя первая любовь.

Ой, гармошка, ты гармошка,
Голосистый голосок,
А не дала ж ты в эту ночку
Мне уснуть на волосок.
Та-ра-ра-рай-рай, хоп-хоп!
Ай-ра-рай-рай!
А не дала ж ты в эту ночку
Мне уснуть на волосок.
А мы поярковски девчата,
А мы нигде не пропадём,
А сами музыку сыграем,
А сами спляшем и споём.
Та-ра-ра-рай-рай, хоп-хоп!
Ай-ра-рай-рай!
А сами музыку сыграем,
А сами спляшем и споём.

Үо(во)рю за что,
За что милоуо любила?
За русые кудёрушки,
За ұлазки ұолубые.

Спомни, милый дороуой,
Как ты ууовривал.
Под ноуами белый снеу
До земли дотаивал.

Не хвасти, хвастун проклятый,
Я тобой не дорожу.
Я такими хвастунами
Оуороды уорожу.

Ой, ты, милый, не хворси,
Не свои у тебя часы:
Часы у тебя соседние,
Штаны у тебя последние.
А едет трактор новенький,
Да тракторист молоденький.
А я хотела ручку дать,
Его за дымом не видать.

Кто соперницу не любит,
Я советую любить:
Каждой девушке прыходится
Соперницей побыть.

У меня уоре-милёнок был,
Уорячо меня любил.
Не знаю, почему
Изменила я ему.

Вот соперница стоит,
На ней платице уорит.
Я прошу, милёнок, вас:
Уберыте её с ұлаз.

Чёрна юбка, бела кохта,
Как оно хфасонисто.
Сменил – теперь подходит.
Как ему не совестно!

Коуда милый уезжал,
Строуо мне наказывал:
До прыезда моеуо
Не влюбяйся ни в коуо.
Прыказания еуо
Строго выполняю:
Он в армию ушёл,
Я с друуим ууляю.

Ох, маменька, горе мне:
Высушил жених мене,
Высушил беднячку
На белую бумажечку.

Спомни, милый, дорогой,
Как уляли мы с тобой.
Уляли, не руляси.
Почему расстались?
Спомни, милый горя,
Как дружили,
А теперь стали чужими.
То, бывало, ожидала
То того, то этого,
А теперь ожидать
Совершенно некою.

У поле пташку не поймашь,
А и в руки не возьмёшь.
Своей долюшки не знаешь,
За кою замуж пойдёшь.

Ох, боевая, боевая,
В девках не остануся.
Ну и горе тому будет,
Кому я достануся.

Девочки красуйтесь,
В бабску жизнь не суйтись.
Бабска жизнь – сухота,
Не красота, только сердцу сухота.

Маменька моя руается,
Братишка заступается:
Не одна моя сестра
Любовью занимается.

Поле-рожь, поле-рожь,
Кто её посеял?
Распроклятая любовь,
Кто её затеял?

Я любила, ты уордился,
Распроклятый неудай,
А теперь ума хватился,
Разувайся, доуоний.

Ох, мой милый, дорогой,
Лежить на уорочке крутой.
Руки связаны ею,
Улаза не видят ничею.

Пашаницу – за границу,
Яйца – в кооперацию,
Хрен – на мясозаготовку,
Мане – облигацию.

Моя маменька родимая,
Работа лошадиная,
Только нету хомута
Да ременною кнута.

Ой, куда я залетела?
Ой, куда я забрела?
Все родные мои дома,
За кою страдаю я?

А меня мама родила
Да и на кучах хворосту.
Меня куры обскакали,
Вот затем я не расту.

В последний день уляю,
По проулочку хожу –
Примечай, моя мамаша,
Всю походочку мою.

ГАДАНИЯ

1. – В Воскресенье Троица, а в четверг венки плели и спускали вот на воду.

– *И что это? Зачем?*

– Это девушки делали. Если веночек, веночек утонет, значит ты умрёшь. Да. А если поплывёт, то жить будешь. Вот так.

Лесникова А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

2. – Гадали. Вот замыкали на западне два ведра.

– *А что такое западня?*

– А вот западня. Вот.

– *Это подпол.*

– Подполье. А это вот западня.

– *Западня – это крышка, да, которая в подпол ведёт?*

– Да-да-да.

– Вот. Замыкашь. Спать када ложишься. Замкнёшь, ключ под подушку кладёшь. Кто за ключом во сне придёт к тебе, тот твой и суженый, значит, будет.

– *А замыкают? А потом эти замки куда?*

– Так, а ты же замкнёшь две дужки у ведра на западне.

– *А, то есть ведро ставили на западню?*

– Да, два ведра.

– *Два ведра, и вот эти дужки смыкали замком.*

– Замком закрывали.

– *И так оно и стояло до утра?*

– Да-да. Да-да. А ключ под подушку, на которую ты спишь.

3. – Потом ворожили: валенок кидали через поленницу, в окно стучали, спрашивали там чё. На кольцо, в зеркало. В стакан кольцо спускали, сидели до двенадцать часов.

– *Перед зеркалом ставили стакан с водой?*

– Да, стакан, туда кольцо.

– *На веревочке или просто опускали?*

– Просто опускали. И вот в это кольцо вроде смотрели. Чё там в кольце в этом покажется.

– *Через воду?*

– Да. Да.

– *Перед зеркалом?*

– Да. Да.

4. Девчонки бегали в окна стучали: кто мой жених?

Матвиенков А.А., Матвиенкова К.А.,
с. Джалинда Сковородинского р-на

ПРИМЕТЫ

1. Как говорили: «Солнышко если хорошо сядет, значит, завтра будет погода. Ясно. Если за тучкой, то будет дождь»

Колесникова Т.Т., с. Константиновка Константиновского р-на

2. Птица гнезда не вьёт – дева косы не плетёт (на Благовещение).

Войлошникова З.М., с. Чесноково Михайловского р-на

ЖИТЕЙСКИЕ ОБЕРЕГИ

1. Три иголки. Любые иголки. Красной ниткой. И вот где вот дверь, вот она, дверь, входить домой, под линолеум эти три иголки. И их нельзя никогда вытаскивать. Они защиту делают, то есть человек с дурными мыслями, он не переступит. Он переступит порог, но он дурного ничего не сделает.

2. – Вы еще дома свечу, свечи купите и обойдете, начиная, это, идти по часовой стрелке. Свечу зажигаете и идёте. Где негативное место, то есть вот так будет: «Пых. Пых, пых». Чернота. Там никогда нельзя ни кровать не ставить, ничего. Это нехорошее место. Вот, и проверьте. Вот.

– Она не гаснет?

– Она горит только как вот: «Пых». Вот как чернота.

– Стреляет?

– Не стреляет. А просто вот так, как вот, ну, горит свеча, и, когда вот идешь, она вот раз, черненькой.

3. Полынь над дверью. Маленькую полыночку. Прибили, а полынь негатива не запустит в дом. Всё, там человек с дурными мыслями, он останется. И еще что, такое немаловажное. <...> Золотое кольцо, любая нитка. Так! Вот я сейчас иду, оттуда не иду уже. Так. Вот смотрите. Вот щас обратите внимание. Вот сморите: я иду с кольцом на пальце. Видите, спокойно кольцо. Вот спокойно. Вот, пожалуйста. Вот щас обратите внимание, где что твориться будет. Смотрите, смотрите, что будет щас. Здесь никогда ничего ставить нельзя, вообще ничего. Смотрите, что творится. Я ведь палец ровно держу. Вы видите. А вот дальше щас пойду. Вот оно остановилось. Всё, я дальше пошла. Потому что вот там ни кресла, ни кровати вообще. Это нехорошее место.

4. Булавочки. Вниз головкой в любую одежду. Булавки защищают человека. Да, в любой одежде. Даже вот детей приносят, я говорю, булавочки чтобы были.

Козырева А.Т.,

с. Поярково Михайловского р-на

ПОСЛОВИЦЫ, ПОГОВОРКИ, ПРИГОВОРКИ, АНЕКДОТЫ

~

А ну-ка, не дай бог, в недобрый час сказать, в плохой – перемолчать.

~

Летний день год кормит.

~
Хоть пнём по сове, хоть совой об пень, всё равно сове больно.

~
Придут вас убить, а вы чаем напойте.

~
Спасибо, җо(во)рю, Сталину-үрузину, что обул нас у рязину.

~
А (в)от работали и, если мы вперёд кончили, вы там остались, җ(о)ворили: «А чьи это сыслы на хвосте зависли?». А те отвечают: «А чьи это долбни уперёд подолбли?». Побрянски.

~
Дак и такая поговорка, выдумывали шо. Такая беднота была – всё выдумывала. Вот в одних было тры дочки. И прышли сваты сватать одну. А они все были, как у нас җоворили, картавые. Не выговаривали слово. А мать с отцом наказали, чтоб мы не разговаривали. Вот оны, җоворю, сидят. Вот молодой же дума, что ж это за деўки, что не разговаривают. Он взял да (за)курыл, и какой там у их половик лежал, взял да бросил эту папиросу. Она заҗорелась. Сидить одна, җоворит: «Каварэр, каварэр, поровик и сүорэр». Вторая сидит да җоворит: «Арыра, Арыра, тебе шо матка җоворыра?». А третья: «Шрара боуу, шрара боуу, я сидела и морчала, будто дело не моё». (*смеется*). «Арына, тебе шо матка җоворыра?». А та: «Слава боуу, слава боуу, я сидела и молчала, будто дело не моё». Они, җоворят, поднялися, да все и ушли.

Гладкова Н.Ф.,
с. Коришуновка Михайловского р-на

~
Нарэзали хлеба, значить, тёща нарэзала, а зять сидит на листу, на капустном, спеченном <нрзбр.>. Она җовори: «Ряби, не ряби, у моего батьки хлеб не оростливый». Шкреби, не шкреби, у моего батьки хлеб не коростливый.

Гладкова Н.Ф.,
с. Коришуновка Михайловского р-на

В разделе «Школа» представлены разные аспекты реализации регионального компонента в вузовском и школьном образовании. Это и обучение школьников на литературных произведениях, созданных писателями края (статья Г. К. Алексеевой). Это и методические разработки по преподаванию русского языка как иностранного в близкой к нам территориально китаеязычной аудитории (статья Н. В. Лагута и Т. В. Самойленко). Это и первый опыт научного осмысления диалектного материала, самостоятельно собранного во время фольклорно-диалектологической экспедиции в села родного края (статья К. С. Будникова). Полагаем, что этот полезный и разнообразный опыт сможет найти свое применение в практике преподавания русского языка и литературы в различных учебных заведениях и в дальнейшем научном исследовании краеведческого материала.

УДК 801.1; 82.0: 801.6

Г.К. Алексеева

К ВОПРОСУ О НРАВСТВЕННО-ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ ШКОЛЬНИКОВ СРЕДСТВАМИ ЛИТЕРАТУРЫ РОДНОГО КРАЯ (на материале повести Б. Машука «Горькие шанежки»)

В статье рассматривается вопрос о нравственно-патриотическом воспитании школьников средствами литературы родного края.

Ключевые слова: краеведение, нравственно-патриотическое воспитание, литература, региональная литература, повесть.

The article deals with the question of moral and patriotic education of schoolboys by means of literature of his native land.

Key words: local history, moral and patriotic education, literature, regional literature, novel.

Корни народа в его истории, культуре и языке. Без исторической памяти народа нет его самосознания и самоутверждения. Обращение к прошлому и настоящему собственной национальной культуры помогает нам более квалифицированно и, главное, обдуманно соотносить ее с культурой других народов, понимать своеобразие и ценность каждой из них, реалистически осознавать роль своего народа в истории края.

Актуальность проблем, связанных с нравственным и патриотическим воспитанием подрастающего поколения, бесспорна. Школа должна помочь каждому воспитаннику определить ценностные основы собственной жизнедеятельности, обрести чувство ответственности за сохранение моральных основ общества. История страны, история своего села и города, своей семьи, пропущенная через собственный жизненный опыт, пробуждает чувство гордости, сострадания и соучастия.

Понимание значимости краеведения в учебном процессе в настоящий момент привело к возведению его в ранг краеведческого принципа, который трактуется как общепедагогический и дидактический принцип, ориентирующий учителя на систематическое использование местного материала в учебном процессе.

Таким образом, изучение регионального материала в современной школе с целью воспитания гражданина предполагает формирование знаний, умений и ценностных ориентаций, способствующих культуросообразному поведению в стране и регионе, развитию творческих способностей, воспитанию уважения к культуре и истории родного края.

Уроки русского языка и литературы призваны помочь формированию у детей целостного представления о культурном пространстве родного края, о творческой деятельности отдельных представителей, что формирует одну из важнейших компетенций, обозначенных в содержании Государственного образовательного стандарта общего образования. Основой такого образования может стать формирование системы знаний о культуре родного края, формирование представлений о ценности литературных, художественных и музыкальных произведений как источников познания культуры, воспитание бережного отношения к памятникам истории и культуры, сохранение традиций, развитие творческих способностей обучающихся.

Методисты предлагают рассматривать региональный компонент в преподавании как углубленную лингвокраеведческую работу и использовать местный языковой материал не только на уроках, но и для внеклассной работы. Главной методической задачей уроков словесности с использованием регионального компонента является подключение к занятиям житейского и речевого опыта самих учащихся, а также членов их семей.

Региональный компонент используется не как отдельный блок, а как «вкрапления» в учебный материал без выделения отдельных часов при изучении предметов школьного курса.

Покажем это на примере изучения одной из любимых книг школьников среднего звена – повести «Горькие шанежки» Б. Машука.

Рассказы Бориса Машука из сборника «Горькие шанежки» можно рекомендовать для уроков внеклассного чтения или для занятий литературного кружка. Хочется отметить, что с именем писателя дети мало знакомы, так как в школьной программе его произведений нет.

Целесообразно будет начать работу с сообщения фактов биографии, потому что многие произведения этого писателя носят автобиографический характер.

Детство писателя было сиротским, военным, но огромной теплотой веет от его рассказов, собранных в сборнике «Горькие шанежки», вышедшем в свет в 1978 г. Эта книга – лучшее произведение автора. Герои сборника – дети, на долю которых выпал нелёгкий жребий безотцовщины, взрослых проблем. Трудное военное детство мальчишек и девчонок, живущих на маленьком дальневосточном полуострове, описано с потрясающей правдой и любовью.

Сборник открывается рассказом «За кислицей-травой». Это словно начало жизни, начало биографии. В первой строке имя Шурки Орлова. Под этим персонажем стоит сам автор – Борис Машук. Ему 4 года, двухлетним привезли жить к деду, мамы нет: умерла. Этим начинается описание его жизни на маленькой станции. Как жили тогда, когда бабушки и де-

душки были маленькими? Чем занимались? Что ели? Какими играми увлекались? Были ли игрушки? На эти и другие вопросы отвечает нам автор.

В первом рассказе перед нами предстают образы бабушки и деда, которые в тяжёлые военные годы растили внука. Предлагаем устно нарисовать их портреты, подкрепив цитатами из текста.

В рассказе предстают и другие родные люди, которые любят и понимают мальчонку, но относятся строго ко всем его проступкам, хотя порой и незначительным. Бабушка наиболее ярко изображена в рассказе «Вечером под праздник». Этот рассказ имеет важное значение в композиционном построении сборника. Он расположен в середине книги. Показано переломное время Великой Отечественной войны – 1943 год. Незаметно входит в повествование сообщение об отце, «который пропал совсем...», о смерти дядьки Фрола, о болезни дедушки. Появляется и более полный портрет главного героя: «...коренастый, крепенький, как гриб-боровик...». Рекомендуем комментированное чтение отрывков из данной главы. Она даёт яркое представление о жизни села в военные годы, о людях той далёкой поры. Дети должны почувствовать, как замечательны были эти люди, как мастерски создал их образы писатель. Не в каждом произведении есть подобное. Следует попытаться выявить черты характера главного героя, подтвердив примерами из текста. Это будет работа по воспитанию характера юных читателей, так как рассказы сборника имеют большое воспитательное значение.

Рассказ «Вечером, под праздник» интересен тем, что в его содержание включено письмо на фронт. В нём повествование в двух временных рамках: довоенной и послевоенной жизни села. Антитеза позволяет увидеть и понять ценность мирной жизни. Эта жизнеутверждающая позиция автора очень важна для воспитания подрастающего поколения.

Композиция сборника отличается строгой последовательностью. Первые две главы посвящены довоенному времени – это своего рода экспозиция. В последней главе мы видим долгожданную победу – май 1945 года. Все центральные главы – военное время. Взросление героев происходит на фоне военных лет. Лаконично, талантливо, мастерски изображена жизнь посёлка. Горька эта жизнь. Горькие шанежки. Это оксюморон – сладкие, пахнущие мёдом шанежки дедушка называет горькими. Почему? На этот и другие вопросы предлагаем ответить учащимся. Их сверстникам в те трудные годы совсем не кажется жизнь горькой: они учатся в школе, помогают старшим, шалят, у них много своих ребячьих дел, но на них ложится ответственность за жизнь семьи. Эта мысль проходит красной нитью через многие рассказы. Дети должны привести примеры, пересказать эпизоды, подтверждающие это.

Большое значение в понимании идейного содержания сборника рассказов «Горькие шанежки» имеет словарная работа. Она может идти в разных аспектах. Одна группа учащихся работает над составлением словарика, в котором будет собрана лексика разных тематических групп, например, наименования продуктов, блюд и напитков, растений, употребляемых в пищу: *озадатки, кислика, шанежки, шаньги* и т. д. Другая группа находит слова, характеризующие уклад жизни, описанный в сборнике: *крупорушка, лукошко, стайка, торбочка, картуз, оглобля* и др. Слова нужно не только собрать, но и объяснить их значение и, если возможно, происхождение. После выполнения лексической работы ученики ярко, в деталях представляют картину жизни далёкого от них времени.

Большой интерес в воспитательном плане представляет работа с афоризмами, которые мы находим в каждом рассказе: *Сноровка – дело наживное; Силой да дурью в работе не совладать; В любом деле терпение требуется.* Их мы слышим из уст дедушки, который растит внука.

Можно предложить составить кроссворд. В классе на доске вертикально по буквам пишется имя автора (Борис Машук), и к каждой букве подбирается название одного из рассказов. Дети называют рассказ и кратко передают сюжет, заинтересовывая этим других, поощряя тем самым к прочтению. Примерный перечень рассказов: «*Мужики*», «*Жаркий день*», «*Ошибка*», «*Крушение*», «*Конфуз*», «*Ботинки*», «*Горькие шанежки*», «*У родника*», «*Шуркина борозда*», «*За кислицей-травой*».

Учащиеся делают вывод о том, что, знакомясь рассказами, можно наблюдать за внутренним ростом героев, за их ростом, мужанием, видеть, какие открытия житейской мудрости делают они. Просим детей привести примеры. Например, в рассказе «За кислицей-травой» Шурка Орлов (прообраз автора) узнал, что зимою жить скучнее, чем летом, что на короткой дороге интересного меньше, чем на длинной.

В рассказах писателя многие факты и события не выдуманы, их очевидцем был сам автор, они имели место в действительности (рассказы «Крушение», «Взрыв» и др.). С негодованием читаем мы о злой, бессердечной молодой учительнице, от которой отворачиваются и дети, и взрослые. На фоне её образа ученики во сто крат добрее, порядочнее и милее (рассказ «Ошибка»).

В сборнике «Горькие шанежки» автор предстаёт добрым, любящим жизнь и людей человеком.

Таким образом, литература родного края помогает детям прикоснуться к жизни в лучшем её проявлении, доступном, интересном, поучительном. Она помогает воспитывать высоко нравственного человека, учит любить родной край, малую родину.

ЛИТЕРАТУРА

1. Машук Б.А. Горькие шанежки: Рассказы. М.: Дет. лит., 1988. 207с.
2. Лебедев Б. Уверенное начало: Заметки о творчестве Бориса Машука // Амур. правда. 1974. 19 мая.
3. Носов Е. Борис Машук: Краткий очерк творчества // Мы – молодые. М, 1976. Вып. 4. С. 188.
4. Леонов Б. Обращен к современности // Литературная Россия. 1977. 1 янв. С. 16.
5. Маслов О. О времени в полный голос: к 50-летию Б. А. Машука // Амурская правда. 1987. 13 февр.
6. Б. А. Машуку – 50 лет // Дальний Восток. 1987. № 2. С. 159.
7. Певцу Приамурья: к 50-летию со дня рождения Б. А. Машука // Литературная Россия. 1987. 20 февр. С. 4.

УДК 372.881.161

Н.В. Лагута, Т.В. Самойленко

ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ПРЕДЛОГОВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

В статье рассмотрены русские предлоги с пространственным значением В, НА, ИЗ, С. На основании лексико-грамматического и семантического анализа обосновывается исполь-

зование синтезированного подхода при изучении пространственных предлогов на уроках РКИ с опорой на родной язык учащихся – китайский.

Ключевые слова: категория пространства, место, направление, предлог, статические и динамические глаголы, предложно-падежная система имени

The article comments upon the usage of spatial prepositions (v, na, iz, s). It proves the synthesized approach to the study of spatial prepositions on the basis of lexical, grammatical and semantic analysis at the lessons of Russian language with the help of native Chinese language.

Key words: category of space, place, statistic and dynamic verbs, prepositional system of a noun, case system of a noun.

Пространство – это философская категория, отражающая свойства материальных явлений: где-то находиться, как-то располагаться, обладать какой-то формой. Выражает способ существования материи [1]. Категорией пространства интересовались ученые разных областей гуманитарных и естественно-технических наук. Применительно к лингвистике пространство можно рассматривать как категорию, отражающую местонахождение (зону, участок) каких-либо объектов действительности относительно субъекта, вступающего с ними в субъектно-объектные отношения, или относительно друг друга (объектно-объектные отношения), а также как характеристику расстояния между ними (протяженность, даль, близь). В истории лингвистики пространство интересовало ученых прежде всего как грамматическая категория, однако современная антропоцентрическая парадигма выводит исследователей на другой уровень – на связь членения пространства с сознанием человека, культурой и языком этносов. Относительно представлений о пространстве, входящих в картину мира каждого этноса, Г. Гачев отмечает, что Россия – это «бесконечный простор», тогда как Китай можно назвать «бесконечным утеснением» [2, с. 62]. Пространство России – не только материальная, но и моральная, духовная категория. Александр Дугин отмечал, что «отношение к пространству у русских особое, подчеркнуто священное и даже антиутилитарное – русские никогда не стремились эксплуатировать свои земли, извлекать из них максимальную выгоду. Русские – хранители пространства, а не расчетливые колонизаторы или добытчики» [цит. по 3]. Китайцы же имеют эгоцентрическое замкнутое представление о пространстве и мире, которое они неустанно заполняют, надстраивая и уплотняя объекты пространства, не выходя за границы.

Сопоставление языковых картин мира этносов и, в частности, лексико-семантических наполнений такой ключевой категории, как пространство, способствует укреплению и повышению продуктивности межкультурной коммуникации, в практическом плане – совершенствованию методики обучения русскому языку как иностранному. Целью данной статьи является рассмотрение предлогов с пространственным значением в лексико-грамматической системе русского языка при изучении его как иностранного.

В русском языке предлог – это «служебная часть речи, объединяющая слова, которые в сочетании с косвенными падежами имен существительных (местоимений, числительных, склоняемых субстантивированных слов) выражают различные отношения между формами имени и другими словами в словосочетании и предложении» [4, с.310]. Словарь современно-

го китайского языка (现代汉语规范词典) определяет предлог как «разновидность служебных слов, которая ставится перед существительным, местоимением или существительным-словосочетанием, указывает на время, место, способ, цель, относительность или сравнение самих субъектов или их действий» [5, с.1105]. Как и предлоги в русском языке, предлоги в китайском языке организуют текст, осуществляя синтаксическую связь между словами, выражают отношения между неоднородными членами предложения, в зависимости от направленности выражения отношений, подразделяются на разряды или группы.

В русском языке пространство подразумевает либо место (Где? *В университете, на улице*), либо направление движения: «отсюда – туда» (Куда? *В школу*) и «оттуда – сюда» (Откуда? *Из магазина*) (см. табл.1).

Таблица 1.

Пространство		
направление		место
Куда?	Откуда?	Где?

В русской грамматике место (Где?) и направления движения (Куда? и Откуда?) выражаются с помощью разных предлогов и разных падежей существительного, следующего за предлогом. Место (Где?) всегда выражается посредством предложного падежа имени, следующего за определенным предлогом; направление движения «Куда?» всегда требует винительного падежа имени (для неодушевленных предметов), а направление движения «Откуда?» – родительного падежа имени, следующего за предлогом. Чтобы правильно понять, о чем идет речь в предложении – о месте или о направлении – и суметь правильно задать вопрос, в соответствии с алгоритмом И. И. Арбузовой [6, с.8], нужно:

1. Посмотреть, есть в предложении глагол или нет. Если глагол есть, то надо определить, какой он: динамический или статический.

1.1. Если глагол в предложении отсутствует или он статический, значит, речь однозначно идет о месте (Где?): *Он учится в университете.*

1.2. Если глагол динамический, то нужно понять характер этого движения: однонаправленное это движение или разнонаправленное.

1.2.1. Однонаправленное движение означает направление (Куда? или Откуда?): *Он пришел в университет. Она вышла из университета.*

1.2.2. Разнонаправленное движение означает, что речь может идти как о месте, так и о направлении. Тогда нужно дополнительно выяснить, указана в предложении цель движения или его исходная точка. Если движение целенаправленное, значит, речь идет о направлении: *Ездить в Москву*; если нет – это место: *Ездить в Москве.*

Одни и те же глаголы могут требовать управления с различными синонимичными предлогами. Выбор необходимого предлога из списка подходящих обуславливается лексическим значением и спецификой употребления имени существительного в необходимом падеже.

По данным Нового частотного словаря русской лексики О.Н. Ляшковой, С.А. Шарова [7], наиболее частотными предлогами с пространственным значением являются предлоги **в**, **на**, **из**, **с**:

предлог	Антоним
В (31374,2 ipm)	Из (4314,1 ipm)
На (15867,3 ipm)	С (11311,9 ipm)

На уроках РКИ при изучении данных предлогов, на наш взгляд, целесообразно использовать интегрированный подход, включающий работу с семантикой, грамматическими формулами, с одной стороны, и параллельными конструкциями в родном языке учащихся, с другой. Следующая таблица позволяет использовать данный подход в практике преподавания русских предлогов пространственного значения в иноязычной (китаеязычной) аудитории.

Таблица 2

Лексическое значение и грамматическая формула	
В	На
1. Указывает на место, пространство, местоимение, среду, сферу деятельности и т.п. в пределах или внутри которых находится кто-, что-л., происходит что-л. В + Предл. п. – место (Где?): <i>Жить в деревне</i> 住在农村 在...[里] zai... [lǐ], 里 lǐ 2. Указывает на направленность движения, действия, состояния внутрь, в пределы или вверх чего-л. В + Вин. п. – направление (Куда?): <i>Положить в кошелёк</i> 装腰里 <i>Пойти в театр.</i> 向 xiang, 到 dao, 里 lǐ 3. Указывает на количество, размер, расстояние, состав, меру и т.п. чего-л. Указывает на соотношение величин [8]. В + Предл. п. им. числительного (Где?): <i>В двух шагах от метро. В два раза длиннее. В сто раз ближе.</i> 离 li	1. Указывает на место, где что-л. находится, располагается, происходит. На + Предл. п. – место (Где?): (сверху, на поверхности, при обозначении места, пространства и т.п.) 在...上[面] zai...shang[mian] <i>Сидеть на стуле</i> 在椅子上坐着 <i>Лежать на кровати</i> 躺在床上 2. Указывает на предмет, место, явление, лицо и т.п., на которые направлено действие. На + Вин. п. (Предл. п.) – направление (Куда?): (при обозначении направления) 往...上[面] wang.shang[mian], 到...上 dao...shang <i>Сесть на стул</i> 坐到椅子上 <i>Лечь на кровать</i> 躺到床上 3. Указывает на количество, меру кого-, чего-л. На + Вин. п. <i>Комната на двоих</i> 两个人住的房间 <i>Обед на пять персон</i> 开五位人的饭 4. Указывает на место, область, сферу проявления какого-л. свойства, чувства, состояния [8]. На + Предл. п. (Вин. п.): <i>На сердце радостно</i> 心里乐开花 <i>Он делает заметки на уроке</i> 他上课记笔记

Сопоставляя пространственные предлоги **в** и **на**, необходимо говорить о том, что для студентов-китайцев употребление данных предлогов будет представлять особенную сложность, поскольку с формальной точки зрения (с точки зрения грамматики) они одинаковы: оба предлога передают информацию либо о месте (Где?), либо о направлении (Куда?), в зависимости от падежа следующего за ним существительного. Если после предлога **в** или **на** существительное стоит в винительном падеже, то предлог передает направление, а если в предложном падеже, то место.

Несмотря на идентичность грамматических схем выражения места и направления, предлоги **в** и **на** кардинально различаются по семантике, что отражено в их лексических значениях. Предлог **в** указывает на место, пространство,местилище, среду, сферу деятельности и т.п. в пределах или внутри которых находится кто-, что-л., происходит что-л. (*Жить в Рязани. Гулять в парке. Купаться в реке*) или указывает на направленность движения, действия, состояния внутрь, в пределы или вверх чего-л. (*Положить в стол. Пойти в театр*), то есть предлог **в** означает нахождение внутри четких физических или административных границ или направление туда. Предлог **на** соответственно означает нахождение вне четких физических или административных границ, снаружи, на открытом воздухе (*На крыше. На рынке*). Дополнительное значение предлога **на** – это указание на место, область, сферу проявления какого-л. свойства, чувства, состояния (*Всегда с улыбкой на лице. На сердце тяжесть. Взять грех на душу. На уроке*).

Общее правило употребления предлогов **в** и **на** [6, с.11]:

Таблица 3

в	– внутри (четко очерченные границы места): <i>в здании</i>
на	– снаружи (вне четко очерченных границ места): <i>на улице</i> – процесс, требующий времени: <i>на лекции</i>

Чтобы помочь учащимся запомнить данное правило, целесообразно провести параллель с их родным языком, поскольку:

В = zai 在

На = в + ∞ = 在 zai + 上 shang

Эта формула обоснована тем, что локатив 上 shang обозначает «на поверхности чего-либо».

При рассмотрении предлогов **из** и **с** представляется возможным составить аналогичную таблицу.

Таблица 4

Лексическое значение и грамматическая формула	
из	с
1. Обозначает направление действия от куда-л., указывает на источник, место, откуда исходит что-л. // Указывает на преодоление границ, пределов и т. п. чего-л. Откуда? из + Род.п.: <i>Достать из кармана. Поезд из Москвы. Молоко убежало из кастрюли. Река вы-</i>	1. Указывает на место, предмет, лицо, явление и т.п., откуда направлено движение или действие. Откуда? с + Р. п.: <i>Приехать с Урала. Прийти с улицы.</i> 从 c yng, 自 z m

шла из берегов. 从 cyng, 由 yu 2. (обычно в опр. или в сказ.). Указывает на принадлежность, происхождение лица, предмета и т. п. откуда-л. [8]. Откуда? из + Род. п.: <i>Родом из Новгорода. Чай из Грузии.</i> 从 cyng, 自 zm	2. Указывает на место возникновения, происхождения и т.п. какого-л. предмета, лица, признака [8]. Откуда? с + Р. п.: <i>Картина с выставки. Рабочий с завода.</i> 从 cyng, 自 zm
--	---

Пространственный предлог **из**, антоним предлога **в**, в русском языке используется, чтобы показать направление «оттуда – сюда», т.е. обозначая направление действия откуда-либо, указывает на источник, место, откуда исходит что-либо (*Достать из кармана. Поезд из Москвы*), на принадлежность, происхождение лица, предмета и т. п. (*Родом из Новгорода. Чай из Грузии*), а также указывает на преодоление границ, пределов чего-либо и т. п. (*Молоко убежало из кастрюли. Река вышла из берегов*). Предлог **из** обязан употребляться с теми же существительными, с которыми работает его антоним – предлог **в**. Предлог **из** всегда употребляется с существительным в родительном падеже.

Как и пространственный предлог **из**, предлог **с**, антоним предлога **на**, в русском языке используется для передачи направления «оттуда – сюда» (*Приехать с Урала. Прийти с улицы*), указывает на место возникновения, происхождения и т.п. какого-либо предмета, лица, признака (*Картина с выставки. Рабочий с завода*). Однако предлог **на** указывает на нахождение чего-либо на поверхности или о направлении движения вверх. Значит, его антоним, предлог **с**, сигнализирует об удалении с поверхности или о направлении движения вниз. Предлог **с** обязан употребляться с теми же существительными, с которыми работает его антоним – предлог **на**.

Исходя из различий предлогов **в** и **на** и общности лексических групп, с которыми употребляются антонимичные пары **в – из** и **на – с**, необходимо определить специфику их употребления, которая поможет учащимся при выборе необходимого предлога [6, с.12].

Таблица 5

Специфика употребления	
В-ИЗ	На-С
1. Континент (<i>Евразия; Австралия</i>). 2. Страна, республика, государство (<i>Англия, Россия, Индия</i>). 3. Область, район, провинция, штат (<i>Амурская область, провинция Хэйлунцзян</i>). 4. Город, деревня (<i>Москва, Пекин</i>). 5. Учреждение, здание (<i>музей, театр, школа, университет</i>). 6. Пространство – внутри (<i>дом, комната, парк, сад, лес</i>).	1. Сторона света (<i>запад, восток</i>). 2. Улица, площадь, бульвар, остановка (<i>Красная площадь, Садовая улица</i>). 3. Предприятие (<i>почта, вокзал</i>). 4. Мероприятие (<i>собрание, выставка, концерт</i>). 5. Факультет, курс (<i>химический факультет</i>). 6. Поверхность – сверху (<i>пол, потолок, стена, земля</i>) или направление – вверх (<i>этаж, дерево, крыша, гора</i>). 7. Остров, берег (<i>реки, моря, озера</i>), территория, родина.

Для предотвращения трудностей при употреблении предлогов **из** и **с** рекомендуется тщательно закрепить на практике особенности употребления предлогов **в** и **на**, затем проработать упражнения на антонимические пары и только после этого давать задания на различение предлогов **из** и **с** без опоры на их антонимы.

Таким образом, существует два подхода к изучению предлогов: через глаголы и через имена существительные в парадигме склонения. Наиболее удачным будет синтезированный подход, в котором на первом этапе анализируется глагол, а на втором – имя существительное. Например:

Я нахожусь (магазин).

Первый этап синтезированного подхода (или подход к изучению предлогов через глаголы) – анализ глагола: глагол *находиться* (在) – статический, выражает значение места (где?).

Первый этап синтезированного подхода (или подход к изучению предлогов через глаголы) – анализ глагола с привлечением сведений из родного языка обучающихся: глагол *находиться* (在) в китайском языке – статический, выражает значение места (где?), имеет лексическое значение “быть в”, “находиться в”. Данный этап, как представляется, может благоприятно повлиять на мотивацию студентов, помочь им адаптироваться к лексико-грамматической системе изучаемого языка. При рассмотрении глаголов становится возможным вычленить группу предлогов, схожих по значению, но не выбрать из перечня русских предлогов необходимый. В данном случае глагол, называя место, в русском языке требует управления именем в предложном падеже и оперирует двумя предлогами: **в** и **на**.

На основании двойного употребления конструкции с предложным падежом в значении места (соответственно, предлоги **в** и **на**), обоснован переход ко второму этапу анализа. Вторым этапом – это рассмотрение семантики имени, входящего в глагольное управление при идентичных грамматических конструкциях. В примере необходимо рассмотреть семантику слова *магазин*. Магазин – имя существительное, обозначающее «место (помещение, здание) с четко очерченными границами» (см. табл. 3,5), следовательно, учащиеся должны выбрать предлог **в**.

Схема анализа:

Я нахожусь (магазин).

1. Глагол *находиться* 在 – статический, выражает значение места (где?)
2. Я нахожусь +предлог+Предл. п.
3. Предлог + Предл. п.:
 - А) в + Предл. п.
 - Б) на + Предл. п.
4. Магазин – имя существительное, «обозначающее место с четко очерченными границами», следовательно, выбираем предлог **в**, который имеет указание на четко очерченные границы.

Помогает и привлечение знаний из родного языка учащихся – китайского: глагол-предлог 在 – «быть в», «находиться в».

Я нахожусь **в** магазине.

Практика обучения русскому языку при помощи синтезированного подхода с опорой на родной язык обучающихся демонстрирует его целесообразность и способность сформировать навыки владения пространственными предлогами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Краткий энциклопедический словарь философских терминов [Электронный ресурс] П. В. Кикель, Э. М. Сорооко. Минск: БГПУ, 2006. URL:<http://www.term.ru/dictionary/176/word/prostranstvo> (дата обращения: 13.12.2014).
2. Гачев Г.Д. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии. М., 1994. № 12. С. 59-78.
3. Лавров С. Пространство России: мифы и реальность [Электронный ресурс] // «Русский архипелаг» сетевой проект «Русского мира». URL:<http://www.archipelag.ru/agenda/povestka/myth/area/> (дата обращения: 1.01.2015).
4. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. Изд. 2-е. М.: Просвещение. 1976, 543 с.
5. Словарь современного китайского языка, "现代汉语词典",商务印书馆, 北京 - Commercial Press, Beijing, 2005, 1959 с.
6. Арбузова И.И. Основные русские пространственные предлоги и приставки: учебное пособие для иностранных учащихся. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2013. 73с.
7. Ляшевская О.Н., С. А. Шаров. Частотный словарь современного русского языка (на материале Национального корпуса русского языка). М.: Азбуквник, 2009. 1112 с.
8. Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс] // Гл. ред. С. А. Кузнецов. Первое издание: СПб.: Норинт, 1998. Публикуется в авторской редакции 2009 года. URL:<http://www.gramota.ru/slovari/dic> (дата обращения: 13.11.2014).

УДК 800.86/87; 801.3

К. С. Будников

РЫБОЛОВНЫЕ И ЛЕСНЫЕ ПРОМЫСЛЫ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ ИВАНОВСКОГО И БЛАГОВЕЩЕНСКОГО РАЙОНОВ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ЛЕКСИКЕ ГОВОРОВ

В статье рассматриваются основные промыслы жителей сел Ивановского и Благовещенских районов Амурской области, а также специфика их отражения в лексике говоров. Выявляются способы образования лексем, имеющих отношение к видам промысла.

Ключевые слова: Приамурье, Амурская область, рыболовство, ягодный промысел, грибовой промысел, диалект, лексика, лексико-семантическая группа.

The article discusses the main inhabitants of the villages of Ivanovo crafts and areas of the Annunciation of the Amur region, as well as the specifics of their reflection in the vocabulary of dialects. Identified methods of forming tokens, pertaining to the types of fishing.

Key words: Priamurie, Amur Region, fishing, plucking, mushrooming, dialect, vocabulary, leksiko-semantic group.

Жители сел живут в постоянном взаимодействии с природой. Они ближе к ней, чем жители городов. Сельчанам постоянно пользуются дарами природы: рыбой, грибами и ягодами. Именно рыболовство и собирательство грибов и ягод являются одними из главных видов промысла в деревне. Тесное взаимодействие человека с природой порождает возникно-

вание в говорах особых наименований грибов, ягод, рыбы, приспособлений для их сбора и лова.

Статья написана по материалам фольклорно-диалектологической экспедиции филологов Амурского государственного университета летом 2014 г. в села Ивановского и Благовещенского районов Амурской области, участником которой являлся автор.

Важное место в жизни амурского мужчины-крестьянина занимает рыбалка. Две большие реки Приамурья – Амур и Зея – богаты разными видами рыб. Большинство деревенских мужчин рыбачат с детства, поэтому они знают все виды рыбы, обитающей в близлежащих водоёмах, и всевозможные приспособления для ловли: от обычных удочек до мордуш.

Так, вокруг села Семиозёрка очень много водоемов, и многие жители села говорят, что вокруг их села находится 77 озёр. Евгений Иванович Костиков – рыбак, он знает множество интересных слов, относящихся к рыбной ловле: названия рыб, снастей, способов лова. Сначала Евгений Иванович рассказал об очень распространенной в нашем регионе рыбе: *«Он на блёску. Он хищный... По 10 килоурамм. Ну так, больше не ловили. Рыба такая – вертоуляд. Он в воде видать, иураеть. Хорошее мясо».*

Вертоуляд – так называет Костиков Евгений Иванович верхогляда – пресноводную рыбу семейства карповых. Евгений Иванович не знает, почему так называется эта рыба, может быть, потому, что «смотрит вверх».

Также от него мы узнаем, какую рыбу называют царской: *«Коуда в хату затащили – метра два. Вот такой. Костей нет, один хрящ – царская рыба называется, царь ел. Осетры».* Осетра он называет царской рыбой из-за того, что ранее его подавали только на царские пиры. Действительно, в царские времена рыбы семейства осетровых считались деликатесом, однако царь ел не осетра, а стерлядь. Осетра ели чины поменьше.

Ловили в селах и других представителей осетровых: *«Калужата здесь были. Калужата как. Маленькие, а потом растут. На сто килоурамм. На сто килоурамм вытянул. Не знаю, не перевешали. На два метра длиньки».*

Калужата – уменьшительно-ласкательное наименование вида-эндемика *амурская калуга* [1]. Эта рыба является родственником осетра и имеет свойственные семейству осетровых большие размеры. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой зафиксировано слово *калуга* в значении «крупная рыба семейства осетровых», но слова *калужонок* нет, что говорит о его особом языковом статусе [2].

Встречается в местных озерах и *змееголов*: *«Змееголов рыба. Вот мне Витя давал такого. Он подвид сома, голова только побольше. А чё он так называется змееголов... Ну чё, рыба так рыба. Я знаю, что книуа и тут рыба вот нарисована, внизу подписана – змееголов. Спина вся чёрная, бок чёрный, он на рыбу не похожий. А потому уворя(т) - змееголов».*

Змееголов – это пресноводная рыба семейства змееголовых. Евгений Иванович называет змееголова подвидом сома, что не является верным, т.к. эти рыбы относятся к разным семействам. Единственное, что их объединяет, – они обитают на дне водоема.

Евгений Иванович рассказал также и про снасти, которые используют при ловле рыбы: *«Тут делают бредень такой – саип назывался. Метра два... Саип... Ну вот, как его, не знаю, саип. Вот так его привязывают, а суда – мотня. А потом рыба спускается, вся туда –*

в этот саип, к мотне. Там метра два, чтоб ... короче сделать, так, может, рыба назад уйдёт, а этот – всё. Это колхозные старики делали».

Отметим, что слово с близким значением зарегистрировано в Этимологическом словаре русского языка М. Фасмера: саип – «рыболовная сеть или мережа. Слово тобольского происхождения. Также из ханты saip» [3].

Еще одна распространённая среди рыболовов села снасть – *перемёт*: «*Перемёт ставится – нитка такая. Вот эта нитка – десять метров. Вот тут крючок вот так, большой крючок. И мелкую рыбу ловили, голянов. И вот эта голянов наживали, крючков пять-шесть, шесть голянов нажили – протянуть*».

Не только мужчины могут рассказать о рыбалке. Еще одно слово мы узнали от Антонины Андреевны Скрипаль из села Новопетровка: «*Не, раньше не было. Раньше не было сеток. Это сейчас Китай снабжает сетками... Вязали вентерь какие-то. Вентерь... Вентерь... Вентерь назывался вентерь. Да почти такое... Мордуша*».

Многие не проводят принципиального отличия между *мордушей* и *вентерем*, ведь принцип действия этих снастей одинаков, и отличаются они только формой. Слово *вентерь* гораздо менее частотно, чем слово *мордуша*, и воспринимается носителями языка как нелитературное. На самом же деле это не так. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой есть словарная статья, посвященная слову *вентерь*, причём слово не сопровождается какими-либо пометами, ограничивающими его употребление: вентерь, -я, мн. -и, -ей и -я, -ей, м. Рыболовная снасть в виде суживающейся книзу сети на обручах, мережа [2].

Жительница села Богородское Зинаида Фёдоровна Федорищева рассказала о рыбе *чубак*: «*Таких чубаков привезли. Рыбка такая – чубаки. Она идёт так... Косяком идёт... Ну такая вот узенькая, чешуя у неё меленькая такая. Подвид кильки*».

Возможно, *чубак* – это вариант слова *чебак* – мелкая карповая рыба. М. Фасмер даёт такую этимологию этого слова: «Заимств. из тюрк., ср. тат., алт., тел., леб., карач., чагат. čabak "плотва", "определенная маленькая рыбка» [3]. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля значение этого слова такое: «ЧЕБАК. муж. чебачок, умалит. рыба породы карпий, сазанов, коропов, *Cyprinus barbus*» [1].

Рыбалка является, наверное, главным промыслом в деревне, которая находится близко от реки, ведь рыбу можно ловить в любой сезон. Однако собирание ягод и грибов тоже распространено среди жителей приамурских и призейских села. Одна из самых распространённых ягод – *дурнопьян*. О ней рассказала Вера Чеславовна из селе Новопетровка: «*И эта голубика была... Это было на болоте. У нас называется не голубица, а дурнопьян. Да, дурнопьян. Ей крепко наешься, голова болить. Дурнопьян называется*». Если слишком много наесться этой ягодой, то появится чувство, близкое к состоянию алкогольного опьянения. Интернет-ресурс Википедия сообщает о том, что голубика имеет такие общеупотребительные и местные названия, как *водопьянка*, *пьяная ягода*, *пьяника*, *пьяница*.

Наталья Васильевна Горлубцова рассказала нам про ягоду *шупшину*: «*Шупшина – шиповник, ага*». Дело в том, что *шупшина* – одно из наименований шиповника, возможно, заимствованное из украинского языка, т.к. *шипоник* по-украински – *шупшина*.

От Клавдии Ивановны Будник из села Крещеновка нам стало известно о грибах *подобобаках*: «*Подобабки. У вас они обабки, а у нас подобабки*».

Подобабок – это то же, что подберёзовик: «В разных местах этот гриб называют по-разному: березовик, черный гриб, осовик, колосовик, серый гриб, обабок, бабка, подобабок» [4].

Используют в современных селах Приамурья и название ягоды *поречка*: «Поречки. Здесь растут они тоже. Они, знаете, вкусные такие. Они, прямо веточка, веточками, и висят прям на веточке. Миленькие, красные таки». Нами было выяснено, что название *поречка* используется в украинском и белорусском языках. Известно, что оно означает «растущий вдоль реки». *Поречкой* называют смородину. Это слово отмечено и в Смоленской области. В книге В. Ф. Барашкова «А у вас как говорят» указано на многообразие названий этой ягоды: «литературное *смородина* и диалектные названия *киселка* (Псков), *поречка* (Смоленск), красную смородину в Архангельской области зовут *кислицей*, в Новгородской и Вологодской – *княжихой*, в Смоленской – *поречкой*, а в Карелии – *сестрянкой*» [5].

Полевой опыт показал, что различные промыслы являются важнейшей частью жизни современной деревни, и это отражается в языке сельских жителей через использование большого количества диалектных наименований рыб и рыболовных снастей, ягод и грибов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 ч. СПб.: 1863-1866.
2. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: АЗЪ, 1993. 750 с.
3. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / перевод с немецкого и дополнения О.Н. Трубачева. М.: Прогресс, 1986. Т. 1-4.
4. Горленко М.В. и др. Грибы СССР. М., 1980. 303 с.
5. Барашков В. Ф. А у вас как говорят? М., 1986. 73 с.

70-ЛЕТИЮ ПОБЕДЫ В ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Это событие не может оставить равнодушным ни одного человека, ибо желающий войны вряд ли может быть назван человеком. Нет ни одной семьи в нашей стране, по которой бы не прошла война своей тяжелой поступью, не отобрала отца, сына, мужа, брата, деда...

Эта Победа – самый большой и действительно настоящий гражданский праздник в современной России. Праздник, когда совершенно определенно представляешь, что празднуешь: празднуешь жизнь, которая продолжается. Это праздник, говоря уже ставшим стандартным выражением, «со слезами на глазах» и с гордостью в сердце за свой народ. Это праздник исконной русской соборности в великом событии, горьком и радостном, послужившем народному объединению и воссоединению. Это праздник народной Победы. Такой эпитет – народная! – актуализировался в этом году, и это не случайно. Перед лицом мира, и перед лицом славянского мира в том числе, мы – единое целое, мы русский народ, мы сильные, мы правы, мы верим и мы помним.

Русский народ – это обширное понятие. Русский народ, наверное, слишком велик, чтобы заниматься поисками своей идентичности как русских и отделяться после по этому признаку от других: не-русских.

Русский народ – это скорее духовное понятие, нежели собственно национальное, потому что оно предполагает некую общность мироощущения и возможность приятия другого мира в свой мир, не боясь потеряться в этом другом, что в конечном итоге определяет и объясняет понятие широкой русской души.

Народная победа 1945 года – это долгожданный и справедливый итог долгой войны против жизни на нашей русской земле, а также украинской, белорусской, казахской, грузинской, киргизской, узбекской и всей другой, которая за нами и с нами стояла.

Народная боль – в рассказах русских людей, помнящих ее разрушительную силу и горечь потерь.

Эти рассказы мы собирали на протяжении всех наших экспедиций в села Амурской области, начиная с 2000 г., публиковали в нашем альманахе, сохраняли в фоноархиве лаборатории региональной лингвистики Амурского государственного университета и в расшифрованных дневниковых записях. Кроме того, что это уникальный лингвистический материал, это еще и уникальный человеческий материал, запечатлевший память о страшной войне, которую нужно знать и делать все возможное, чтобы не было ее повторения. Мы можем писать и говорить о ней, не давая тем самым забыть.

Раздел этого выпуска альманаха, посвященный Великой Победе, – дань подвигу нашего народа, дань его силе и мужеству пережить эту войну и выжить.

Мы публикуем в этом разделе воспоминания жителей сел Амурской области о Великой Отечественной войне, подготовленные к печати Д.Н. Галимовой, для которой как человека высокогражданственного тема войны была всегда особенной во время наших поездок по се-

лам Амурской области – её темой. Также мы предлагаем вниманию читателя два публицистических материала, ранее опубликованных в российских газетах. Первый – в продолжение темы пережитой в оккупации войны – пережитый сердцем и художественно осмысленный сюжет из собственной жизни. Это статья А. Ярошенко о своей матери и ее семье, в послевоенное время переселившейся на Дальний Восток – о судьбе семьи, типично трудной для людей, бежавших с родного запада России на далекий неизвестный и чужой восток, «к самым китайцам», бежавших по сути от пережитой войны и ее последствий. Вторая статья – это воспоминания сибиряка М. Белоусова о своем военном детстве в сибирской деревне и своем раннем взрослении в нелегких условиях военного тыла.

Чтобы не забыть.

Е.А. Оглезнева

Д.Н. Галимова

ВОСПОМИНАНИЯ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ АМУРСКОЙ ОБЛАСТИ О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

Эти воспоминания записаны от жителей Амурской области, оказавшихся во время военных действий на оккупированных фашистами территориях – в западной части России и на Украине.

Наши информанты – женщины в возрасте от 75 до 90 лет. Великая Отечественная война, центральное событие российской истории XX в., стала ключевым событием их детства и юности. Их воспоминания отражают лишь небольшой фрагмент картины мира того периода. Это рассказы о начале войны; о жестокости немцев и об отношении советских граждан к ним, завоевателям; об отношении фашистов к пленным, русским и украинцам; о военном голоде и трудностях послевоенного времени – о той войне, которую видели женщины.

К сожалению, записанные воспоминания представляют страшное время войны отрывочно, неполно; время сглаживает эмоциональную память, и в приведенных текстах немало обобщений. Но и эти рассказы об отдельных эпизодах военного времени оказываются достаточно сильными и эмоциональными. Эти воспоминания помогут нам, не знавшим войны, лучше понять смысл жизни вообще и ценность мирной жизни, особенно сейчас, когда на карте Европы столкнулись интересы многих стран.

«Наших солдат унали пленных суток двое, без конца, день и ночь»

Сидоренко Надежда Петровна, 1933 г.р.,

с. Максимовка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Галимова Д.Н., Харлова И., 2011 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– А там, в селе у вас немцы стояли, получается?

– Два года.

– Два года были?

– Да.

– *А помните, как вот там, немцы очень жестокие были или как вот отношение было к народу?*

– Как судить? Сейчас вот прошли годы... Если бы немцы не были дураки и не сжижали людей в топках и в печках и не были такие жестокие, никогда б не победил Советский Союз немцев. Ни «катюшамы», ничем. Дело в том, что колхозы не любили. В колхозах работали задаром, за палочки, а потом всех больше работало женщин и молодёжь, а более-менее сильные мужики... «тройки» эти, судилища бесконечные, все это... прыдирки – мобилизовывались и увольнялись на большие сроки.

– *А вот когда немцы стояли, были из сельских предатели какие-то?*

– Были.

– *Ну, а сельчане их...*

– Относительно обходили. Была у нас такая в школе пионервожатая, ой, как её? Забыла. Катерина Немышина. Вспомнила. Она работала, а немцы пришли – брат её стал полицаем. Ну, он не бушевал сильно, ну, у немцев служил. Вот. А отец был, когда был царский период, стояли в улу иконы. Ыконы, целый ыконостас. В улу. Свечка, лампада горела. И он, Немышин, почему их так звали, они были Крапывник фамилия, а это... Немышины – он немой. Ну, он немой был. И вот куда он умер, его стали хоронить, дак похоронили в ящике, не в уробу. Вот. И впереди поп шёл, а сзади скрипку играли. Смеялись над ним, даже над мёртвым люди издевались. Брата повесили на Крещатике в Киеве, а ей, она женщина, куда семья клонилась... Ничё, так она и состарилась.

– *Помните, как вот немцы пришли в село?*

– Как немцы прышли, я усей пасла, вот. Мамка снопы вязала в колхозе, отец косил. И бежит на вороном коне бригадир и кричит: «Война-а! Война-а!» Все всё побросали и на площадь. Прибежали, выступает Молотоў: «Ураждане! Уважаемые! Родные!» Ой. Не хочу.

– *Но потом наши освобождали, приходили, да, войска? Постепенно или разом?*

– Нет, нет, не сразу немцы зашли. Двадцать второго Киев бомбили, Брест, Ленинград и ещё чё-то, пять городов бомбили. Это, а утром всех мужикоў, телеуи, подводы, продукты – и обоз пошёл на этот, на-а Киев. Куда увезли всех мужчин, остались одни бабы и деды. Ну, и дед Кисляк один остался, лет восемьдесят, больше никоуо не было на улице. Других улицах мы не беуали, не знали. Нельзя было. Потом через два или три дня все евреи с Киева прибежали, и в рубашках, и в комбинашках, и уолые, и бóые, ну в перстнях, в золоте все. И сидит. Вот, снимает (кольцо): «Дай мне, дай мне йисть». Ну, хохлушки не те люди, которые кидались на это золото. Не взяла ни одна. Ни одной перстень, ничеуо. Накормили, сказали: «Иди». Но прынять – их не прыняли. Почему? Потому что самим важно спастись и своих детей. Куда они делись, мы не знаем. Ну, мноуо жопаы сидели на этой траве на площади и: «Ой, дай, ой дай!» Вот такие, а когда прыдешь в Киев, на базар прыезжаешь, дак она ходит да пальчиком: «Это не такой, это не такой». Ну и вспомнили всё. Иди, иди. Не прыняли никоуо, даже и уоворить не о чём.

А потом уже зашли немцы. Как зашли немцы, наших солдат унали пленных суток двое, без конца, день и ночь. И женщины вставали, вот улица, у каждоуо плетень есть, из-за кустоу, чтоб немцы не видели, с собаками они шли. Кидали им вот так картошку, хлеб, свеклу, яблоки, уруши, хто чё поймает. Хлеб кидали булками, чтоб не разделились, не кусками ки-

нута раз. Немцы стреляли вверх – вначале. А потом один солдатик... напротив кладбища, Жуковы там жили, молодой был, вздумал бежать, и его убили. И убили его, вот так лежит, тут всё разворочено так, кров хлещет. Мы все бежали, матеря нас нарууали, а ночью пошли на кладбище, выкопали моуилу, вот, нашли три доски, вот, четыре, ночью унесли, положили еуо на доски, доскамы закрыли, уроба же нельзя сделать, подкопали вот тама так, вот, закрыли, потом траву положили. Собрали кров эту всю в ведро, всё это высыпали туда, заровняли, землю всю убрали, чтоб не... и травой вот так заросли. Не моуилку сделали, а ровно, чтоб немцы не искали, ни людей не тягали, ни его не беспокоились. Ну, ума не хватило ни у кого взять вот этот, ну, как у них?..

– *Жетон?*

– Жетон этот или как, вот в штанах зашитый. Вот. Ни у кого. Так никто и не знаю. А потом появились партизаны. И вот соседка была учительница, партизанов она связала. Она морду намазала сажей, уорб сделала какой-то, чтоб немцы... ну, красивой самой по себе была. Косы здоровые. Она еуо так намандатáчила (?) каким-то, вот. И всё, детям всем сказали: «Молчать! Это врауи. Всё». У дворе стоит у ворот, было так вон, ну калитки, там калитки какие-то, немец стоит, а кто-нибудь: «Можно к соседям?» До семи, до восьми вечера можно ходить, днём, а пока видно, а зимой меньше. «Можно?» Он это: «Шнель, шнель». Быстрей, быстрей иди. Вот пройдёт записка: туда положить то. Вот молча спекут хлеб, у коуо чё, и в стриуу, это, ну, сарай, покрытый соломой, и вот туда под... называется, соломенная (крыша), вот туда положили хлеб, ложили штаны, ложили валенки, ложили бинты, лекарства, всё. И если всё сделано, у калитки немец стоит и какая-нибудь выдумка – знак того, что всё сделано.

– *Повешено что-нибудь?*

– Ну или палку ставили, или, вроде, беуаешь, беуаешь и забудешь там чё-то такое, вот. Или тряпку положишь. Он думает, немец, что раз упал ребёнок, там, тряпку повесил. Вот и этот, значит, передавали. Иноуда прыходит, прыходили партизанки. Зоя была такая, тока не та Зоя, которая вот в песне, схватили немцы девушку Татьяну, повели в хату на допросы. Эти песни все знали тоуда, хоть ещё немцы были, все пели. «Священну войну» как «Отче наш» знали. Пели. И вот эта Катерина наша, потом Зойка появилась. Она пришла с головой – вшей полно. Кэросином уолову вымыли, ночь её отпаривали. Дали ещё дополнительно полотенце, дали ещё что, вроде, меняет она. Но и были, что и двух поймали. Вот. Ну, поймали парней. Вот. Каким образом, не знаю. Ну и повесили.

– *Повесили? Прямо в селе?*

– Прямо в селе, суюняли и повешали.

– *А сгоняли прямо народ?*

– С детей их же все с хаты, прыходят – ну и иди на площадь. Уолый, уолодный – иди туды. Всё равно. И стоишь, и смотришь на это всё. Какие нервы, какое здоровье. А после войны, война кончилась, дак не смей и слова сказать. У нас дом суюрел, отец прышёл в эту, к председателю в сельсовет, он уоворит: «Я тебя туда (на войну) не посылал». Вот и выехали сюда, потому что нас пять, учить надо, а мы уолодные и уолые. Ни штанов... я уже девушка была, у меня ни черта не было.

– *А немцы сами ушли постепенно или их выгоняли?*

— Када, конечно! Сами ушли!

— *Выгоняли?*

— Конечно. Был Ватутин. Мы копали окопы. От мэнэ до Борысполя, нас человек, наверно, сто пятьдесят таких было. От двенадцати до пятнадцати. А в шестнадцать лет уже шли на заводы, и работали, и болванки точили, и кирпич, это, делали, и всё делали, потому что оборону делали. Вот. А потом, это, выкопали, окопы, чтоб это, а потом Ватутин зашёл. Вот. Я Ватутина так видела, как вас. Он нам давал (нрзбр.), сахар. В такой шинэлье потрёпанной, фуражка такая, и в ўлазах у нею слёзы стояли, это вообще. Не понять. Вот так даёт, а сам плачет.

<...> Вот ўолодовка, шо не давали же, палочки были в колхозе, а чё, йисть-то чё надо было. Вот мы и встаём утром, мешки берём и... А скирда стоит, скирда большая, такой, как дом вот этот двухэтажный, это, двухквартирный. И когда скирдуют вот эти снопы, зерно падает, ну там же земля, вот прибеуаешь, вот так бух лицом в землю, эту тут и тут (показывает руками вокруг себя) — ты уже не смей, это моё. Сгребая, навею, скоко зерна, там, это полведра или ведро, и домой, чтоб никто тебя не знал, не видел. Почему? Потому что йисть надо было чё-то. А то чё, ўоворит, пекли? Вот так и пекли, делали. Потому что не успеют смолотить — всё на фронт, на фронт, на фронт. А после войны кому и как всё было помогать, когда у ней дома нет, и ни у коуо нет. Вся улица эта... И ўде чё взять? И завод надо строить, и ўород надо строить, и... А города... Шпалы, когда бомбили, шпалы вот эти, ой, шпалы, рэльсы! Вот так подымались на два километра, как свечки, ўорели. Вот, а за... а сады были уничтожены, потому что вот, напрымер, к нам прыходит солдат в военной форме, полна улица немцев, отступали, полна: танкы, самолёты. Он подходит: «Иди сюда. Как тебя зовут?» Я ўоворю: «Надя». — «Надя, иды посчитай, сколько колёс». — «Да не придумывай, дядько, скажи, шо тебе надо, танку, или полутанку, или пулемёт, или...». Мы знали по звуку, самолёты все, всё знали. Он ўоворит: «А хто вас научыл?» Саамы как-то учились, парни. «Ну, иди, если не можешь считать, дак камни по карманам ложь». Посчитаю, я уже всё знаю. Вот немец нас не троуает. Я смотрю, там Иван бежит, там Петро бежит — значит, ещё кто-то ўде-то есть.

Прышли в двянацать часоў ночи, в саду «Катюша» стоит. Мать прынесла ему (военному) молока — корову мы прятали в копанке, така выкопали, в копанке, мы две коровы прятали с соседкой, чтоб немцы не сдали. Травы нарвёшь, прынесёшь. Почистить надо — выносили всё это куда-то в друуое место. Всё это ползком да наўнувшись, чтоб не знал (немец), и это так два ўода. Потом вышел вот, поел. Двенадцать или час, я не знаю, скоко — вот с ракетницы три раза И наши улицы поўорели тоуда, и вот эти всё танкы, немцы, и всё-всё-всё-всё-всё с лица земли собралось. А мы в поўрэбе сидели. Мы боялись, что нас ещё этой накрыло. Ну тока этот, дзи-иу! — пуля, дзи-иу! — или осколок. Бух! Вот так этот часа четыре мы вот так колотились. Вылезли — всё дым, ўарь, копоть. Ничё не видно, не слышно, день... И крик, страшный крик. Все люди за вёдра — школа ўорит. А там немцы лежали, в ўоспитале. Они живьём... В окна они лезут, а они с пулемёта — сами своих перестреляли и школу спалили. И всё. Что осталось их мало... А то всё брошено было железо. Вот это железо на улице, наверно, месяца два вытяуивали тракторамы, лошадьми, со всем.

«...у нас там сильна война была»

Безвесельная Екатерина Акимовна, 1932 г.р.,

с. Дим Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовала Лушников Д., 2008 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

Я с тридцать второго. Война началась в сорок первом, это девять лет было. Ну и вот. Была, у нас там сильна война была. Немцы у нас были там. У нас... мы были, это, мать, ну и я с матерью была. Отца забрали сразу на войну. У матери нашей было детей четверо, и я была пятая. А я сама первая. Ну када вот как немец пришёл к нам это там, это ишо я когда ещё (нрзбр.), там давали нам это, полоть свеклу-у, это мы уже, там наделяли, уже я полола, это, с матерью вместе. Матери больше, а мне... и так же наделяли. Всё, и ходила я. А когда вот немец пришёл к нам уже это, и чё он там нас палил, и сунял нас, и ... ў эти, поуреба, там были поуреба, у поуреба нас там сунял, мы там сидели. Там село недалёко, поджиуа-ал, немец этот, уорели дома-а и вот ето с детьми. И всё. Вот. А мы в поуребе сидели, прятались. Сидим все, вот это, женщины с детьми. Как идёть этот, немцев-то, ауа, а услышал там, шо и то ето, только шумять дети. Поставять ... на... стрелять! А это, матеря кричит: «Пан! Пан! Не надо! Не надо, это кындры, кындры! Не надо». Он в домах вот, с поуребом дом, заходили в дома. Выгнал нас, в поуребах сидели, там тряслися, всё. А он поджиуал всё там всё это. А нас в колодец, это, сунял. Ну, всех узрослых, а мы с детьми. А нас у матери были дети у те... на руках маленький был ребёнок у её вот ишо, а те, они большие, за юбки тащились. А я уже сама бóльшая. Хле-еба булку, лу-уку, я помню, мать мне положит: на, отнеси. Я за опушку... А куды? К колодцу нас... (нрзбр.) и в колодец кидать. Вот, ну ... вот детей и таких старых, мол. А молодых куда-то ууонять на мыло, сказали. Ууонять. Ауа. Идём до колодца. Уонит нас. А во всех – у коуо, хто родня-то, у коуо взрослые, а мы вот... Я сама бóльшая была, ну, что мне это... Ну, у нас у матери были сёстры далее-око там. А отцова сестра была там одна и так проживает щас, кричить: «О-ой это, что, куды? Что ты детей это? Короўку бы забрала с собою, корову!» Она: «Какую корову! Я хоть детей спасти», – уоворить. Довели до колодца, у нас тут в это, кидать. И тут, видишь, это, убили тут начальника, уоворять. Начальника убили тут, самого улавного. Всё. Распустить. Не ста... не кинули нас никуды. Никуды не кидали. И никуды не забрали, ни молодых, ни... брали. Распустить. Десять этих вот хат там дали – вот чтоб усе этих десять поместились, мол. И всё. Больше не давали. Вот помещались там, хто как.

– А вы сами откуда, с какого села?

– Курская область мы, Иваненский район, село Комятино наше.

– Это сколько немцы там у вас были?

– Ой, да я чё-т не помню. У меня памяти нет. Эт когда вот мать рассказывала всё сама, а так вот сильно не помню, в каком...

(соседка) – Ну приходили в дом – чё ты не рассказываешь?

– Ну забирали всё... я-айца, молоко-о всё забирали.. Это ж мать: «Эх ты, пан, это ж кындрам, кындры это мои вота!» Он: «А твои кындры вот, а мени во-от!» Такой показывает. (нрзбр.) Забирають. Ну ладно, есть вот какие милосердные, так вот, люди такие бывают, шо

милосердные: «Ладно, мать, (нрзбр.) кындрыки». А что кындры? Ты пришла, сказала, кындры, а он пришёл забрал всё до ўрамма. А хозяйство – были куры да корова была, а они дак всё, немцы, забрали. Всё забирали у нас. Позабирали всё у нас. Хто вот смох спасти, на эти, на... на вышке курей, на вышке как-то там плетушки были, у плетушки прятали. Вот это, кто, это, спрятал, там сидели эти куры там. А у нас немцы всё забрали.

«Не дай тебе ўсподи, как я жила»

Буравцова Екатерина Кондратьевна, 1922 г.р.,

с. Кориуновка Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовали Оглезнева Е.А., Блохинская А.В., Галимова Д.Н., 2013 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– Вот я Курской области. Курская область, Иваненский район, село Ново-Сергеевка, через тире.

– *Ново-Сергеевка.*

– Вот там я и жила. И там родилась, да. И война там у нас, немец был у нас, у селе. Да. Ой. И даже меня бил.

– *Немец?*

– У поўребе сидели, а дети ж там кричать, просить жрать, воды просить. Бабы ўговарять: «Катя, возьми ведёрочко, бежи воды у колодце иде-нибудь. А у их был штаб у нас в школе. Школа... а ходили патрули эти. И я как зацепилась за етой, шланх, как ударились я с ведром пустым, и он бежит: «Матка, ком, ком, иуа, пух!» – убедай, а то застрелю. Ой, я испууалась, плачу и понимаю: «Ой, я нечаянно, я нечаянно! Пан, я нечаянно! Пусти мени!» Ой. Ото пойду, а ребятишкам... Ихний стоял повар, им варил. Ну и (на) меня как кришить (закричит?) «Матка, ком, ком!» – иди сюда. Я испууалась, думаю, ищѐ мне убѐть. Пришла. Он: «Сколько у тебя киндеров?» Я ему: «Пять!» «Ну неси большое ведро, а тебе налью детям». Ой, думаю, а как встретить етой меня опять немец, он меня убѐть сразу. Ты что?! О-ой, ўсподи! Ой, чего! Ото я детей накормила, а сама плачу сижу возле поўребя. Поўреб так над дороуой. Ой, а там жа полно! А тама ищо восемнадцать человек сидят у в этом, ой, как жа его называют... подвал. У подвале. А они сидять на вышке, смотрють, што дети беуають, ууляють. А с этаго выскакивають и ууляють. И как туды дали! Всех побили. У мене сестра двоюродная там была. Здоровенная такая. А так как бежала, а руж... это, золы куча большая, и она как там, ударились в эту зол... О-ой, это жутко было. Жутко, как я жила. Да. Ой, аж мороз по-над кожей. Шо ж думаете. Я всё-всѐ спомню, вот. Мине 90 лет. Да. Ой, господи, ой, ўсподи. А што мы ели? Да ничауо не ели. А усѐ поўорело. Это ж, ўо(во)рыть, 22 июня ровно в четыре часа Киев бомбили, нам объявили, что началась война... <...> Дескать, ломитесь в каждую лауку, можетя ўрабить и жечь. Уѐббельс (Геббельс) так ўоворил. Ну вот. И там анбары бомбили. Склады были с зерном. И всё зажўли. И мы туды лезем, у жар, наўребаем ето ўоретое, хоть намелем на етой крутелке да каких-нибудь оладьев напекѐм. О-ой, ўсподи! Не дай тебе, ўсподи! Я вот недавно вспоминала. Лежала и вспоминала, как я жила. А щас мои ребята, чѐ тока не едят они. Как приедуть из ўорода – рууаю! Що вы, одурели, столько денех тратитя! <...>

Хочь помирай, не емши-то сидеть. То я хошь и к немцам ходила да просила в их. Аүа, пойду, они меня в это, повар: «Матка, ком, ком» – позовёт меня. Я пойду, а сама боюся, это ж немцы. «Сколько у тебя киндеров?» А я ему брешу: «Пять». А он үоворът: «Ну неси большуя кастрюлю или ведро, я тебе налью». А тут же немец ходит, по том, по дороґе, он же меня убьёт. Вот и я, это, детям принесу, у поүреб опушу. <...>. Я туда не залазила.

(внук) – Ба, Расскажи, как вас спалить хотели, когда немцы отступали.

– А- а. Вот сѣдни немец будеть отступать. Он воюеть у нас у селе, а нас соүнал у школу и замкнул, это, зажечь. Жечь будет нас. Ой, полна школа! Неможно! Усех посоүн... туда, и детей, и старых, и малых. О-ой, үоре-то, үосподи! Да спаси, үосподи! Ну-у вот, сидели-сидели, уже рассветат, видно. Показалася разведка наша от сельсовета. Две пары коней. И дед с нами заявился. И кричит: «Давайте я вас открою, пойдѐм до сельсовета, разведка наша вже пришла, немца вже выґнали от нас». А мы деда бьѐм у спину: «Да пошѐл ты! А може, они тут сидять иде». Ну пошѐл етой дед, нашѐл лом какой-то, и сбил замок, выпустил нас. И повязали на палку флах красный, платок. Там у нас одна, Надя, была, трактористкой работала: «Давайте, девчата, повесим платок красный и пойдѐм встречать». Угу. Ну вот. Повесили платок, идѐм. Ишли-ишли, дойшли. А, ну поздравствовались, а они кричат: «Здравствуйте, немецкие бляди!» (смеѐтся) Ну что делать?! Мы все позаплакали: «Мы вас ждали! А вы нас так опозорили!» Они тоүда беүут, нас целуют: «Проститя. Мы просто вот рассерчали на вас, что тут немец жил у нас». Вот. Да. И бабушки: «Давайте, пойдѐмтя, у нас там яблочки, мы поприбрали, спрятали от немцев, пойдѐмтя, мы вас уүостим». Ото пришли, сели, как повалили наши! О-о-о! И (г)де наши воевали, за Сеймом, они воевали за Сеймом. Ой, вода была красная в Сейме! Кров. Да. О-ой, үосподи! И к вечеру и наши ушли. Повставали, поотдыхали и ушли. Остались мы. Ой, скучно стало. Нету никого, пустая деревня. А ну, боү дал, нас не зажули в этом дому. А то бы зажули.

А в друүуя деревню приехали (немцы) и девчатам титьки отрезали и в колодезѣ бросали и девчат ув колодезѣ бросали. Да. О-ой, үосподи! Не дай тебе үосподи! О-ой! Ну а потом уже надо ж собирать мѐртвых, надо нам сеять уже поле. А они все (у)битые, и немцы, и наши... не понять. Выкопали большуя яму и в эту яму возили на лошадях етих. Возьмѐшь, а он валится. Уже разложился, уже тѐпло стало. О-ой, было үоре. Ой. А не идѐшь – выґоняют с колхоза. Иди куды хочешь. Да. Вот и ходили. Да. Идѐшь да ревѐшь. Ой. Не дай тебе үосподи, как я жила. Да. Повозили усех у яму в эту. Яму большущаю выкопали.

А пахали на коро-овах, пахали... на лошадях... не был... мало лошадей было. Наловили мужики и немецких лошадей. Ихние здоро-овые лошади, морды толстаи! У-у! Они сами здоровые. Да-а.

И вот пошли мы туда, иде наши воевали. Вода красная в Сейме текѐт. Ой. И текуть сапоүи, палаты-ы, и шинеля, и всё на свете. Да, текут по Сейму, по этому... Да. Ой, үосподи! Ну и что? И вот так мы и жили. Да. Вот так я и жила. А щас уже 90.

«И бомбёжки были, и бомбы летели»

Ивличева Дина Николаевна, 1933 г.р.,

с. Константиновка Константиновского р-на Амурской обл.

Беседовали Блохинская А.В., Галимова Д.Н., 2013 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– *Вы какого года рождения?*

– Тридцать третьего.

– *Тридцать третьего, а родились где?*

– В Курской области. Фатежский район, деревня Роуовинка.

– *Вы там жили до какого года?*

– Мы там до пятидесятого года. А в пятидесятом году мама по переселению приехала сюда. В Михайловский район. А потом мы сюда уже приехали, в Константиновку. (У) мамой нас было четверо, а пятая девочка у нас родилась – она умерла во время войны. Мама беременная осталась, когда папу на фронт забрали. Ага. Мы сюда все приехали. Война же тогда была, оккупация. Дом сгорел. Ну, дом ц нас... мы жили на Украине, потом переехали в Курскую область. Папа там был, работал.

– *Село не помните, где жили?*

– И село не помню. Но работал там, знаю, шо на бронезаводе. Инженером. Потом его эвакуировали, этот завод. Или в Сибирь сюда... И маме пришли сказали, что, мол, Николай уехал, эвакуировали завод. Она побежала туда – они уже уехали. Его даже домой не пустили. И я папу видала только (*плачет*)... утром я встала, а там много на Украине... колодцев таких, нет... там у нас уговорится, лоу там вот, падь, а там... нет, не лох, как же там называли?... А там крынички такие, вот такие маленькие крынички. И туда идёшь и набираешь воду. Вот смотришь, вот там даже песочек видать, камешки, вот ключи. Я взяла такой фарфоровый чайник, был у нас большой, пошла в чайник набрать воды. И вот слышу, гром такой! Вот как будто что-то вот где-то бежит, бьётся. А это налетели самолёты, бомбили уже. И вот это взорвалось (*плачет*), взорвались рельсы, и стук был такой... И так больше я папу не видала. Я видала, как он стоял, брился. И больше я его не видала (*плачет*). Сзади запомнила волос чёрный его...

И потом уже мама... немцы захватили это село, а я как раз приболела. И вышла на улицу, и слышу, мотоцикл вот так подъехал вот к дому, развернулся – немцы на мотоцикле. А мама меня ищет, а я за бочку пряталась. Мы потом... Я вышла... зашли в дом. Квартира была очень большая, и шторы. Были шторы большие, такие, от потолка до пола. И вот окно открыто, и ветер вот так вот шевелил, они качались. А потом мама... ночью наши приходили солдаты. Ну, не в этот день, а вот... ночью приходили солдаты, и мама пошла воду рано утром брать и слышит стон. И када в кустах там в этой, балка называлась, нашла этого лейтенанта. Раненого. И она его в кусты спрятала. Спрятала, а потом пошла с дедушкой там с соседом, и притащили его вечером к нам. А нас у мамы четверо, сама беременная и себе на это... забрала. А вот, примерно как вон там кусты, а вот здесь стоял наш дом, и там штаб немецкий.

– *Рядом, получается.*

– Рядом, через дорожку вот так вот. Ну, мама... они его притащили, положили, мама простынямы так вото загородила. Ну чё? Надо же... ему же очень плохо. Ну, она ему уже партбилет зашила под мышку в гимнастёрку – убрала это всё и пошла туда. Ночью пошла туда, представьте. И нас сколько. И она немно... чё-то разговаривала по-немецки там, а этому дежурному рассказывает, что у меня вот киндер заболел, киндер один, значит, надо доктора. Ну, он пошёл туда, доктор, приходит. Он приходит, значит, мама его подводит, открывает простынь – он так смотрит: а-ах! (*всплёскивает руками, закрывает щёки, качает головой*) «У тебя вон сколько, дескать, что ж ты делаешь! Что ж ты делаешь!» Если узнают. Но нас... он его вылечил, девчата. Ходил как к ребёнку. Сказал, что ребёнок болеет, и лечил.

– *И немцы не проверяли?*

– Потом... Что-то это куда-то дошло, и нас приехали ночью забрали партизаны. Партизаны забрали нас ночью и этого лейтенанта унесли. <...> Они сделали вот эту, тачку, и мама нас везла до самой Курской области. Сюда нас... вот с этими, с беженцами. Шоб мы там не попали, шоб нас там не поубивали.

Ну, када приехали сюда в Курскую область, тут тоже вот это вот штука такая: тока отпускали, пускали, где оккупированная земля, и больше никуда не пускали. И вот тут же мы так и жили. И бомбёжки были, и бомбы летели. <...> Вот там я щас не помню, по-моему, там где-то к Киеву было. Я не могу сказать даже. <...> Вот так мы там и жили. Бомбёжка начнётся, в подвал побросают, как котят нас. Не подвал, а поурёб.

– *В доме, да, который? Или на улице?*

– Не, на улице. Дети прибеут, у кого не было.

– *Специально делали, да?*

– Ну поурёб, выкопали для хранения овощей. И вот в этих поурёбах мы сидели. Землянку мама выкопала, мы в землянке и жили. Больше негде было жить.

<...>

– *Немцы долго были в селе?*

– Да как тебе сказать? Я точно... Ну долговато. И потом мы в школу пошли. Мы пошли в школу при немцах учиться. Да-да-да. У нас там учитель был, Иваныч. У него была дочь. И вот они открыли школу, и мы ходили учиться. Ходили мы в школу учиться. И вот когда наши наступать, а вот так сидит у окошка, и мы слышим, ну самолёт летает – мы уже привычны. Вот эти бомбёжки, и снаряды, и пули как летают, как вешают эти... ой... как их назвать? Ракеты. Вот повесят ракету ночью, вот так, как мы с вами сидим, вот так светло по всей Руси было. И он сидит и говорит: «Ой, смотрите, говорит, (нрзбр.) летят, коробочки (в)он летят!» А когда учительница подходит, Марь Иванна была, посмотрела, говорит: «Ребята, тише. Это (нрзбр.) наши летят». Это вот наши пошли в наступление <...>. И тут началось. Вся пальба шла. Уосподи! В сутки раза два: то наши зайдут, то немцы зайдут, то наши зайдут, то немцы зайдут, от там и сидим, ужу у мамы в этом, подвале. Там у неё бочка стояла с водой, там соседи помогали носить, наварят картошки вот такой чугунок поставим туда вон, там стоит дня два. Потом выбросят эту картошку – друуой наварят. Соломы настелили, там набросали, одеяла какие. И вот если бомбёжка, дак туда нас, мы уже там. Хоть не на земле сидим. И вот так вот нас мама одна и воспитывала четверых.

– *А в селе предатели были, которые на сторону немцев переходили?*

– Знаете, я щас вам не могу сказать, но я знаю, что пришёл к нам полицей и стал требовать от мамы рожь. Значит, зёрно отдать. А она говорит: «У меня зерна нету. У меня, видите, вот, вот сидят зёрнышки, их кормить надо. Ничего я, говорит, вам не дам». Ну а он, этот полицей, когда-то они ещё в детстве бегали играли, дружились. В детстве они с нём дружили. Или по соседству жили. А потом он к ней приходит вечером и говорит: «Не давай ничего». Он работал на наших. Там же леса, партизаны. И он говорит: «Не давай ничего. Скоро, говорит, наши придут». Ну вот так вот. <...>

А когда вот немцы нас там на Украине захватили, они када зашли к нам, я помню, что заскочила к нам соседка, бабушка была. А у нас висели портреты. Она раз-раз-раз, эти портреты все посорвала, оставила одного Ленина. И иконочку маленькую повесила. И вот заходят немцы с фонариком, вот так вот показывают, что иконочка висит. И смотрят. Один подходит, хотел портрет Ленина снять, а она «Не надо. Он умер». И они посмотрели, что у нас такая квартира, большой зал такой, огромный, и остановились ночевать. А у нас вот так печка стояла, то как лежанка там была. Ну, там всё по-украински сделано. И мы на этой лежанке сидели. А они вот так вот столы поставили в зале, сели ужинать, немцы. Их, наверно, человек пятнадцать там сидело. Мама так вот стояла возле печки. А мы на лежанке сидели на этой. И вот один друуому чё-то... Ну, я вижу, я старшая была, голова лучше работала, чем у маленьких, я смотрю, и вот он ему што-то говорит, тот режет хлеб, масло, ложит колбасу и подносит нам даёт. Мама нам, это, кивает: берите, дескать. А вот эта сестрёнка, она ж махонькая вот такая была, вот так вот руки скрестила (*показывает пальцы «решёткой» перед лицом*) и на них смотрит. Она не смотрела, как вот мы смотрим, а вот так, через пальцы. А один там за столом сидит: «Это киндра не хочет на нас смотреть! Делает клетку!» Выска... выхватывает наган, а мама тут стоит... у неё чё ж... какой-то рядом сидит, он, видать, постарше, вот так вот (*отводит рукой*) и посадил: киндра ма-аленькая, дескать. Што ты хочешь? И вот мама тада перепугалася.

И во так вот мы попали сюда, на Дальний Восток потом, приехали.

И во тот лейтенант, которого она спасла, мама, он потом искал нас, но не нашёл. Это потом говорила тётка. Оттуда писала письма, что, мол, приходил, искал вас. Но он нас не нашёл. <...>

У нас бабушка была отчаянная. У нас тётка была одна, вы знаете, красавица! Чёрненькая, но так вот – не оторвёшь улаз, красота! Просто, вот знаете, красота. Земная красота. И она пошла воду брать. А они пома-ажутся сажей, тряпок наодеют на себя, ну а эта выскочила и набрала воды, и немец увидел. Ну, она заскочила... Печка вот эта, а под печкой вот такая дыра делается, туда вот ямки-и, кочерёжки. Ну и вот, эта тётка залетела туда. Туда её бабушка затолкала под печку. Он заскочил: «Где, где пана? Пана? Я видел пану щас». Она говорит: «Никакого пани у меня нету». – «Видел». – «Ах ты видел! Дед! Ну-ка слазий с печки!» Стаскивает деда с печки: «На тебе пана!» (*смеётся*). Он говорит: «Пани!» Она: «Вот он у меня пан! Нету пани». Ну и он давай искать. Зашёл в сенцы, там же сенцы. Тут веранда – там же сенцы сделаны. Зашёл в сенцы, а в сенцах висят хомут. Он: «Пани, пани!» Она хватает хомут и ему на шею одела. Ауа. Ну ничего ей. Одела на шею. Ну, она была такая... И вытолкнула с это, с терраски. Такое вот было.

Вот помню, как в школу пленных соунали. Соунали немцы пленных. Наших. И вот мы, ребяташки, беуаем туда. Наберём картошки – больше нечеуо! И картошка не во всех была.

Наберём картошки мы... И вот есть, знаете, уоняли, били нас ети, немцы, охранники, а есть нет. Мы подойдём, он на нас посмотрит: иди. Толкнёт вот так. Мы, значит, туда эту картошку. Туда не передашь – перебросим, они там... едят.

– *Немцы тоже разные люди, да?*

– И разные, разные, разные, и всякие есть. И хорошие, и плохие.

– *А пленных этих они потом увезли?*

– А потом куда-то увезли пленных. Потом наши немецких пленных туда привезли же. Мы тоже носили им. Нам разрешали давать им еду. Вот то что есть.

– *А почему немецким носили?*

– Ну они ж люди, они ж уолодные тоже. Такие вот глазёнки у них, такие мордашки. Мы ж тоже понимали. Да мы ж сами голодные, сами есть хотим и вот понимали, наверно, поэтому. Ну, эти наши разрешали давать им исть. Мы давали.

«То така труднота была жить»

Верескун Ксения Ивановна, 1934 г.р.,

с. Преображенровка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Старыгина Г.М., Блохинская А.В., Галимова Д.Н., 2011 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– Я видела всё, дак шо я видела? Мы ж малыми булыи. Як пришлы оны до нас, уси оны приихалы на мотоциклах, немцы. Нихто пешком нэ йшёл. А наши поубеуалы же люды. У нас тут небоуато було. А потом на мотоцикли приихалы, взяли пацана и уовору: «Уходите все с деревни, бо будэ бой, входытэ». И ми ушлы оттудова тоже в друуу дэрэвню поубеуалы. Корow у нас забралы, свиняку заризалы, курэй побылы немцы, всё сожралы. А на уород (огород), уород уже бул посаженный у нас, дак оны танкамы как заихалы, от так как началы, всё истопталы. Не тики у нас, а во всех людэй. И стали мы уолодоваты тода. Траву ийлы. Как они уже ушлы, так мы вообще бедно сильно жили. И ото сюды (в Амурскую область) мои родители вычитали дэ-то, шо тут лучше жить, и мы взяли сюда приихалы.

– *А долго они в деревне у вас были?*

– Уода тры, по-моему, были. Уоворят, шо я была в оккупации три уоды.

А потом када уже, я помню, ще нас... пацаны ж мы булы, и нас послалы человек, навэрно, семь пацанow, у друуу дэрэвня недалёко, Антонывка. (Мужу) Ты-то знаеш, дэ ты був, ну мы туды пешком пошлы? А як бы пешком, а то взяли тыкву большу, а она с этымы веточками, и тяунем. И пылыть. Как воны началы оттудова стрэлять по нас, нэмцы! И одноуо пацана в ноуу, одноуо убили, одноуо в ноуу ранылы. Вин упал, а мы вси попадалы. Лежимо, как же встать? Домой же надо итты. Хто-то пиднял вот так шапку, на руке что ли, а они бынь по той фуражке, по той – всё, нельзя вставать. И мы тоди дотемна лежали там, а тоди аж уже домой пошлы. Всталы и домой пришлы. Я знаю. Ой, плакалы там...

– *А немцы жили где, по домам?*

– Вонэ я нэ знаю, дэ жили. Но мы жили в Зябковцах, а тоди переихалы мы, деревня була... Ой, дэд, как? Забыла. Бураны, дэрэвня назвалы. Там немножко було домов, ну, може, девяносто домикив, нэ больше. И воны виитэ, як приезжают, шукуют усе(г)да вот этих, пар-

тизан. Вот, а у нас у моей мамы сестра родна была у партизанах, и вони w нас были сколь раз. А я потом... дядько, мамын брат ридный, жив(?) тоже, убих, а дви таких девочки было у их невелики. Оны тикать, бо немцы пришли. «Иды к нам! Ксения, – ўоворэ, – иды к нам». Пошла я. Пошла, а оны як пришли до их, шо-то вcё пэрэвернулы, не знаю, шо-то тако у кровати найшлы, ну, у нас лышко называлось.

– *Как?*

– Лышко, лышко – кровать. Кажуть, лышко по-дэрэвэньски. По-украински. И потом от так мене сувал, сувал: «Хайль, хайль, хайль, хайль!» – пистолет (нрзбр.) в лоб. А я ж плачу, я ж ничё не знаю. А заходэ ихний пэрэводчик и щё-то иму нагирькал, а вин каже: х-тфу! – прям мэни на морду как плюнул, немец. А я вот так вытэрла, вся чисто заплёвана, плачу, да кажу: «Шоб ты сдох! Шоб ты...» А цэй пэрэводчик ўоворя: «Нельзя! А то вин як узнае, вин застрилэ!» Я кажу: «Що вы ему сказали?» – «Сказал, шо ты не ихня дочка, ты просто у их дитэй нянчишь». Я тоди думая: ой, спасибо тоби, шо ты мени спас, а то вин бы застреле, и вcё? Чё ты зробишь?

– *А немцы когда в дом зашли, они девочек, которые хозяйкины были, они их расстреляли?*

– Оны их нэ стрелялы, оны их дуже насировали. Вот. Тых де вочек усих насировалы. Больших забыралы, а таких, по десять лет, по девять, усих. По 2 по 3 немца на одну дэтыну. Это ж и замучивалы так сильно. А тоди началы вси кричать, руаються, а кому ты пожалуишся? Немецка власть. Ничё не сделаешь? Было сильно трудно-трудно жить.

– *А переводчик этот, который, это что, из своих был какой-то?*

– Навэрно, я нэ знаю, с чужой дэрэвни, кажуть, вин. Вин по-нэмэцки учився, по-немецки умение балакаты. А сам наш був, да. Нэ знаю, куди вин дився. Тада хто-то казав, шо его застрилилы, а дэ вин, нэ знаю. Вот. Жинку еўо, вроде, забралы, вот вырезалы титки ии там ище шо-то вырезалы, там вcё внутри. А вин начал вжэ за нэй беспокоитись, и еўо, так говорили, я то нэ знаю, кажуть, еўо застрэлили. Пэрэводчик хоть, думая, мэнэ спас, спасибо тоби, шо ты... Вот. А то вин токо в лоб наставил пистолет, а шо, я ж уже думая, ой-вой-вой! И вcё! И ты девочки кричат, плачут, а вин як раз и заходят в хату, и вcё ж по-немецки: галь-галь-галь-галь. Нэ знаю. <...>

– *А по деревне они запрещали ходить, да?*

– Конэшно! Они у нас вобшэ... тоди ж было вcё насияно, вcё, и вcё пэрэтопталы, вcё, вcё поपालылы. У нас там на Украины таки снопы ставилы, таки... пятнадцатки ли як нызва...

– (дед) Суслоны.

– И воны вcё поपालылы. А тоди ушлы, и за собой, как ушли, за собой даже линию всю сорвалы. Шоб за ими нихто не ихал. Они дуже плохие.

– *Много было таких, которые немцам помогали?*

– Нэ знаю. Таких не было у нас. Вси былы против их.

– *Вот один же был переводчик.*

– А тот пэрэводчик, вин спасал всех людэй. Вот это дуже вин спасал, вот этих ишо, шо былы партизанами. Вот. У нас у мамы як систра пошла, ий брат, мужик забрал иё в партизаны, вин потом... А девочке той тики два месяца было. И вин пришёл, жинку вже забрал, бо её нэ расстреляли. А ту дэтыну бросилы дома. И соседи, ну, мы на станции жили, кажуть...

Люба ей, вроде, звали, ту девочку, а маму ей Лида, я помню. А отца, я помню, Вася звали. Вот. «Чё-то Лида не топае, чё-то дым нэ идэ. И ниhto нэ ходя». Пошлы, а та дэтына, уже суток двое, кажут: «А-а. А-а». Уже чуть тики жива. Ну шо, уже кричить. Куда ему деваться? Так оны дэтыну забрали и тоже спасалысь. Если хто спасает дитэ й чужих... Помню, у нас вот дуже, этых стрэлялы, я знаю, как их?

– *Евреи?*

– Евреев, да. Выкопалы таку, составылы яму большу, воны выкопалы такую канаву, туда их всих поставылы и нас всих заўналы, всих людэй, шоб уси дивылысь, шоб нэ шли у партизаны и шоб ниhto нэ спасал. И хто-то, я помню, упал один... А тоди наши закидылы их. И тых вот так пострэлялы всих. И мы все (закрывает лицо руками)... вот так бьют – нельзя! Дывись, и всё, нельзя. Вот. И тоди, як его закидылы, вин тоди ўоворыл: «Вы дуже меня нэ закидайте, я живой». И вин остався живой, той мужик.

– *Его вытащили потом?*

– Аўа, потом его вытащили и прятали та-ам, везде. Всякие соседи, (нрзбр.) ничё, а друуие... шо тыкае, тыкае... Мы вот со сэстру свою, Уалю, як ховалы, вот так под пичу... Пряталы мы долүо её, шоб ниhto нэ видал, ни сосэди, ниhto. «У нас забрали Уалю, забрали Уалю». А потом, как уже немцы ушлы, так она вышла и ходыла туды до наших. Там она была, нэ знаю, она нэ воевала, а ие посылалы туда-сюды и она ходыла. А чим она, тоже двадцать восьмо(го) ўоду, шо она воевать будэ?

«...и повезли нас в телячьих ваўонах»

Грибкова Мария Романовна, 1928 г.р.,

с. Преображенровка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовали Кузьменко М., Самойленко Т., 2010 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– *А как вас в плен взяли? Как вы попали к немцам туда?*

– Как мы попали? Мы... вот как попали. На работе дома были и у колхозе. На работе мы были, дети, пололи траву. Дети. Нам работы ж не было. Ну... Улядимся, шо-то за дядьки, не наши, ўоружоныи, уходят из Белўорода, и с поли. С ружьями, пистолетами. Ну, а мы самые дети... Оны ружьями на нас. У спины на нас и сюда пистолетами, у ўоловы... «Хут-хут-хут-хут-хут-хут». Поўнали нас. Забрали детей всих. Ну, там машины стоять. Здоро-овые машины. Нас на машины. «Лус-лус-лус-лус-лус!» А мы дети, чё мы. Пистолетами, винтовками. А мы устаём, оны нас ружьями под жопу (смеётся). Ну и поўнали нас. Улядимся, тама мнооо людей. Людей мнооо, и нас туда. Там девчата, хлопсы (хлопцы). И посадили нас, в ўород наш, Ачинск. Там полно людей. Ну и нас подпихають ружьями. Ну мы посадились и паавезли нас у телячьих ваўонах. У комнате тёмно, и хлопсы тама, и девчата тама, уси там, уси вместе едем. Куда едут? Кто знал куда. И нас туда. <...> Потом нас у лаўэр, у лаўэр приўнали. Цыўэляй. Лаўэр Цыўэляй. Аўа. Ну и там... ще забрали нас в ла-аўэр, там мы на станках цыўэляй выделявали. Черепису. Это по-немецку цыўэляй. Череписа каменная. Крышу крыть. Крышу крыли. Станки, потом у мене там был товарищ, клал цыгеляй. Она обрабатывала, я отымала. Хлопцы подбирали и у мартиноўские печи, оны там сохли. И хлопсы во-

зили, возили и крыли, да. И то мы так там... Ну, потом кажут на нас: «Не плачьте, скоро будете дома. Цырик нах хаус», да. Ну и потом идуть (во)оружённые немцы, боятся, шоб мы потикали. Да куды там мы потикаем? Аүа. Ну ладно. Оны на это: «Марш!». Подоунали пять эти, вауоны, посадили на вауонах нас, тоже досками всё позабитое, тёмно, ну вот. Ну и из Берлина мы тода вы-ыехали, из Берлина нас начали начислять хороших людей домой.

«А весной ходили на поля и эту картошку үнилую выкапывали»

Кургуз Фаина Алексеевна, 1933 г.р.,

с. Дим Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовали Старыгина Г.М., Рачко Е.Е., 2008 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– *Войну не помните вы?*

– Помню.

– *Расскажите, как вот, что помните?*

– Помню, мы в деревне жили, и как раз вот немцы. Но они вот к нам редко приходили в деревне, немцы. У нас от Клинцов двадцать километров до деревни, и круг... и всю дорогу лес. А в этих лесах партизаны крууом. И они боялись. Вот днём наүрянут так. Полицейские были. Днём наүрянут, там какое распоряжение дадут, и всё. И полицейские эти на кого-нибудь заявляют или что, забирали тогда. А ночью партизаны. А партизаны ночью прыходят и поджиуают полицейские дома. Вот мы выскакиваем все, никто не тушит, только стоят смотреть. Они повыскакивают это... Вот. Ну а немцы так чтоб сильно нас... да партизан... эти боялись, наверное, партизан, полицейские сильно выдавать нас.

Помню, у бабы этот, племянник был командир отряда партизанскоүо. И вот они ночью пришли, принесли мяса там, чууун наварили там мяса и ели. А баба боится, это же полиция крууом! Ой! «Вы, деточки, ешьте и уходите, уходите». Ну, правда, никто не заявил на нас. Никто. Так мы сильно боялись, что партизаны у нас были. Это ж... Смерть сразу. Но никто не заявил. Обошлось.

А так... И бомбы бросали. На деревню бросили бомбу. Как раз староста, и ему под окно. Яму такую вырыло, стёкла повывлетели, а так ничё не повредило.

А потом все собрались, пошли в лес. Там посёлок, в лесу там был маленький такой, и мы туда зашли. Там дом большой, и в этот дом все собрались всей деревней, там побыли, переночавали – вроде, ничего. А хаты по замкнули – пошли. Ну, кто ушёл, кто и не ушёл. А-а. Всё равно уже помирать. Ну а потом пришли – ничё, нашу деревню не тронули.

А потом уже красные как пришли, помню. В хате сижу вот, и конница, и эти солдаты. С хлебом-солью вышли, мы все тут-то, «ура» кричать. О-ой! Было это, помню хорошо, как красные зашли как в нашу деревню, все освободили, всё. Всё это.

– *Они сколько времени у вас были примерно?*

– А немцы... Да чёрт их... Это они, наверно, в сорок втором үду вступили. Наверное, үод побыли, в сорок третьем уже их выүнали от Москвы.

– *А вот полиция были местные, да, жители?*

– Местные. Местные были полицаи. А потом, ето, они убеүали. Партизаны же пришли, и они убеүали. А там за речкой стоял домик, и жила мать с дочкой. И они там спрятались.

Партизаны пришли и их, ето, убили. Те убежали, а етих убили, что они их прятали. И хоронить не давали. Они лежать. Потом партизаны ушли, мы все собрались, там собрались, яму выкопали, там соломой (нрзбр.) накрыли, закопали.

– *Тожже жестокость, да, была?*

– Ну так вот никого, только етих двух убили, что они вот сохранили.

А эти полицаи... Сын женился, привёз невестку, и они её что? Заставляли воровать. Мать это. У её сын полицейский. И она, бедная, пошла, чужая, ничё не знает, залезла там у сарай что-то, её поймали, всё. А потом они её... Родила она ребёночка, и они её послали куда-то на работу, а ребёночка этоуо умертвили. Она пришла к ребёночку, а эта свекровка: «Да он спит, да он спит, да он спит, да он спит, не троуай, не троуай». А он уже остыл. И потом её нету, нету, нету, нету – үде она? Она уехала, үоворит. А корову выүонят люди – то она тут крутилась, то её нету. «Да уехала, да уехала». А потом брат приехал её искать. Уехала, а ниүде её не может найти. И тут стали тут рыться – её нашли. Они её убили. А нашли как? И в речку спустили. Речка не очень глубокая. За кусты зацепилась, и кишки вот эти болтаются в речке. О-ой. И тут её стали вытаскивать, она дальше отплыла үолова, тело, руки-ноги. Брат это приехал, их... заставил их вытаскивать, в үроб складывать. Вот такие. А одной тётке шо приснилось, үоворять: я закопана, меня, үоворять, убили и закопали в коридоре у подполе. И вот она всем рассказала, жутко стало, и люди стали подозревать. Вот это же сон, видать, вещей приснился. И потом пацаны в речке купались, и вот это вот всё всплыло. Ну, их забрали всех.

– *В полицейские кто шли? Все подряд?*

– Нет, не все подряд. Чёрть их... как они шли... Или они к немцам думали, немцы займут нас, и они будут у немцев ... А немцы их (*усмехается*), уезжали и их к чёртовой матери – они цеплялись за машины, а они их даже и близко не подпустили. «Куда мы? Куда мы?» Куда! Куда хотите. Зачем вы нам? И они быстро собрались, на мотоциклах, и немцы быстро уезжали. Ничё там не сделали.

– *А семьи полицейских – оставались семьи полицейских?*

– Оставались.

– *Как к ним относились?*

– Не троуали их. Не троуали. Вот этих самих полицейских, они поразбежались. Кого убили, кого немцы убили, кого это, а семьи не. Не троуали так.

– *А ели вот что? В войну ели?*

– Ой, в войну чем питались!.. Там картошка, вообще земля там песчаная у нас, у Брянске, картошечка маленькая, штук пять у руку возьмёшь и так вот чистишь. А весной ходили на поля и от эту картошку, үнилушки эти выкапывали. Моет, моет, а она уже вся мёрзлая, растает, вся в песку. Баба кисель наварит, а на зубах хрустит (*усмехается*), и с песком. Чемалы, мы называли, чемалы. Чемали – пекли, лепёшки с них пекли. Этот крахмал выдавать – кисель, а это вот, что оставалось, и вот пекли эти лепёшки. Его ешь, а песок этот (*усмехается*) на зубах.

А колоски собирали, колоски собирали, как только вот сожнут, так колоски, ето уже в колхоз собирали, не себе. Себе нельзя было. Не разрешали. А следом идём, чтоб потерь никаких не было. Надо ж было всех кормить, и военных, и солдат, и всё. Чтоб этот хлеб не пропадал.

– А коров держали, да?

– Держали корову. Одну корову держали. Ой. Сами сено косили, серпом косили, а зимой, если не хватает, там же крыши соломенные были, соломой крыли. Вот крыши эти разбирают, сараи, и режут её, запаривают, чем-нибудь, это, присыпят, и коров, да кормили. Резка такая была, нож такой. Резали.

«Нас держала на свете только картошка»

Тобола Анастасия Ерофеевна, 1921 г.р.,

с. Дим Михайловского р-на Амурской обл.

Беседовала Старыгина Г.М., Рачко Е.Е., 2008 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

– Вот только одна я была самая старшая, хозяйка была.

– Сколько вам было лет?

– Мне уже было девятнадцать. И вот и всё за мною было: и дрова, и конь, а тут война же началась. Немец захватил. Запрягаем коней и едем. Было у нас в Крутояре, как он назывался, большой этот, ну, как штаб военный, немцев. Вот мы туда едем, и нас рассылают, сколько, кого в Дневное, кою в Строженку, кою по деревнях развозить этих вот. Что они там писали, что немцев. Немцев. Да. И полицейские. Полицеев сколько было!

А у нас конёк был молоденький. Яго никто не запрягал. А кобылка была старая, на этой кобылке уже далёко не уедешь (смеется). Они доедут до стоуов. Коло стоуов нас кинуть, а сами к лесу бояться днём подходить, ночью. А днём это уже их вроде ловушка. О-ой! О-ой-вой-вой! Ночью... Знаете, как ходили партизаны? Партизан идёт самостоятельный, понимаете. Он, ему то подушка вместо седла надо, то что-нибудь поесть, то коням вынести овса там или ячменя два ведра, там сколько сможет. А таких вот хай (нрзбр.), партизаны, они брали всё подряд! Всё! Даже вот кросны, раньше же ткали, кросны эти с сундука у мамы один раз забрали. Мама как закричить да говорить: «Повесишься ты на этих кроснах! Ты ж посмотри, у меня семья, я их только одеваю и с этоуо! Вон откуда я крашу да носить только ето».

Приедут немцы – вынеси два ведра хлеба. Приедут ночью партизаны – партизан береть... Настоящий партизан береть подушку вместо седла там или одеяло како... а тады какие одеяла были? Всё самотканое было. Всё же, всё же с пряжи. А что ети-то под видом партизан, дак я те говорю, даже кросны забирали. А войну – войну мы пережили очень тяжело.

– В вашем доме были немцы?

– Были. Были.

– Какие были? Обижали вас?

– Знаете, вот немцы, сами немцы не обижали нас. А вот уже французы, «сопливые», мы их звали, французы были о-очень вредные. А немцы, вот он... Я ж говорю, у нас немец этот посмотрел на папу и говорить: «Вас, – переводчик, – вас надо лячить. Вот. Дам, дам справку, сказали, үде ночевать, лечить». Ну уже поздно хватились мы.

А потом уже у сорок третьем үоду, как освобождали нас, и мы собрались у поүреб обратнo, шобы этот, к маме. Мама говорить: «Бог с ними, кинуть үранату, дак усех и... вся семья». А у нас ещё бабушка, нас трое детей у мамы, четверо: Миша, Вера и я да Маруся – чет-

веро детей было у мамы. И бабушка у поуребе. А там ещё соседка и з детьми. Кинуть – да хоть сразу мы усе помрём. Да, уговорить, куда нам теперь деваться? А он уговорит: «Никуда не девайтесь, уже красные ў Уородку». У нас лес болший был, назывался Красный уородок. «Уже красные, уговорит, у Уородку, так что никуда не ходите, из поуреба выйдите, идите по дальней дороуе. Вот не по деревне, а по дороуе, дороуой. И никуда не сворачивайте. Только не сворачивайте к лесу, сразу застрелят вас, русский. Я, уговорит, сам собираюся вот куда-нибудь спрятаться.

– *А почему застрелят?*

– Ну, он был как... как сказать? Он был как полицаи. Он уже не... выходу нету, видить, что уже... концы им. Дак он уговорит: «Я сам не знаю, куда теперь вот спрятаться». Дак так, что, уговорит, идитя и никуда в лес не сворачивайте, расстреляют. Восемьдесят коров застрелили.

– *Это русские или немцы?*

– Немцы.

– *Когда уходили, да?*

– Когда уходили. Восемьдесят коров. Мы же усё время в лесу их пасли и привязывали. И окопы там у нас были, и доили. Вот коров подоишь, на коромысло, домой принесёшь. Боялись, что заберут.

– *А немцы уходили – стреляли людей?*

– Нет, нет. Только знаете, когда уходили, у нас семнадцать дворов спалили. Через дом запаливали. И шёл последний – солома, соломой перевязано. А мы в этом друуом поуребе, в чужом были на окраине деревни. Мама-покойница выскочила и уговорит: «Ой, деревня уорить!» И вот они через два, через три дома палили. А их быстро уунали, быстро. Ну, може, в двадцать-тридцать минут они поворочались только тута, ушли. А потом уже... Кто чем! И вот сурело семнадцать дворов.

– *А полицаи где?*

– Полицаи, у нас были полицаи, два только в нашей деревне. Одноуо убили сразу, это, партизаны. Наверно, с неделю он побыл. Пришли, захватили еуо дома и прямо вывели с деревни и застрелили. Партизаны. А второй убрався в Струженку. В Струженке, там человек двадцать, больше, наверно, было полицаев.

Сколько они творили, сколько людей попосдавали! Ну как же, тогда же раньше были... колхозники... Дак они сдавали этих людей, эти полицаи, и убивали. Председатель сельсовета был Бабаков, у яуо была сестра, жила тут, жена и двое детей, у нашем Хромове. Дак они ж привели и вывели их на двор и перестерляли. А он был начальником партизанского отряда. А дети, семья тут, у Кромове жила. Вышли, постреляли всех.

– *Кто-то выдал, да?*

– Выдали, конечно. А потом уже, когда всё это кончилось, уже я замужем была, он уже приехал, был начальником, большим начальником каким-то. И приехал к маме. И уговорит, ну, теперь, Тимофеевна, буду я рассчитыватья за свою сямью. Четверых застрялил прямо на поле. Вот хто сдавал еуо семью, ему сказали, и он прямо, вот Веру, соседка наша была, прямо на (о)уороде. Свекровка, она картошку копала. Он: «Ну-ка, встань!» Она встала – он её в урудь. И двух человек, ещё так застрелил дома. Четырёх человек застрелил за свою сямью.

– *И ему ничего не было?*

– Не-е. Он говорит, я, говорит, за семью за свою рассчитался. И ничё не было.

– *А полицаями кто был?*

– А полицай, у нас, я говорю, в деревне только два было, дак одного сразу застрелили... И вот уже после войны возили хлеб сдавать. А у нас у Клинцах, в деревне это было. Когда, говорит, мужчина, уже пожилой ... вешаем этот, а хлеб же тогда в мешках возили. Мне свой этот мешок. Смотрю, говорить, Исаак сидить! Я, говорит, принёс, перенёс этот хлеб, подхожу да говорю: «Здравствуй, Исаак Васильевич!» Он говорит: «А ты откуда мэни знаешь?» «А ты меня не знаешь? А я знаю! Вот теперь-то й ты попался. Теперь мы тебя с рук не выпустим».

– *Это полицай был что ли?*

– Полицай быв. Да. Не то что полицай – быв начальник больший. Он. Полицайский. Полицейский. Староста был. Ну он был, как сказать, тогда ж уняли молодёжь в Германию. У нас в деревне ни одного человека не уняли. Вот этот самый, Лотак, как сказать, соберёт собрание, сделает списки, напишет, подпишется, всё. Вот, скажем, когда десять, когда двенадцать человек. Ну, завтра, говорить, собирайтесь. А сам говорит, прячьтесь на неделю, на две, чтоб вашего духу было не видно. А те... Вот этот Лотак был у нас таким, хорошим. Он был и нашим, и не сдавал людей. И у нас в Германию ни один человек не попал. За счёт этого никто. Соберут детей, человек двадцать, пятнадцать. И ребят таких подростковых, соберут. Плачут родители. Он говорит: «Не плачьте. Только сумеете сделать так, чтоб никто не знал, чтоб они два-три недели не выходили. А там – моё дело маленькое, как они вырвались и... пришли. Это не моё дело, я отправил. А куда они делися, я не знаю». Вот насчёт этого Лотак был хороший у нас. Ну, всё равно ж предатель. Хороший он, но всё равно ж за им была какая-то сеть. Вот такая жизнь у нас жила. В войну. О-ой.

– *Ели что в войну?*

– Ели? Килограмм отнесёшь сала. Сала – килограмм соли возьмёшь за килограмм сала. Раньше ж как, солянки были – вот соль засыпали в бочках, этот кусочек как отрубить, борщ варить, кусочек этого дерева солёного кинеть мама, и борщ посоленный. Молочное варили всё несолёное. Ели... Ну что ели? Капуста, картошки очень много было. Капусту свою садили, свёклу свою садили, а картошки засыпали помногу. А как же, колхоз был. Поделили на души землю, вот и картошку и рожь. И убирали, и делили. Тада мерка такая была – на души. И нам припало картошки очень много копать. А хто? Мама да я. Отец болел уже. Так мы девочки нанимали, копали, и мы картошки насыпали, даже закопали такой кауан тогда, закопали, соломой... Палку забиваешь и всыпаешь картошку, а потом соломой закрываешь кругом и закапываешь ие землёю.

– *То есть яма, да, как бы?*

– Не яма, не в яме, прямо так. Закапываешь, и она зиму зимует. А весной откапываешь, она так прорастает всё равно. Нас только картошка спасала. И каша с картошки, и хлеб из картошки. Вот натрёшь картошки, натолкёшь вареное – это заваришь, а потом натрёшь на тёрке, здоровая, выжимки такие были просто вот. Картошку эту тёртую ставишь, она выжметя всё, а это – месишь хлеб. И потом на... этот хлеб пекёшь у печке. А как немцы пришли к нам, а у нас хлеба... хлеба мама, конечно, это, пекла уже на это горе, что, говорить,

може, куда придётся итить, так чтоб хлебушко был. Она пять буханок спекла. А тоуда подушки ж большие были, у наволочку эту положила, уговорить, може, выуонят, чтоб хоть... не подохнем. А коржи эти в спешке вытащила и лежали на столе, на скатерти. И этот немец пришёл у хату, а мама солила оуурцы. Это дело было в авуусте. И спрашивают: что это? А мама уговорить: «Хлеб. Пшаница» (*смеётся*). А он так этот кусочек, так отломил, матери у рот. Мать съела. Уыт (говорит), попробуй. Те коржи поделили между собой (*смеётся*). О-ой-ой! Вот коржи только держали нас.

И драчёны, вот на тёрку натёр, натрёшь маленечко, крахмал. Вот крахмалу помноуу сушили. Потому что коржи эти, муки не было – с крахмалом толкли. И кисель варили с крахмала. Нас держала на свете только картошка. Хлеба не было, своей мельницы не было, пшеницы не было...

«Так страшно было, як в преисподнем!»

Сакалис Мария Фёдоровна, 1927 г.р.,

Дочь – Алла Петровна (А.П.)

с. Гуран Свободненского р-на Амурской обл.

Беседовала Кугай Е., 2009 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

(дочь) – Я ж дочь её. Я и рассказываю, что в нашей деревне до 17 сентября 1943 года немцы были.

– Тебя-то не было.

(дочь) – Ну я-то моложе, ну я же историю знаю хорошо.

– Вот ето утро, когда уже... чуемо... Нихто же ниоткуль ни сводки ни якой, уде воюется, як воюется, только, ну, встанешь вот так утром вот – уорить усё крууом. Думаешь: шо это такое? Орудии бьют. А потом уже семнадцатое вот приблизилось. И немцы отступают, и едет, всё стреляют живое на ходу. Все отступили, бросили свои дома, ушли в коноплю, в оуороды, в лес. Оставили дяревню беспризорную. <...> И вот, в этих коноплях сидим. А окоп там большущий. Залазили вси. Ну, людей мноуо сидить. И сделалось душно так, щас задохнёмся все, умрём. Сядим, ето, в окопе. Утро. Открыли ето, дыру, шоб хоть дышать было можно. А хто се... беуает тут. И хоть и ползет, оно слышно над уоловой, коуда окопы. А заулядывает – хто там? А это солдат. Думали, немец, уси. И он: «Выходите, уже свои пришли, давайте руку, давайте». А вси бояться, думает: «О, руку подаёт солдат». Вытяуывают с их, все вышли, вси уолодные! Обнимают солдат. Солдаты ни... «Ой, знаете, дороуие хозяйки, може ди хоть який сухарик? Третий день не присядали и ничёуо во рту не было». Уимна-стёрки мокрые, пыль, слоем урязи на спинах. А уолодные! Ой! «Не знаем, мы ж дома не были. Пан, побяуим посмотрим, де шо». И мы ж хлеб пооставалось, мясо шо пооставалось, хлеб. Молоко кислое. Яны ети, ети с удовольствием и урызут сухари ети – о-ой! Вот так было.

– А немцы, а как вот они себя вели?

– Немцы от нас жили чераз... чераз четыре или чераз пять домов жили немцы. Выунали хозяев – двенадцать чаловек жило. Только развидняется, беуать: «Матка, яйки там, шо, мо-

локо!» Забирають идуть. Раз пять побудуть у каждом доме. Но ня троуали, не били, ничё. Ничоуо не делали. К нам придить... Мне было сколько? Четырнадцать лет. Ну шо оны, шо-то объясняют, ауа, а я не знаю.

<...> И вот як война уже началась, колхоз уже рассыпался, разделяли землю на каждого хозяина. Ну и вот, из-за того карательный (отряд) приехал, шо не подялили коней. Зямлю эту обрабатывать нечем. Вот один там обиделся, шо ко... и пошёл жалиться немцам в район. Вот так и так обдялили еуо, значить. Ну-у, день прошёл, и сколько, и коли он ходил, никто не знае. Приезжает машина, и беуает по домам. Пососкакали с машины, и хто куда: «Уау! Уау! Уау!» Уонять. И останавливается – прикладом подталкивает. И нас центр соунали всех, ну и сказали, показали картинки, прочитали людям, шо надо партизанов не кормить и ничо им не давать, и вот будете жить вот та-ак, прошвета-ать будете, фермерские дома показали вот так, значить, ауа. Ну и сказали, это прочитали всё и сказали: все по домам. И быстро. А первая бриуада – эт наша первая была, откуль он ходил жаловаться, – оставайтесь мужчины. Все так рады, шо отпустили, бяуом побеули. А етых поставили под ету же оураду, шо я рассказывала вам, уде церковь была, под оураду поставили. И скомандовал: «Оуонь!» Не один стоял, а штук четыре этих, автоматчика. Одному, видно, плохо, шо стреляют, это, значит, я убил, а вот уси вместе дак... Автоматом тр-р-р по этой очереди. Ой, вси упали-и... Сели и уехали. Всё. А сосед наш то ли от страху упал или як он упал, даже не раненый лежал. Просто упал, от страху, наверно, упал. А потом эта машина ушла, а вси повыскакивали, а ён подхватився и никоуо не ууадывает от страха.

(дочь) – А в соседней деревне, километров двадцать, Кирилловке, там шо-то случилось, и они всё село...

– А там шо случилось...

(дочь) – Всё зажули.

– Там шо случилось... Ехали немцы, полицаи. И партизаны встретились в лесу. Ну и начала(сь) перястрелка, и убили немца. Ну убили да и убили. Тоже эта машина приезжае дён через два... Приезжают немцы и так же беуают по домам, як у нас. И все-всех-всех-всех. А такие больши-ие сараи, ну там муку держали и крупу мололи. Ну, тады оно уже заброшенное было, никто ничё. Туды всех закрыли, ой, дверь заколотили, бензином обожгли, запалили. Вот так было. Дак боялись. Ой, боже мой. А у етот день, ну, не пускают же от дяревни до дяревни никоуо. Нихто не знает, шо там делается в соседней? И вот так было. Это был уже март, коли у Кирилловке запалили это. Снеу такой улубокий, некуда свернуть с дороуи. Сы-ырость такая. Сел туман такой, вот стоишь, три метра туман, никоуо не видно николи. Ну а шо такое? Тревожиться, вси скотины у хлевах ревуть по-страшному, корови. Думаю, ну чё ёни рявуть? А етот туман да ишо дым вдобавок, уорело ж там. А корови чует, шо мясом пахнет, ёны ж тады рявуть, кидаются. А люди-то не почуяли, шо это мясо... Так страшно было, як в преисподнем! Тёмно, туман, вси рявуть, куда беуть? Вот так мы жили. И ни одна ночь спокойно не прошло. То партизаны стучать, то немцы. А обутые спали, в лаптях. Хто у коуо в чём. Шоб выскакивать и беуть.

– А как вы приняли известие, что война кончилась?

– А як закончилась война, уже отступили, отступили давно-о, это же покуль до Уермании дойти, у нас уже не было войны ниякой. Ну вот, вышли мы копать под лё-он. Лопаты

взяли, на свои оґороды, копаем сеять. А думаем: шо такое? Шо такое, шум який? Бросили копать, стоим. Стоим. Стрельба якая-то... Думаем, опять немцы? Вискочылы на улицу, а там наш председатель же молодой был парень, из партизан. И съездил в район, ну, в этот, там, где сводки приходят. И там сказали им, шо война кончилась. А ён на коне ехал. Коня заунал так, шо весь он мокрый, чуть не падае. Кричить! С пистолета стреляе! Кричить: «Побе-еда! Побе-еда!» А мы думаем: шо ён? Даже своим ушам не... Не ну шо это, победа... Это же не верится. Уже люди собираются бежать куды станции, нихто ничё не звал – цела куча! И вси, улавное, уолосять! Вси и плачать, и вси уолосять навзрыд. А-а-а! А наш етот, як его, коммунист, был храмий такой дядька, ён тоже отступал и з яврями, кричит: «Радуйтесь! Цалуйтесь!» А кого там целоваться! Як (в)он, например, вчера получили похоронку. Сын убит или муж. Ещё и назавтра прыходили похоронки. Сёдня победа, а завтра похоронка. Радоваться... О-ой! Было страшно, очень страшно. И уолодовали, и трудились, и боялись, и беуали. О-о-ой! Всё было.

«Так нэ надо никола жить»

Ивашина Мария Ивановна, 1931 г.р.

с. Песчаноозёрка Октябрьского р-на Амурской обл.

Беседовала Галимова Д.Н., 2010 г.

Обработала Галимова Д.Н., 2014 г.

Неурамотна. Я ж у войну... Сама война началась – я три класса и кончила. А у нас нэмцы заступыли. У деревни были. Они школу заняли. А в квартири нашей сами посэлылись. А ми жили у поуребах (нрзбр.). А тоди я сэжу, ийсть-то нэма чё. А мама напекла тыквы и с корочкою. «Киндер! Киндер! Уамал! Уавно!» В общэм, уавно йим я. А ето я не было, думаю. А чё, мини там дэсят лет было. А ето я (нрзбр.) ту тыкву ему-то (немцу) та в улаза! (смеётся) А у ёу очки упали. Вин в очках был. Очки упали. Вин пока очки найшёл, то я удрала. Я была маленькая, худенькая. А чё? Йисть-то не было чё. Ну чёй? Вин пока очки нашёл, пришёл, а я уже в поуребе и з бабами сижу. Маленькие... «Киндер! Киндер!» А у него и носики маленькие. А ён уоворит: «Не таке, а таке». Оны уоворят, у нас такоу нету. Тоди мэни мать косу обризала, платье пэрэменила. И я долую-долую не выходыла с поуреба. А тоди он уихал, видно, на той, на поле, там я не знаю...

У нас же етие были, партизаны. У лес, было, идемо, а йисть-то ж нэма самому чё исти. Тэ я была-то маленька, худенька, а там были девчата зо мной такие, полные-то той. То я себе привяжу там яких лепёшек, от то мать напечёт, то воны (немцы) меня не проверяют, а тых проверяють. Орэть: «Партизанам! Партизанам! Партизанам! Партизанам!» И бурчить, и бурчить. Ну, я тоди, при... пришли мы в лис, им рассказали, нашим партизанам. А тоди дний через сколь як началась бомбёжка, как началось уромить! А я думаю, а я хоть пийду пэрэд смертью посижу в своей хати. Их (немцев) нэмае. Я пошла коли... Пух! Пух! Из то... из стенки. Я тоди узяла-то, пид лавку залезла. Не було ж ничёу. Ничёу не було. Ничё не було вобшэ. Коли... як упадэ, а я так выулянула, добро ще, быстро спряталася, а так бы было – на меня упало зеркало. Коли мать бежить. Бежить, шукае мэнэ. Схватила мэнэ за шкирку, надухопэрила мэнэ и у поуреб кинула.

– *Что сделала?*

– Набила. Это по-украински. А тряпкой мэнэ-то. А я тэй... Тоди плачу сижу, а бабы: ну, нэ ходи! Нэ ходи, нэ ходи. А я тоди са... там у нас такэ дэрэво родючее(?) большэ, зализла на үрушу, уже темно, а она (мать) беуае, мене шукае. А я: «Нэ пиду! Нэ пиду! Буде сидить, пока сосну, та упаду, та убьюся! Нэ пиду!» Она тоди: «Доченька! Злазий! Злазь!» Я злизла. Зализла до на ий пид мышку и заснула. А үолодна! Чё там ото, тыква да свёкла, пэчэно всё. Даже картошка-то у войну у нас родыла, а тоди одын үод нэ уродыла. И картошки нэ було. Пооткопывали вот эту үнилюю из ям та пэкли лепёшки. Та илы. Ото мы так жили. Так нэ надо никому жить.

А. Ярошенко

СВИДЕТЕЛЬСТВО О РОЖДЕНИИ

В свидетельстве о рождении имя отца записано размашистой строчкой фиолетовых чернил. Своего папку Манечка не видела никогда, разлука им выпала еще задолго до ее рождения. Казенный конверт с известием о его «пропаже без вести» в аду Второй мировой войны упал в почтовый ящик через две недели после смерти ее самой – младшей дочери рядового Победы Григория Анишина.

Маруся под сердцем

Эту деревню-кроху, которая единственной куцей улицей упиралась в стену Брянского леса, почему-то прозвали поселком. Поселок Андреевский Жиздринского района Калужской области. На самой его окраине в 1940 году два брата Анишиных построили новую хатку, небольшую, но ладную. Братья были мужики дружные, договорились, что хата достанется тому, кто вытянет жребий. Заветный клочок бумаги из замасленной шапки вытянула Анна, жена Григория.

Не успели добром обжиться в новом домишке, как полыхнула война. Григорий Анишин, сорокалетний молчаливый мужик, зарабатывал копейку на лесозаготовках в Ленинградской области. Ему повестку на фронт прислали в первых числах июля 1941 года. У него в Андреевском остались жена и четыре дочери, в военкомате сжалились и дали три дня – попрощаться.

Анюша с дочурками провожала Гришу под стон паровозных гудков на щербатом перроне станции Зикеево. Одуревшая от горя и опухшая от слез, она перед самым отходом поезда сдавленным голосом сказала ему, что беременная. «Даст Бог, будет мальчик», – ответил Григорий и стал спешно целовать свое «бабье царство». Поезд тронулся...

В октябре 1941 года на Калужскую землю пришли фашисты, в Андреевский они сначала лишь изредка заглядывали. Забирали кур да искали «яйки» в притихших от страха избах. После полуночи 5 февраля 1942 года Анна родила пятого ребенка, девочку с льняными волосиками на голове. Роды принимала соседка, бабка Федоска. Согрели чугунок воды, на лавке тускло коптила плошка, а на лежанке русской печки случилась великая тайна – рождение человека.

– Господи, опять девочка! Да как же я ее выращу, когда война на дворе?! – эти полные отчаяния слова роженицы позднее стали семейной легендой.

Когда Манечке исполнилось три месяца, Анюшу с дочерьми немцы вышвырнули из хаты, сказали, что «русским свиньям» здесь не место, дом глянулся офицеру вермахта.

Свой скарб они погрузили на ржавую бричку, в которую впряглись старшие дочери и, не видя дороги от слез, пошли искать убежище в Брянском лесу. Землянку выкопали как сумели: низкую, тесную, посреди этой норки сложили печурку. Спасением было то, что фашисты не застрелили их тощую коровенку, видимо, просто побрезговали тратить пулю на эту дохлятину. Днем на корове пахали земельную латку, ставшую их полем, вечером пытались надоить с нее хоть литр молока.

– Марусю все любили, она же была самая маленькая. Папка в письмах всегда про нее спрашивал. Ему так хотелось ее карточку увидеть, но жизнь была – не приведи Господь. Не до фотографий было, – вспоминала старшая сестра Александра.

От голода их спасали лес и лебеда, из последней кипятком выгоняли горечь, а затем пекли затируху, которую называли хлебом. Праздник был, когда удавалось поймать несколько рыбешек. Зима 1942-1943 годов держала всех обитателей землянки на волосок от смерти.

Немцем спасенная

Манечка тяжело заболела, на голове у крохи образовалась большущая, полная гноя флегмона. Ребенок горел огнем и кричал криком, «лечением» ей были материнские слезы и бесконечная скороговорка: «Господи Сусе Христе, помоги».

Через несколько дней девочка стала затихать... Неожиданно грязное одеяло, прикрывавшее вход в их жилище, отодвинулось и в землянку зашел немец. Привычное вопросительное бормотание про яйки и млеко сменилось интересом к агонизирующей девочке. Он взял Маню на руки, посмотрел на ее пульсирующий гнойник и на пальцах объяснил, что он ветеринар и хочет помочь крохе. Примерно через час коновал передал матери ожившую Марусю, головка у ребенка была перевязана бинтом. Маленькая страдальца крепко спала.

Весной 1943 года фашисты застрелили их коровку-кормилицу, лето прожили впроголодь.

В то лето Господь Марусю спас от смерти еще раз. В одну из душных ночей малышка плакала и просила пить, в землянке воды не было ни глотка. Сонная сестра Александра взяла Маню на руки и понесла к ближайшему озерцу. Когда она с ребенком на руках подошла к берегу, над их головами со свистом пролетел раскаленный до красноты снаряд. Хлюпнулся в воду у них под ногами и... не разорвался.

Красная Армия вытесняла немцев из Калужской земли в августе 1943 года. Отступая, фашисты жгли все, что попадалось им на пути. Почерневшие домишки Андреевского вспыхивали один за другим. Хата Анишиных стояла на самом краю, и очередь из трассирующих пуль прошла по ее соломенной крыше в последний черед.

– Мы из леса наблюдали, как наш поселок горел, мамка хотела бежать, немцам в ноги падать, чтобы не жгли нашу избенку. Но мы ее не пустили, они бы ее убили в одну минуту. Звери же были, – вспоминала Александра Анишина.

Опираясь на весь белый свет, Анна с дочками построили крохотный домишко, сами сделали лежанку и сложили русскую печку.

А письма с фронта перестали приходить с середины 1944 года, бабки кидали на бобы, говорили, что Григорий жив. Жили одной надеждой.

За несколько дней до победного мая 1945 года почтальонка принесла маленькую посылочку, внутри коробки лежали несколько пар детских носочков и пачка цветных карандашей, поверх которой лежал листок, исписанный мелким почерком. Командир Григория извещал, что боец Анишин пропал без вести в одном из тяжелых боев. Его не нашли среди погибших и не было среди живых...

После окончания войны через Андреевский долгой вереницей шли возвращающиеся с войны солдаты.

Чуда не случилось

Маленькая Манечка с сестренкой-погодкой Верой часами просиживали на завалинке и ждали папку с войны. В каждом проходящем мимо красноармейце дети видели своего отца. Но все проходили мимо, и их калитку так никто не потревожил стуком. Вечером они докладывали уставшей матери, что папка не пришел...

Анюша тихо плакала и гладила их по непослушным вихрам. Жизнь на разоренной войной земле была невыносимой: пахали и боронили на себе, нищета была запредельная. Когда летом 1950 года в их поселочек приехал вербовщик с Дальнего Востока, показал фотографии домов под цинковой крышей и ровные улицы не разоренных войной деревень, Анна с детьми решила на переселение не раздумывая. Хуже жизнь уже представить было невозможно.

Дальневосточный хлеб

Сошли они на перрон дальневосточной станции Архара, грузовик повез в деревню с героическим именем Отважное. Старшие дочери пошли работать доярками на колхозную ферму, младшие, Вера и Маруся, – в школу. Жить стало полегче, хлеба наконец-то наелись вдоволь.

Спустя несколько лет ферма стала их судьбой, их каторгой, которая впоследствии отняла здоровье. Когда в семье Анишиных заходила речь об отце, у каждого были о нем свои воспоминания: кого-то на руках держал, кто-то с ним ездил в город на базар, даже у предпоследней Веры – и у той папка был в жизни. Вспоминали, как она, маленькая, стояла на подоконнике и стучала ручкой в оконное стекло уходящему отцу. Он оглянулся и махал ей рукой.

В такие минуты воспоминаний и бесконечных: «А помнишь?» молчала только Маруся. На вопрос об отце Мария Григорьевна всегда отвечала скупой: «Папка на фронте погиб...»

Летом 1991 года она чистой тряпочкой протерла клеенку на кухонном столе и села писать письмо в город Подольск в Центральный архив министерства обороны. Написала все, что знала, что слышала о Григории Емельяновиче Анишине. Ее строчки были полны мольбы и надежды узнать хоть что-то о пропавшем без вести отце.

Казенный конверт гулко стукнулся на дно ее почтового ящика через две недели после смерти младшей дочери Григория Анишина. Мария навсегда осталась сорокадевятилетней... В Центральном архиве Министерства обороны РФ о ее папке нашлось до обидного мало: «Рядовой Григорий Анишин пропал без вести в августе 1944 года».

...Два казенных бланка. Свидетельство о рождении девочки, зачатой за пару месяцев до начала войны. Справка о пропавшем без вести солдате этой войны. Между этими бумагами изломанные судьбы двух близких людей, которым дано было знать, что они есть друг у друга. Но так и не дано было встретиться на этом свете.

Они оба ушли из жизни в перезрелом августе. Григорий Анишин в 1944 году, Мария – через 46 лет. Родные поминают обоих в один день – в день смерти Манечки. И искренне верят, что теперь-то они вместе: девочка, рожденная в войну, и ее папка, пропавший без вести в той войне. В бою за своих любимых девочек, за хатку, в которой они должны были жить долго и счастливо. За всех нас.

Земелька родная

Июнь 1996 года, канун Троицы. Автобус «Москва – Людиново» везет меня на родину моей матери Марии Ярошенко (Анишиной). Случилась неожиданная командировка в столицу, и не заскочить на денек в эти дали ее порохового детства я просто не мог. Ведь «Калужские рассказы» бабушки, теток и матери – это грустная музыка моего отрочества, порой мне казалось, я там тоже вырос.

Когда солнце готовилось провалиться в свой закатный сон, я постучал в двери жены двоюродного брата моей матери бабы Лены Анишиной. Ее единственную пощадило время. Седая старушка открыла мне сенцы и, выслушав мой сбивчивый диалог о коленах родства, тихо воскликнула:

– Ты Мани Анишиной сын?! Ангел! Ды откуда же ты взялся, они же на край света уехали, на Амур?

Наутро в избу бабы Лены бабки шли, как в Иерусалим – Федоски и Марьички, Марфуты и Параски. Весть о том, что приехал сын Мани Анишиной, быстрой птицей облетела село Мужитино. Рассказам, воспоминаниям, слезам и вздохам не было конца и края. Все крутилось вокруг проклятой войны. То, что выжили в том аду, мои собеседницы называли одним емким словом: «Чудо». Одна из них, кряжистая и синеглазая, задрала рукав кофты, а под ним нестройный ряд выколотых цифр. Это метка концлагеря, в который ее угоняли немцы. Они рассказывали о своей лапотной молодости, то и дело переходили на воспоминания о войне. О ней говорили беззлобно, с болью и тихо.

– Васюту Гришачеву немцы били смертным боем, она потом ополоумела, бедная. У нее муж партизан был, а они, звери, партизан сильно боялись, – махали руками мои собеседницы. Называли меня «молодцом», говорили, что привел меня в эту глухомань исключительно голос крови.

Наперебой расспрашивали о жизни на Дальнем Востоке, не могли поверить, что Китай от нас всего в пятистах метрах. Крестились, качали головами. Наивные и бесконечно чистые сердцем.

Сокрушались, что Маруся ушла из жизни, так и не дождавшись весточки о судьбе своего отца.

– Гриша Анишин хороший мужик был: работающий, улыбчивый. Во, судьба! После смерти Мани только весточка о нем пришла, – плескали ладонями бабульки.

В избе пронзительно звенела музыка моего детства с ее бесконечными: «чаво» и «каво». Они все были вдовы, говорили, что «мужиков отняла война и водка». Их дети разъехались по городам и странам, а они, матушки, остались верными своей Расеи.

– От поселка Андреевский ничего не осталось, он простоял еще лет пять, как ваши отсюда уехали, – кивали головами бабульки.

Самая шустрая из них вызвалась быть моим поводырем к родным корням. Брянский лес-спаситель стоял зеленой стеной, сквозь которую едва заметной змейкой вилась тропинка.

Деревья расступились, и густящие заросли лебеды выдавали места, где когда-то стояли дома.

– Вот тут мамка твоя и родилась, здесь их хатка стояла, – указала бабулька на «рощицу» из лебеды. Она частила о том, что помнит, как наши уезжали на Дальний Восток, что соседки плакали и говорили, зачем Анюша своих девок так далеко увозит? На край света, «к самым китайцам».

В воздухе звенела тоска, та самая, которая «необъяснимая словами», во рту горчило, глаза резало от предательской соли.

Мысли жали, как тесные туфли, у этого заросшего травой забвения бугорка пролетели все изломанные войной жизни моей анишинской родни. Выпукло думалось: как опалила их война, как отняла она детство и половину счастья, как лишила здоровья и многих радостей. Уехав на другой конец страны, вы так и остались ее вечными подранками.

...Несколько горстей теплого калужского суглинка, туго увязанного в целлофановый пакет, я привез на сельский погост амурского Отважного. Рассыпал по жменьке всей своей рано упокоившейся родне. Моим Анишиным.

Российская газета. 30.04.2015

М. Белоусов

ВЫНЕСЛА ВСЕ ДЕРЕВЕНЬКА СИБИРСКАЯ ...

*«Господи! Как же нас мало осталось,
пацанов той страшной войны...»*

Как сказано в Священном Писании, каждому суждено родиться в определенное время и в определенном месте, также и покинуть мир сей. Мне и таким же пацанам суждено было родиться в конце 20-30-х годов двадцатого столетия в деревне Никишинке, в колхозе 7 съезда ВКП(б) Кайлинского сельского совета Анжеро-Судженского района (Яйского) Западно-Сибирского края (впоследствии) Кемеровской области.

Когда началась «война с германцем», так говорили в нашей деревне, мне было неполных шесть лет. И начало войны я помню смутно. Но последующие годы и многие события врезались в память прочно...

...Зима, вторая половина. На скотном дворе кормов совсем не осталось, нужно подвозить сено со стогов, которые находятся в полях. Женщины запрягают лошаденку или быка (кому кто достанется), берут в помощники подростков и – в поле. Легко сказать – привезти сено. Но как добраться до стога? Сначала нужно «пробить», протоптать по глубокому снегу дорожку, а уже потом провести по ней запряженных животных. Нагрузив воз, трогаемся, но лошадь не может вытянуть повозку, приходится помогать. Чтобы наш гужевой транспорт тянул сани, животных даже били. От боли они тянули из последних сил. И так в течение дня перевозили весь стог, иначе дорогу переметало, и нужно было все начинать сначала...

Также заготавливали и вывозили дрова, так как топились только дровами. Мужиков в деревне почти не было. Молодые и здоровые воевали, а постарше и не совсем здоровые – в

трудоармии. Остались на «развод», так шутили наши озорные бабы, дед Игнаш – глухой, как пень, с седой бородой, Ляксаха (Александр), он постоянно кашлял, за что его называли чахоточным, Сашка Кузнец, хотя его фамилия была Тимофеев, да дед Хохол, я так и не знал его имени, просто все называли «дед Хохол». Остальные мужики – подростки 13-15 лет.

Вся колхозная работа лежала на плечах женщин и детей. А вот председателем был мужчина. Кто и откуда его прислал, не знаю, детей у него не было, жил со своей женой Пучихой, так как фамилия председателя – Пучков. Любимое выражение председателя «...мать – военное время». Не щадил никого: ни взрослых, ни подростков. По дворам была разнарядка по заготовке чурочек для тракторов (работали на газогенераторе из-за нехватки горючего). Нужно было напилить березовых чурок (колёсиков) толщиной не более 10-15 сантиметров, мелко наколоть и высушить. И попробуй не выполнить, «...военное время»!

Старшие и подростки работали в колхозе, а мы, мелкота, – по своим хозяйствам. Заготавливали дрова, пилили, кололи, укладывали поленицы, чтобы высохли за лето, следующей зимой пропадешь – не растопишь печь. Носили снег в дома и таяли его для питья. А для стирки, мытья и скота кололи лед на пруду Алданка. Убирали коровьи лепехи из стайки и развозили по огородам на маленьких саночках. Давали сено скотине, убирали за коровами и овцами.

Сашка Кузнец работал в кузнице и много помогал колхозу. Ремонтировал бороны, плуги, делал полозья для саней, втулки для тележных колес, тяжи на телеги и оглобли и многое другое. Также Ляксаха сторожил скотный и конный дворы, ремонтировал сбрую.

Подростков 14-15 лет со своими лошадьми зимой посылали на лесозаготовки, на снегоборьбу на станцию в Анжерку, где они очищали железнодорожный пути. Также на своих лошадях, со своими продуктами для себя и кормом для лошадей. Для этого нужен был здоровенный короб на каждую повозку. Их из прутьев изготавливал дед Игнаш.

Коровы и лошади были очень ослаблены непосильной работой и плохой кормежкой. Я видел такую картинку. Стоит корова, а на ней сидит сорока и долбит ее, клюет мясо, а корова без сил и даже не пытается ее прогнать. Ужасное зрелище!

Еще мы научились катать валенки, правда, получались они неаккуратные и мягкие, не было кислоты, но все равно в них было тепло. Так и пережили зиму. Сказать, что было трудно, значит, ничего не сказать.

...Весна, посевная. Тракторов не хватало, а какие были – часто ломались. Трактористы – только подростки. МТС (машинно-тракторная станция) находилась за 80 километров, в Кайле. В управлении тоже была полная неразбериха. Приезжает агроном и нарочный из района – требуют пахать и сеять, хотя их пытаются убедить, что земля еще сырая и холодная – бесполезно... Пахать и сеять! Военное время. Попробуй возразить. Один требует пахать глубже, другой – мельче и... пошло поехало. Но... посеяли, отработали, а что там получится, никто знать не мог.

... Вот уже и покос и подходит. Рабочих рук не хватает, техники нет, правда, попозже появились конные сенокосилки, и стало полегче. Нас, пацанов, брали на сенокос сгребать и переворачивать валки, а потом на волокушах, запряженных лошадей или быком, подвозить в копнах к месту, где складировали в стога или скирды. А когда же заготавливать сено для

своих коровенок и овечек? А когда хочешь, ведь пока не выполнишь план по заготовке сена для колхоза, для себя косить не имели права. А там уже и трава высохла. Но как бы трудно ни было, все же умудрялись заготовить и для себя – бежали бабенки и подростки раненько утром в лес и косили.

Не успели закончить с сенокосом – поджигает уборочная. Вот тут надрывали пупок окончательно: то дождь – нельзя убирать, то убрали сырое зерно – сушить нужно. Днем жали, по ночам – обмолачивали. Электроэнергии в деревне не было, и обмолот производили с помощью конной тяги. Зерно возили на элеватор на станцию Судженка. Дороги разбиты. Повозки тонут в грязи. Лошади слабые, возчики, в основном мальчишки и девчонки, в сопровождении старших. Мешки тяжелые. Подростки надрывали животы, потом в деревне лечили грыжи, ставили горшки на живот, что-то вроде современных банок. А заканчивалась уборочная – получать на трудодни нечего, все ушло для фронта, в закрома Родины. И опять зимой тереть картошку-корневку по целому ведру и печь из нее хлеб и батоны. А к весне и она заканчивалась. Собирали траву да гнилую картошку на колхозных полях, делали «тошнотики». И все же выжили и... победили!

Вот они, труженики тыла, пацаны, с кем ковали Победу: Саша и Леня Тимофеевы, Петя и Леня Максимовы, Женя Тимофеев, Петя и Рая Сусоевы, Зоя и Зина Ефимовы, Толя Петров, Коля, Витя, Нюша, Миша Курановы, Богдановы, два Коли (двоюродные братья), Валентин и Тоня Андреевы, Нина и Ваня Яковлевы, Вася и Лида Дерендяевы, Клава, Ваня, Миша Белосусовы, Женя Ефремов, Аня, Леня, Нина, Степа Приходько. К сожалению, многие уже ушли в мир иной. Осталась связь с Раей Сусоевой (Тимофеевой в замужестве) и Ниной (Анной) Яковлевой (Аловой).

В конце войны увидели живых немцев. На копку картошки пригнали пленных, человек 15-20. Охранник-надзиратель был злоющий! Немцы его боялись. Напротив конторы на пригорке висел котел для приготовления пищи. Кормили их неплохо, мы даже выменивали у них кильку соленую пряного посола. Вкусная была!

У нас был большой дом, и поэтому к нам поселили старшего немца-переводчика. А с ним были две «фрау». То ли поварихи, то медсестры. Спали все втроем на полу. Мама спрашивала немца: «Где научился разговаривать так чисто по-русски?». Отвечал: «До войны учился в Ленинграде».

Как работники немцы были никудышные. Сам наблюдал. Вдвоем накопили картошки ящик – на носилки, отнесут в общую кучу, и тут же один из них бежит в кусты. За следующими носилками другой делает то же самое. Дескать, животы у них расстроенные. Один раз видел, как надзиратель бил немца прикладом за то, что тот просмотрел и перевернул воз с картошкой на мостике. Других случаев не припомню. Все же русские люди милосердные. Такие зверства фашисты творили, а мы к ним относились по-человечески. Кормили, спали в одном доме, разговаривали.

Я не помню, как попала к нам картинка-фотография из газеты, где советская девушка привязана к дереву, распята, как Иисус Христос, естественно, мертвая, вся обнаженная. До сих пор стоит мне закрыть глаза, я воочию вижу ту молодую девушку. За что?! Девушка – Россия, Родина ...

Как бы то нам ни было, но общими усилиями мы победили. Известия об окончании войны получили на уроке в школе в деревне Суровке. Что тут началось!!! Три километра до нашей деревни бежали. Но нас опередил верховой на лошади и сообщил радостную новость, которая, естественно, была со слезами на глазах, так как были потери и в нашей деревне. Убиты двое молодых парней: Петр Дерендяев и Владимир Яковлев, оба холостые. У пожилого Василия Максимова, не вернувшегося домой, осталось четверо детей. Иван Приходько вернулся без кисти. Андрей Бугаев – на деревянной ноге. Николай Тимофеев получил серьезное ранение. Остальные мужчины вскоре после войны один за одним ушли на погост. Вот такая цена нашей Победы для нашей деревеньки.

Как бы трудно ни было, но все работали, работали и работали. Несмотря на все тяготы и нищету (босиком ходили), полуголодное существование, мы, как и все дети, находили время и играли в лапту, палки-закидалки, казаки-разбойники, городки, улица на улицу. Подростки выросли, влюблялись – жизнь продолжалась...

Сегодня уже нет моей Никишинки (снесли как неперспективную деревню), но в сердце моем она по-прежнему жива. Я не знаю, чьи это слова, но они подходят к моей деревне точно:

Тихая моя родина – березы, пруд, снегири.

Брат мой здесь похоронен в детские годы мои.

(брат Ваня умер и похоронен в 1948 году).

Вместо пруда – болотина там, где купаться любил (пруд Алданка).

*Тихая моя Родина, **Я НИЧЕГО** не забыл.*

*Наш город. Массовая газета
Анжеро-Судженского городского округа.
02.05.2015. № 69 (194053).*

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О СЕЛАХ*

АРХАРИНСКИЙ РАЙОН

Село Грибовка

Основано в 1898 г. переселенцами из Могилёвской губернии; названо в честь землеустроителя Грибского. Одними из первых переселенцев, основавших село, были семьи Игнатовых, Масниковых, Шурановых, Смоляковых. Здесь сохранилась небольшая община староверов, прадеды которых в числе первых осваивали эту территорию в конце XIX в.

Расположено в 26 км к северо-востоку от п.Архара на правом берегу р.Архары. На 2003 г. в селе проживало около 360 человек.

Село Иннокентьевка

Основано в 1857 г. Первоначальное название – станица Нижнебуреинская. Современное название станица получила в честь Иннокентия Вениаминова, архиепископа Камчатской епархии, который, спускаясь по Амуру летом 1862 г., освятил построенную здесь церковь. Первые поселенцы (семьи Масич, Муромцевых, Чеушевых) – забайкальские казаки, прибывшие на Амур с целью освоения земель. Вторая волна переселенцев – жители западных областей России, белорусы, украинцы.

Расположено на левом берегу р.Амур в 35 км от п. Архара. На 2003 г. в селе проживало около 500 человек.

Село Касаткино

Образовано в 1852 г. как село Халтан (Халтанская станица) казаками-переселенцами – забайкальскими гуранами. В 1857 г. переименовано по фамилии доктора И.А. Касаткина, участника экспедиции, организованной Н.А. Муравьевым-Амурским в 1854 г. По рассказам старожилов, тонувший в Амуре доктор был спасен казаками. В благодарность он воздвиг на берегу реки часовню, названную Касаткинской. Такое же название получила и станица. В числе первых поселенцев семьи Вырупаевых, Рукавишниковых.

Расположено на левом берегу Амура в 70 км от п. Архара. На 2003 г. в селе проживало 558 человек около 19 национальностей: русские, белорусы, украинцы, мордовцы, татары и другие.

БЕЛОГОРСКИЙ РАЙОН

Село Великокнязевка

По официальной версии основано в 1910 г.. По мнению жителей села, год образования – 1898. Первое название – Великая Княжевка, названо в честь великого князя Константина Александровича Романова, который разрешил поселиться здесь переселенцам из Украины. По другой версии с. Великокнязевка названо в честь самого богатого жителя по фамилии Князев.

Расположено в долине р. Зеи.

Село Ключи

Основано в 1862 г. старообрядцами, переселенцами из Пермской губернии. Названо по особенности местности: рядом с селом били из-под земли чистые ключи, раньше деревня называлась Ключевская.

Расположено на левом берегу р. Томи. На 2006 г. в селе проживало около 150 человек.

Село Комиссаровка

Образовано в 1886 г. переселенцами из Екатеринославской губернии. Первоначально называлось Колягино. В начале XX в. село было самым большим в Белогорском районе (1926 г. – 1 345 человек). В селе проживают также потомки переселенцев из Рязанской и Московской областей, из Украины.

* Использованы данные «Топонимического словаря Амурской области» Е.В.Сутурина (Благовещенск, 2000), книги «Амурская область. Опыт энциклопедического словаря» Н.К.Шульмана (Благовещенск, 1989), репринтного издания 1994 г. «Географическо-статистический словарь Амурской и Приморской областей» А. Кириллова (Благовещенск, 1894), а также материалы научных экспедиций в села.

Расположено в долине р. Зеи, на правом берегу р. Белой. На 2005 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Новоандреевка

Основано в 1886 г. старообрядцами из Забайкалья.

Расположено на левом берегу р. Зеи в 70 км от Белогорска. Первоначально располагалось тремя километрами ниже по течению р. Зеи, перенесено на более высокий берег после наводнения. На 2005 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Светиловка

Первые 28 семей переселились из Украины в 1895 г., из Полтавской губернии Кременчугского уезда. В числе первопоселенцев – семьи Логиновых, Ёловых, Киселёвых. Село было зарегистрировано в 1896 г., названо в честь украинского села Светиловка, из которого выехали первопоселенцы. В селе проживают также потомки переселенцев из Рязанской области и Поволжья.

Расположено на левом берегу р. Томи. Численность населения на 2005 г. – около 500 человек.

Село Успеновка

Основано в 1890 г. Названо в честь праздника Успения Богородицы. Первые поселенцы прибыли из Полтавской и Киевской губерний. В настоящее время в селе проживают потомки переселенцев из Украины, из западных областей России и из различных регионов Дальнего Востока.

На 2011 г. численность населения – около 530 человек.

КОНСТАНТИНОВСКИЙ РАЙОН

Село Константиновка

Образовано в 1858 г. как казачья станица Константиновская, названная в честь великого князя Константина Николаевича, на месте казачьего поста. В начале XX в. в село приезжали переселенцев из Тамбовской и Полтавской губерний.

В годы второй мировой войны в селе Константиновка проходила переправа через Амур при освобождении русской земли от японских милитаристов.

На 2013 г. население составляло около 5300 человек.

МАЗАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Белоярово

Основано в 1889 г. переселенцами из западных областей России. В числе первых поселенцев – семьи Шагаровых, Табунковых, Малыхиных, Белоглазовых, Шапыринских, Ланкиных, Курносовых. Название село получило за белый галечный берег над р. Зеей.

Расположено в 14 км от г. Мазаново. Бывшая центральная усадьба колхоза «Зейский гигант», объединявшего сёла Белоярово, Каменку и Юбилейное Мазановского района. На 2004 г. население села – около 1050 человек.

Село Красноярово

Основано в 1884 г. переселенцами из западных областей России. Среди первых поселенцев – семьи Павлюченко, Зубовых, Труш, Лях, Синицких, Суровцевых, Мальцевых.

Расположено в 46 км от райцентра, на левом берегу р. Зеи. Бывшая центральная усадьба колхоза «Краснояровский», объединявшего сёла Красноярово, Петровку, Антоновку, Леонтьевку и Михайловку Мазановского района. На 2004 г. население села – около 1200 человек.

Село Михайловка

Основано в 1906 г. Названо по фамилии первого поселенца – Михайлова.

Расположено в 40 км от г. Мазаново на правом берегу р. Бирмы.

МИХАЙЛОВСКИЙ РАЙОН

Село Дим

В 1867 г. на землях Поярковского станичного округа забайкальскими казаками из Минусинского округа Енисейской губернии был образован поселок Дим. В 1869 г. в километре от него пятнадцатью переселенцами из Украины была образована деревня Дим. В 1891 г. ее объединили с Димским казачьим хутором.

Расположено на правом берегу р. Дим. На 2008 г. в селе проживало около 900 человек.

Село Зелёный Бор

Основано в 1920 г. как центральная усадьба совхоза Завитинский, до 1968 г. собственного названия не имело. Современное название дано по сосновому бору, посаженному первыми жителями села.

В настоящее время в состав Зеленоборского сельсовета входят три населенных пункта: Зелёный Бор, Черемисино, Красный Яр. В 2008 г. на территории сёл проживало около 1060 человек.

Село Коршуновка

Основано в 1876 г. переселенцами из Тамбовской губернии, названо по имени первого поселенца Михаила Коршунова.

Расположено на правом берегу реки Завитой.

В 2013 г. население составляло около 300 человек.

Село Поярково

Основано как казачья станица переселенцами с р. Аргуни в 1858 г.. Названо в честь русского землепроходца, якутского воеводы Василия Пояркова. До революции казачья станица Поярково – центр Поярковского станичного округа. В округ входили казачьи поселения Константиновка, Коврижка, Дим, Ключи, Новопетровка, Золотоножка, Чесноково.

Расположено на левом берегу р. Амура, в устье реки Завитой. Поярково – административный центр Михайловского района Амурской области. В настоящее время там располагается ЗАО «Поярково – Торговый порт» - одно из важнейших предприятий района, осуществляющее грузопассажирские перевозки в Китай и по Дальнему Востоку.

В 2013 г. в с. Поярково проживало около 7000 человек.

Село Чесноково

Основано в 1862 г. как Чесноковский казачий хутор. Названо по фамилии сотенного командира Первого Амурского полка конной бригады Михаила Чеснока. Первыми чесноковскими поселенцами были семьи Кайдаловых, Волошниковых, Сумароковых, Намоконовых.

В 1917 г. в Чесноковском насчитывалось 262 казака. В годы гражданской войны казаки защищали свой бытовой и хозяйственный уклад от посягательства крестьянства и Советской власти. В апреле 1919 г. чесноковские казаки приняли активное участие в разгроме и сожжении революционных сел Михайловской волости. В 1920 г. казачье сословие было реорганизовано и поселок Чесноковский потерял статус казачьего населенного пункта. В 1922 г. был образован Чесноковский сельсовет.

В 2013 г. в с. Чесноково проживало около 780 человек.

Село Черемисино

Основано в 1923 г. До 1966 г. являлось одной из усадеб Завитинского (сегодня – Зеленоборского) совхоза и собственного имени не имело. Современное название дано в честь жителя с. Красный Яр, командира партизанского отряда И.Н. Черемисина, возглавлявшего повстанческую группу в годы гражданской войны и интервенции.

Расположено на левом берегу р. Завитой.

Село Шадрино

Основано в 1940 г. как подсобное хозяйство 102-го военного завода г. Комсомольска-на-Амуре и названо в честь С.Ф. Шадрина, активного участника борьбы за власть Советов в Приамурье. Семей в селе было немного, в первые годы многие люди жили в землянках. Работали на полях, выращивали бахчевые, картофель для военного завода, занимались скотоводством.

В 2013 г. население составляло около 190 человек.

ОКТЯБРЬСКИЙ РАЙОН

Село Максимовка

Основано в 1909 г.. Первые переселенцы приехали из Полтавской и Черниговской губерний (Украина). Первоначально село называлось Софиевкой по имени инженера-землеустроителя. Современное название село получило потому, что первые переселенцы были из украинского с. Максимовка Полтавской губернии. В 2010 г. в селе проживало около 450 человек.

Расположено в верховьях р. Дим в 39 километрах от районного центра – с. Екатеринославки.

Село Николо-Александровка

Основано в 1901 г. (по другим данным – в 1907 г.) переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). Названо в честь царствовавшего в те годы Николая Александровича Романова.

В 2010 г. в селе проживало около 760 человек.

Село Песчаноозёрка

Основано в 1884 г. переселенцами из с. Кутенёвка Новочеркасской волости Донской губернии. Первоначальное название села – Алексеевка. Настоящее название получило в связи с тем, что недалеко от села находилось озеро с песчаным дном. До революции в селе была церковь.

Расположено на берегу р. Ивановки. В 2010 г. в селе проживало около 760 человек.

Село Переясловка

Основано в 1902 г. переселенцами из Переясловского уезда Полтавской губернии (Украина). В числе первых поселенцев – семьи Сосновских, Вергун, Пацюк, Колосок, Курочка, Юрчук.

В 2011 г. в селе проживало около 160 человек.

СВОБОДНЕНСКИЙ РАЙОН

Село Гуран

Основано в 1883 г. старообрядцами из Забайкалья. В числе первых поселенцев были семьи Ерофеевых, Рытовых, Кушнарёвых, Тихоновых, Баланёвых. Выходцы из Забайкалья назывались «гуранами» (эвенкийское – «горный козёл»), это прозвище и дало название селу.

Расположено на берегу р. Гуран. В 2009 г. в селе проживало около 230 человек.

Село Заган

Основано в 1906 г. старообрядцами из с.Новый Заган Забайкалья. Первоначальное название – Майориха.

Расположено в 40 км от г. Свободный на правом берегу р. Зеи.

Село Загорная Селитьба

Основано в 1891 г. как казачья станица. Название отражает географическое расположение села, т.е. «поселение за возвышенностью», «местность за горой, холмом».

В 2009 г. в селе проживало около 940 человек

Село Зиговка

Основано в 1910 г. переселенцами из южных областей России. Названо по фамилии первых поселенцев – Зиговых.

Расположено в верховьях р. Голубой. В 2009 г. в селе проживало около 200 человек.

Село Костюковка

Основано в 1901 г. переселенцами из Могилёвской губернии (Белоруссия). Первыми поселенцами были семьи Банных, Конталёвых, Симаковых.

Расположено в верховьях р. Голубой. В 2009 г. в селе проживало около 700 человек.

Село Новоивановка

Основано в 1907 г.

Расположено в 15 км от г.Свободный на р. Джалунь. В 2009 г. в селе проживало около 600 человек.

Село Серебрянка

Основано в 1905 г. переселенцами из с.Серебрянка Киевской губернии Украины. Расположено в верховьях р. Голубой. В 2009 г. в селе проживало около 170 человек.

Село Сычёвка

Основано в 1907 г. До 1917 г. было казачьей станицей. Названо в честь атамана Сычёва. В 2009 г. в селе проживало около 640 человек.

Село Черновка

Основано в 1911 г. Первоначально существовало как разъезд Черновский. Название дано в честь инженера Чернова, руководившего строительством железной дороги на этом участке Транссиба. Первыми жителями села были переселенцы из Украины и Белоруссии (семьи Кабановых, Пчельниковых, Андрияшко).

Располагается в 30 км от г. Свободного на правом берегу р. Большой Пёры. В селе имеется действующий керамический завод, железнодорожная станция.

СКОВОРОДИНСКИЙ РАЙОН

Село Албазино

Первое русское поселение на Амуре. В 1650 г. Ерофей Хабаров с отрядом казаков без боя занял городок, принадлежащий Албазе – даурскому князю, и в 1651 г., укрепив поселение, казаки обосновались там и назвали его Албазинским острогом. После зимовки отряд ушел. В 1665-1666 гг. русские казаки, крестьяне и промысловики во главе с Никитой Черниговским восстановили албазинские укрепления. В 1683 г. было основано Албазинское воеводство. В 1865 – 1867 гг. поселение атаковали маньчжурские отряды. По условиям Нерчинского договора 1689 г. Албазин был покинут русскими. В 1857 г. во времена нового освоения русскими Приамурья здесь была основана казачья станица Албазин, сегодня – село Албазино.

На месте острога размещен Албазинский краеведческий музей, начавший свою историю с 1930-х гг.

В 2012 г. население села составляло чуть более 360 человек.

Село Джалинда

Основано в 1858 г. на берегу реки Джалинды (от эвенкийского «тайменевая река») как станция Рейново, после – поселок Рейновский, названный в честь инженера Рейна, участника амурских сплавов. В 1860 г. здесь была построена пристань Джалинда. После того как в начале XX в. в Рейново была переведена контора золотопромышленной компании «Джалинда», поселок получил свое современное название.

До начала 2000-х гг. в селе работал лесопункт и поддерживалось сообщение с п. Сковородино через ветку железной дороги Сковородино-Рейново.

На 2012 г. население села составляло около 1200 человек.

ТАМБОВСКИЙ РАЙОН

Село Гильчин

Основано в 1869 г. переселенцами из Тамбовской, Самарской, Воронежской губерний – семьями молокан и духоборов Ланкиных, Мясниковых, Розвезевых, Аистовых, Хлыстовых, Лиштаевых. После 1890 г. в Гильчине появилась и община баптистов. До 30-х гг. XX в. в селе проживали китайцы и корейцы.

В 2005 г. численность населения – около 500 человек.

Село Раздольное

Образовано в 1910 г. Первопоселенцы – семья Хлыстова Дмитрия Прокопьевича, посланная за молоканскую веру. С 1913 г. село стали заселять молоканские семьи Болотовых, Лиштаевых, Саяпиных, Кондрашевых, Розвезевых. В село переселялись и баптисты. В конце 30-х гг. XX в. село пополнилось переселенцами из Украины и Белоруссии.

Расположенное на широкой равнине, среди лугов и полей, село получило название Раздольное. С 1930 г. здесь существует совхоз «Партизан» (ныне агрофирма), поэтому неофициальное название села – Партизан. В 2005 г. численность населения – 2359 человек.

ШИМАНОВСКИЙ РАЙОН

Село Кухтерин Луг

Основано в 1909 г. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия. По словам старожилов, село названо в честь купца Кухтерина. Неофициальные названия: Кухтерино, Кухтерин. По другим данным, название дано в честь главы г. Благовещенска того времени, когда было образовано село, – В.М. Кухтерина. Вторая часть названия отражает положение села на открытой местности – лугу.

Расположено на правом берегу р. Зеи в 86 км от г. Шимановска. В советское время в селе располагался лесозаготовительный участок Зейского леспромхоза, завод по изготовлению шпал.

Село Ураловка

Село образовано в 1912 г. Первыми поселенцами были семьи Пискуновых, Власовых, Соколовых, Иванниковых, Бушмакиных, Дмитрюк, Сидорюк. Родина первопоселенцев – Белоруссия, Украина, Центральная Россия. Название, согласно одной из версий, дано по имени речного судна «Урал», которое простояло около села две недели из-за падения уровня воды в реке.

Располагается в 90 км от г. Шимановска на левом берегу р. Зеи. В советское время в селе находился лесопункт Зейского леспромхоза.

Село Чагоян

Основано в 1910 г. на месте стойбища манегров (тунгусо-язычного племени). Раннее название – Михайловское. Современное название дано селу в 1912 г. (монгольское «цаган» – «белый»; в том месте, где расположено село, берега р. Зеи сложены белым известняком). По другим версиям, название села происходит от китайских слов «чага» (известь) и «ян» (есть) или от имени китайского купца-промышленника Ча Го Яна. Первые поселенцы – семьи Кухлиных, Нетунаевых, Мищенко.

Расположено в 45 км от г. Шимановска на берегу р. Зеи, где находится каменный карьер по разработке известняка.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ИНФОРМАНТАХ

Безвесельная Екатерина Акимовна, 1932 г.р. Родилась в с. Комякино Курской области. С 1951 г. проживает в с. Дим Михайловского района.

Буравцова Екатерина Кондратьевна, 1922 г.р. Родилась в с. Ново-Сергеевка Иваницкого района Курской области. Проживает в с. Кориуновка Михайловского района.

Верескун Ксения Ивановна, 1934 г.р. Родилась на Украине. С 1954 г. проживает в с. Преображенковка Октябрьского района.

Винс Галина Ильинична, 1935 г.р. Родилась в с. Сагибово Архаринского района. Проживает в с. Касаткино Архаринского района. Отец – коренной житель села. Мать приехала из Читы в 1927 г.

Войлошников Адлер Васильевич, 1935 г.р. Родился и проживает в с. Чесноково Михайловского района. Деды по отцовской и материнской линиям переселились из Забайкалья.

Войлошникова Зоя Михайловна, 1936 г.р. Родилась и проживает в с. Чесноково Михайловского района. Деды по материнской линии переселились из Забайкалья.

Гладкова Надежда Фоминична, 1931 г.р. Родилась в с. Ново-Ричица Клиновского района Брянской области. С 1951 г. проживает в с. Кориуновка Михайловского района.

Грибкова Мария Романовна, 192(?) г.р. Родилась в г. Белграде (Украина). С 1946 г. проживает в с. Николо-Александровка Октябрьского района.

Данцева Тамара Ильинична, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Дергунова Светлана Дмитриевна, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Зелих Алевтина Николаевна, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Ивашина Мария Ивановна, 1931 г.р. Родилась в Киевской области. С 1971 г. проживает в с. Песчаноозёрка Октябрьского района.

Ивличева Дина Николаевна, 1933 г.р. Родилась в д. Роговинка Фатежского района Курской области. До 1941 г. жила на Украине в Киевской губернии, с 1941 г. – в Курской области. В 1950 г. переселилась в п. Константиновка Константиновского района.

Козырева Галина (Александра) Трофимовна, 1938 г.р. Родилась в д. Грибановка Грибановского района Тамбовской губернии. Отец переселился в Амурскую область из Полтавской губернии, мать – из Тамбовской губернии. С 1939 г. проживает в с. Поярково Михайловского района.

Колесникова Татьяна Тихоновна, 1929 г.р. Родилась в с. Михайловка Воронежской области. Проживает в с. Константиновка Константиновского района.

Кургуз Фаина Алексеевна, 1933 г.р. Родилась в г. Клиңцы (Брянская область). В конце 40-х гг. переселилась в Амурскую область. Проживает в с. Дим Михайловского района.

Лесникова Анна Аникиевна, 1936 г.р. Родилась в с. Бикетово Сквородинского района. С 196(?) г. проживает в с. Джалинда Сквородинского района. Родители переселились в Амурскую область из Забайкалья.

Лисицкая Наталья Юрьевна, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Матвеев Михаил Иванович, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Матвиенков Анатолий Андреевич, 1939 г.р. Родился и проживает в с. Джалинда Сквородинского района. Родители переселились из Курской области (Успенский район).

Матвиенкова Клавдия Аникиевна, 1938 г.р. Родилась в с. Бикетово Сквородинского района. С 1943 по 1959 гг. жила в с. Перемыкино Сквородинского района. С 1959 г. проживает в с. Джалинда Сквородинского района. Родители переселились в Амурскую область из Забайкалья.

Меншун Нина Михайловна, проживает в с. Поярково Михайловского района.

Сакалис Мария Фёдоровна, 1927 г.р. Родилась в с. Каменский хутор Климовского района (Украина). Проживает в с. Гуран Свободненского района.

Сидоренко Надежда Петровна, 1933 г.р. Родилась на Украине. С 1958 (?) г. жила в п. Архара Архиринского района. С 1987 г. проживает в с. Максимовка Октябрьского района.

Федореев Владимир Филиппович, 1936 г.р. Родился и проживает в с. Чесноково Михайловского района. Деды по отцовской линии переселились из Забайкалья. Мать переселилась с запада. Отец был казаком, расстрелян в 30-е гг. XX в.

Черникова Александра Матвеевна, 1930 г.р. Родилась и проживает в п. Константиновка Константиновского района. Отец был казаком, расстрелян в 30-е гг. XX в.

Чиглинцева Мария Григорьевна, 1932 г.р. Родилась в д. Янта (Приморье). Проживает в с. Грибовка Архаринского района.

АВТОРЫ

АЛЕКСЕЕВА ГАЛИНА КУЗЬМИНИЧНА, учитель русского языка и литературы МОБУ СОШ № 2 г. Благовещенска. Имеет высшую квалификационную категорию, звания «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации».

E-mail: charli71@mail.ru

АРХИПОВА НИНА ГЕННАДЬЕВНА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, доцент кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: charli71@mail.ru

БЕКАСОВА ЕЛЕНА НИКОЛАЕВНА, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры языкознания и методики преподавания русского языка Оренбургского государственного педагогического университета (Оренбург).

E-mail: bekasova@mail.ru

БЕЛОУСОВ МИХАИЛ ПЕТРОВИЧ, пенсионер, в прошлом – шахтер (г. Анжеро-Судженск Кемеровской области).

БЛОХИНСКАЯ АЛЁНА ВЛАДИМИРОВНА, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, старший преподаватель кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: avblokhinskaya@mail.ru

БУДНИКОВ КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ, студент филологического факультета Амурского государственного университета (Благовещенск).

ВАСИЛЬЕВ ВАСИЛИЙ ПЕТРОВИЧ, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета (Кемерово).

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ВАСИЛЬЕВА ЭЛЛА ВАСИЛЬЕВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета (Кемерово).

E-mail: wwpetrovich@rambler.ru

ГАЛИМОВА ДАРЬЯ НИКОЛАЕВНА, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, доцент кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: darja_galimova@mail.ru

КОСИЦЫНА ИРИНА КОНСТАНТИНОВНА, преподаватель общегуманитарных дисциплин Амурского областного колледжа искусств и культуры, аспирант Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: saga-82@mail

ЛАГУТА НИНА ВЛАДИМИРОВНА, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, доцент кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: nlaguta@mail.ru

ЛИ СЫЖУЙ, соискатель кафедры русского языка и издательского дела Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Хабаровск).

E-mail: lww0519@126.com

МИШАНКИНА НАТАЛЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

E-mail: mishankina@ido.tsu.ru, n1999@rambler.ru

ОГЛЕЗНЕВА ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА, доктор филологических наук, руководитель лаборатории региональной лингвистики, профессор кафедры русского языка Амурского государственного университета (г. Благовещенск), профессор кафедры русского языка как иностранного Института международного образования и языковой коммуникации Национального исследовательского Томского политехнического университета (г. Томск).

E-mail: eoglezneva@yandex.ru

САМОЙЛЕНКО ТАТЬЯНА, преподаватель факультета русского языка Хэйхэского университета (Хэйхэ, КНР), магистрант филологического факультета Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: neizvestno_kto@mail.ru

СОСИНА НАТАЛЬЯ АНАТОЛЬЕВНА, старший преподаватель кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: na_sosina@mail.ru

СТАРЫГИНА ГАЛИНА МИХАЙЛОВНА, кандидат филологических наук, научный сотрудник лаборатории региональной лингвистики, доцент кафедры русского языка Амурского государственного университета (Благовещенск).

E-mail: starygina36@mail.ru

ФИЛЬ ЮЛИЯ ВАДИМОВНА, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск).

E-mail: 2fil@inbox.ru

ЯРОШЕНКО АЛЕКСАНДР ВЛАДИМИРОВИЧ, корреспондент «Российской газеты» (Благовещенск).

E-mail: yaroshenko68@mail.ru

Летом 2014 г. кафедрой русского языка Амурского госуниверситета была организована **фольклорно-диалектологическая экспедиция**. Экспедиция проходила в селах Ивановского и Благовещенского района Амурской области. В экспедиции приняли участие сотрудники лаборатории региональной лингвистики при кафедре русского языка Амурского госуниверситета Е.А. Оглезнева, Г.М. Старыгина, Н.В. Лагута, Н.Г. Архипова, А.С. Потапова. Общее руководство экспедицией осуществляла старший преподаватель кафедры Алена Владимировна Блохинская.

Всего было обследовано 10 сел: 7 сел Ивановского района (Богородское, Ерквцы, Константиноградовка, Крещеновка, Петропавловка, Семиозерка, Черемхово) и 3 села Благовещенского района (Егорьевка, Новопетровка, Прядчино).

Многие обследованные села относятся к старейшими в Приамурье: они образованы в середине 60-х гг. XIX в. Многие основаны переселенцами из Украины. Был собран интересный материал по истории заселения и освоения Амурской области на основе рассказов диалектоносителей, составлено представление о современном состоянии амурских говоров – говоров переходного типа, выявлены уникальные факты русско-украинского языкового взаимодействия в нашем регионе.

Студентами и преподавателями было опрошено 109 информантов. Время цифровой записи составило 81 час.

Мы еще раз убедились в душевной щедрости сельских жителей, их открытости, жизненной стойкости, равнодушии к происходящему в мире, искреннем желании помочь. Все лучшие качества селян отразились в записанных от них рассказах о прошлой и настоящей жизни.

Собранные материалы пополняют фоноархив диалектной речи Приамурья, созданный на кафедре русского языка, а наиболее интересные диалектные тексты после их научной обработки будут опубликованы в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово».

Итогом нескольких лет научных исследований, проводимых на кафедре под руководством профессора Е.А. Оглезневой, стала **коллективная монография** «Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай)». Авторами монографии являются А.В. Блохинская, С.В. Гордеева, Е.В. Касимова, Е.А. Оглезнева, Цзян Ин. Монография вышла в Благовещенске, в издательстве АмГУ, в ноябре 2014.

В монографии представлено системное описание языковой ситуации в Приамурье и приграничном с Россией Северо-Восточном Китае с участием русского языка и рассмотрены различные формы межъязыкового взаимодействия в полиязыковом регионе. В поле зрения авторов оказался и дальневосточный региолект, который рассматривается как компонент современной языковой ситуации в регионе.

Монография адресована лингвистам, историкам, этнографам, регионоведам и всем, кто интересуется региональной проблематикой и проблемами Дальнего Востока в частности.

В роли рецензентов выступили А.П. Майоров, д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Бурятского государственного университета (г. Улан-Удэ), и Ю.А. Эмер, д-р филол. наук, профессор кафедры общего, славяно-русского языкознания и классической филологии Национального исследовательского Томского государственного университета (г. Томск).

20 мая 2014 г. в Диссертационном совете Национального исследовательского Томского государственного университета **защитили диссертации** на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.01 – Русский язык старший преподаватель кафедры русского языка, аспирант Амурского госуниверситета А.В. Блохинская и старший преподаватель Хэйхэского университета, аспирант Амурского госуниверситета С.В. Гордеева. Научный руководитель обеих соискательниц – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Амурского госуниверситета Е.А. Оглезнева.

Темы диссертаций:

Блохинская А.В. «Русско-украинское взаимодействие в русских говорах Приамурья (на материале речи жителей Октябрьского района Амурской области)»

Гордеева С.В. «Русский язык в приграничном Китае (на материале речи русских переселенцев в Китай 20-40-х гг. XX в. и их потомков)»

В отзывах оппонентов, ведущей организации, ведущих ученых, приславших отзывы на автореферат, отмечен высокий уровень представленных к защите работ, их безусловная новизна и актуальность, теоретическая и практическая значимость.

Обе работы выполнены в рамках научного направления кафедры, связанного с изучением динамики регионального языкового существования (на материале русского языка в Дальневосточном регионе).

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение
по направлению подготовки 42.03.01
«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения: 4 года, очно

Область профессиональной деятельности выпускников по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью» включает:

- государственные структуры федерального, регионального, местного уровней;
- негосударственные учреждения и организации, общественные организации, СМИ;
- консалтинговые агентства, рекламные агентства, агентства по связям с общественностью, коммуникационные агентства;
- учреждения и организации политической, экономической, социальной, образовательной, научной, производственной, сервисной, культурной и других областей и сфер;
- рекламные подразделения и подразделения связей с общественностью коммерческих фирм и других организаций в различных сферах деятельности и различных отраслях народного хозяйства.

По окончании обучения вы можете продолжить свое образование в магистратуре АмГУ, а после окончания магистратуры – в аспирантуре по различным специальностям гуманитарного профиля.

Будущая профессиональная деятельность:

- управление и организация работы рекламных служб и служб по связям с общественностью;
- планирование и контроль рекламной работы;
- мероприятия по повышению имиджа организации, продвижению товаров и услуг на рынке;
- проектирование программ и мероприятий в области рекламы и связи с общественностью;
- разработка и подготовка к выпуску, производство и распространение рекламной продукции, презентационных материалов.

Возможности студентов:

- участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ и др.);
- проведение научных исследований (научные конференции, публикации, аспирантура);
- участие во всероссийских, областных конкурсах рекламы, Днях рекламы и ПР, выездных ПР-школах, проводимых в Амурском государственном университете;

- самореализация в творческих коллективах факультета и университета (команда КВН, художественные конкурсы, студенческие театры «Глобус» и «М.и.р.», танцевальные и вокальные коллективы и др.);

- реализация организаторских и лидерских способностей (работает студенческий актив).

Студенты, обучающиеся по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью», изучают следующие дисциплины:

- *основы теории коммуникации,*
- *теория и практика связей с общественностью,*
- *социология и психология массовой коммуникации,*
- *основы менеджмента,*
- *основы маркетинга,*
- *реклама в коммуникационном процессе,*
- *имиджелогия,*
- *язык рекламы,*
- *организация работы отдела по связям с общественностью,*
- *современная пресс-служба,*
- *проведение ПР-кампаний,*
- *дизайн в рекламе,*
- *ПР-технологии в переговорном процессе,*
- *ПР-технологии в избирательной кампании и др.*

За время обучения студенты проходят учебные и производственные практики, места проведения которых могут стать потенциальным местом трудоустройства выпускников: отделы по связям с общественностью и рекламе в государственных и негосударственных структурах, рекламные агентства, СМИ и др.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:

обществознание; русский язык; история

Наш адрес:

675027, г. Благовещенск Амурской обл., Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,

7 корпус, ауд.407 (кафедра русского языка)

Сайт университета: www.amursu.ru

Зав. кафедрой русского языка **Елена Александровна Оглезнева**

☎: (4162) 394-583

ПРИХОДИТЕ УЧИТЬСЯ К НАМ!

**МЫ ЖДЕМ ТВОРЧЕСКИХ, КРЕАТИВНЫХ,
ПОЗИТИВНЫХ СТУДЕНТОВ,
КОТОРЫХ НАУЧИМ ДЕЛАТЬ МИР ЯРЧЕ!**

Амурский государственный университет
Филологический факультет
предлагает обучение
по направлению подготовки 45.03.01
«ФИЛОЛОГИЯ»

Квалификация БАКАЛАВР

Срок обучения 4 года, очно

Профили подготовки (по выбору):

***Преподавание русского языка как иностранного и неродного
Отечественная филология***

Ты по складу гуманитарий, но не решаешься поступать на филологию, думая, что сегодня филолог не востребован на рынке труда?

Ты ошибаешься!

Наше время – это время, когда знание языка и литературы помогает их продвижению в мире.

Наше время – это время, когда филологическое умение работать с текстом позволяет делать его грамотным, креативным, востребованным в таких сферах коммуникации, как реклама, ПР, СМИ.

Наше время – это время информации, которую нужно уметь донести до адресата и тем самым достичь целей общения.

А кто, как не **ФИЛОЛОГ**, владеет искусством убеждения!

Кто, как не **ФИЛОЛОГ**, знаток языка и литературы, умеет обращаться со **СЛОВОМ**, обеспечивая тем самым высокое качество любой речевой коммуникации!

Кроме того, **филологическое образование** предполагает получение большого культурного опыта человечества, что неизбежно меняет наших студентов в личностном плане, делая их людьми утонченными в восприятии мира, интересными собеседниками, хорошими психологами.

В наше время выпускник филологического факультета найдет применение своим знаниям в самых разнообразных **сферах деятельности**:

- ☒ учреждениях науки, образования и управления;
- ☒ отделах по связям с общественностью и рекламе;
- ☒ пресс-службах;
- ☒ средствах массовой информации;
- ☒ редакциях и издательства;
- ☒ общественных организациях;
- ☒ учреждениях культуры – литературных музеях, архивах, библиотеках и др.

Освоив программу профиля **«Преподавание русского языка как иностранного и неродного»**, выпускник может преподавать русский язык иностранцам и тем гражданам, для которых русский язык не является родным, как в России, так и за рубежом, осуществлять тестирование на знание русского языка, работать в иностранных представительствах.

Итак, направление подготовки – **ФИЛОЛОГИЯ**

Изучаемые дисциплины

Дисциплины профиля «Отечественная филология»

История русской и зарубежной литературы, современный русский язык и его история, основы филологии, введение в языкознание, введение в литературоведение, устное народное творчество, введение в теорию коммуникации, введение в славянскую филологию, стилистика русского языка, современные информационные технологии в лингвистических исследованиях, древние языки (латинский, старославянский), социолингвистика, практическая риторика, история и теория литературной критики, основы деловой коммуникации, основы теории текста и др.

Дисциплины профиля «Преподавание русского языка как иностранного и неродного»:
психология и педагогика, этнопсихология, межкультурная коммуникация, методика обучения русскому языку как иностранному и неродному (РКИ), теория и практика лингводидактического тестирования, практикум по произношению и интонированию, лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного и др.

Обучение по направлению подготовки «Филология» ведут квалифицированные преподаватели – доктора и кандидаты наук, являющиеся специалистами в области русского языка и литературы.

Выпускники бакалавриата по направлению подготовки «Филология» имеют возможность продолжить свое обучение в **магистратуре** АмГУ по программам подготовки «Экспертиза рекламы и ПР-продуктов», «Русский язык в межкультурной коммуникации», «Филологическое обеспечение международных культурных связей», «Издательское дело» и др.

По окончании магистратуры возможно продолжить образование в **аспирантуре АмГУ** по научным специальностям «Русский язык», «Теория и история культуры», «Социальная философия», «Философия религии и религиоведения».

Кафедры сотрудничают со специалистами из ведущих университетов страны (Москва, Томск, Красноярск, Улан-Удэ) и с зарубежными вузами и научными центрами (Германия, КНР, США, Франция).

Возможности студентов во время обучения в университете:

- участие во Всероссийских олимпиадах, международных, Всероссийских и региональных стипендиальных программах (Благотворительный фонд В. Потанина, стипендия Н.Н. Муравьева-Амурского, стипендия ректора АмГУ, стипендия Губернатора и др.), конкурсах грантов;
- проведение собственных научных исследований, результатом которых могут быть выступления на научных конференциях и научные публикации;
- участие в творческих коллективах университета: команде КВН, студенческих театрах «Глобус» и «М.и.р.», танцевальных и вокальных коллективах и др.

Условия обучения

Обучение проходит в оборудованных аудиториях новых учебных корпусов. В распоряжении студентов – Научная библиотека АмГУ, лингафонные кабинеты, компьютерные классы, научные лаборатории.

Университет располагает спортивным комплексом, бассейном.

Культурная жизнь сосредоточена в новом Общественно-культурном центре АмГУ.
Иногородним студентам предоставляется общежитие.

Для поступления необходимо сдать ЕГЭ по следующим предметам:
русский язык; литература; обществознание

Наш адрес: 675027, г.Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, АмГУ,
корпус 7, ауд.407 (кафедра русского языка), ☎: (4162) 394-583

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Зав. кафедрой русского языка Елена Александровна Оглезнева

Сайт университета: www.amursu.ru

*Мы ждем на факультете людей, понимающих и любящих СЛОВО,
верящих в его непреходящую силу,
готовых улучшить мир своими познаниями в области филологии!*

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение по направлению подготовки 42.04.01
«РЕКЛАМА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ»
(магистратура)
специализированная программа
«ЭКСПЕРТИЗА РЕКЛАМЫ И ПР-ПРОДУКТОВ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

➤ Хотите профессионально разбираться в современных технологиях в области рекламы и ПР?

➤ Хотите выступать квалифицированным экспертом рекламных и ПР-продуктов?

Поступайте к нам в магистратуру!

Вы получите знания и профессиональные навыки в области современной рекламной и ПР-коммуникации, что позволит Вам реализовать себя профессионально в этой сфере деятельности, а также выступать квалифицированными экспертами рекламных и ПР-продуктов.

Это особенно актуально в современный период, характеризующийся жесткой конкуренцией товаров и услуг, сопровождаемой рекламными кампаниями и ПР-акциями, которые даже в этих условиях должны соответствовать правилам цивилизованного общества. Квалифицированная экспертиза такого соответствия с учетом правовых, психологических, языковых и других составляющих – то основное профессиональное умение, которое формируется в процессе освоения нашей магистерской программы.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит применить вам свои знания в любом уголке нашей страны и за рубежом.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (*по любой специальности или направлению подготовки*) или дипломы других государств, эквивалентные российским.

Вступительные испытания: тест по современному русскому языку.

Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, производственную практики.

Завершается обучение защитой магистерской диссертации.

Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Экспертиза рекламы и ПР-продуктов»:

- *Теория речевого воздействия, Активные процессы в современном русском языке, Языковая прагматика, Психология рекламы, Психологическая экспертиза рекламы и PR-продуктов, Правовая экспертиза рекламы и PR-продуктов, Основы юрислингвистики и лингвистическая экспертиза рекламы, Нейролингвистическое программирование, Стилистика и литературное редактирование, Основы копирайтинга, Имиджология, Теория и практика PR, Теория и практика рекламы, Коммуникационный менеджмент, Репутационный менеджмент, Теория и практика массовой информации, Медиапланирование, Иностранный язык, Коммуникативно-риторический практикум, Семиотика социальной коммуникации.*

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 42.04.01 – «Реклама и связи с общественностью» являются государственные структуры, негосударственные общественные организации, коммерческие учреждения, средства массовой информации.

Магистр готовится к следующим видам профессиональной деятельности:

- **организационно-управленческой:** управление коммуникационными службами рекламы и PR фирмы и организации, контроль и оценка эффективности деятельности организации в области рекламы и PR;
- **коммуникационной:** руководство проектированием, подготовкой и реализацией коммуникационных кампаний, создание эффективной коммуникационной инфраструктуры организации;
- **проектной:** разработка стратегических рекламных и PR-концепций и оценка их качества и эффективности;
- **информационно-аналитической:** проведение исследований, анализ и интерпретация первичной и вторичной информации, связанной с рекламой и PR, составление экспертных заключений и аналитических рекомендаций по оптимизации рекламной и PR-деятельности, проведение консультационной работы по вопросам рыночных и социальных отношений в области рекламы и PR;
- **научно-исследовательской и педагогической:** выявление тенденций, динамики процессов и инновационных явлений рекламного характера, определение проблем, подбор методик проведения рыночных и социологических исследований, анализ и интерпретация результатов, подготовка публикаций, прогнозов по результатам выполненных научно-практических исследований в сфере рекламных и PR-коммуникаций.

(Выписка из Федерального государственного стандарта направления подготовки магистра по направлению подготовки «Реклама и связи с общественностью»)

Что для меня магистратура? Я решила поставить перед собой задачу, выполнение которой открыло бы новые грани моих возможностей. Содержание обучения настолько интересно и разнообразно, красота и гармония внутреннего мира преподавателей настолько ощутимы, что уходит ментальная ограниченность, жизнь наполнена новым смыслом, и ценным становится понимание: счастье, что много дней еще впереди! Для меня магистратура – это возвышенное сознание!

Любовь Крачкова, гр. 298-ом

Для меня магистратура – это одна из самых популярных и престижных сегодня форм обучения. За годы обучения в вузе все стало родным и знакомым, поэтому я решила продолжить обучение в магистратуре. Здесь я познакомилась с интересными людьми, приобрела достаточно знаний и навыков, которые мне уже пригодились и, не сомневаюсь, пригодятся еще в будущем. В целом для меня магистратура стала территорией успеха.

Регина Шохирева, гр. 298-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливающей аудиторией.

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Наш адрес: 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус № 7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,

e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Амурский государственный университет
Филологический факультет
Кафедра русского языка
предлагает обучение по направлению подготовки 45.04.01

«ФИЛОЛОГИЯ»

(магистратура)

специализированная программа

«РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ»

Квалификация МАГИСТР

Срок обучения 2 года, очно

- Вы хотите преподавать русский язык иностранцам и делать это на высоком научном и методическом уровне?
- Вы хотите профессионально разбираться и выступать экспертом в вопросах межкультурного и межъязыкового взаимодействия?

Мы поможем Вам в этом в магистратуре Амурского государственного университета по филологии.

Вы получите фундаментальные знания и профессиональные навыки в области современной межъязыковой и межкультурной коммуникации.

Это особенно актуально на российском Дальнем Востоке и в приграничных странах Азии – в регионах тесного межъязыкового и межкультурного взаимодействия.

Квалификация магистра по указанной программе позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах, занимать руководящие должности в сфере образовательных и культурных международных связей, заниматься научно-исследовательской деятельностью.

В магистратуру принимаются лица, имеющие дипломы российских вузов, подтверждающие квалификацию бакалавра или специалиста (**не обязательно по филологии**), или дипломы других государств, эквивалентные российским.

По завершении обучения вы получите диплом магистра государственного образца, который позволит успешно преподавать русский язык как иностранный в зарубежных странах и в России.

Обучение в магистратуре предполагает аудиторные занятия (14 часов в неделю в вечернее время) и самостоятельную работу, включая научно-исследовательскую, проектную, педагогическую практики

Завершается обучение защитой магистерской диссертации. Возможно дальнейшее продолжение образования в аспирантуре.

Вступительные испытания: тест по современному русскому языку.

Перед тестом проводится консультация. Планируется проведение подготовительных занятий для поступающих в магистратуру.

Руководитель магистерской программы Елена Александровна Оглезнева – доктор филологических наук, заведующий кафедрой русского языка Амурского государственного уни-

верситета, автор книг «Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания» (2007), «Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине)» (2009), в 1998-1999 гг. преподавала русский язык в главном вузе Китая – Пекинском университете.

Дисциплины учебного плана магистратуры по специализированной программе подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»:

Филология в системе современного гуманитарного знания, Теория коммуникации, Теория текста, Теория дискурса и основы дискурсивного анализа, Языковая прагматика, Активные процессы в современном русском языке, Межкультурная коммуникация, Этнопсихология, Информационные технологии, Деловой иностранный язык, Филологический анализ текста в иноязычной аудитории, Методика обучения русскому языку как иностранному (РКИ), Моделирование учебного процесса, Теория и практика лингводидактического тестирования, Практическая стилистика в изучении РКИ, Практикум по произношению и интонированию, Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного, Язык СМИ / Лингвокультурология, Сопоставительное языкознание, Педагогика, Психология коммуникации / Возрастная психология, Лексикографические источники в преподавании РКИ, Имиджелогия в сфере межкультурной коммуникации, Гуманитарная семиотика, Спецкурсы, спецсеминары и мастер-классы.

Практики: научно-исследовательская, педагогическая (в вузах КНР), практика по педагогическому проектированию.

Объектами профессиональной деятельности магистров по направлению подготовки 032700.68 – «филология» являются различные типы текстов – письменных, устных и виртуальных (включая гипертексты и текстовые элементы мультимедийных объектов); устная и письменная коммуникация.

Опыт подготовки магистров на кафедре русского языка Амурского государственного университета показывает высокую заинтересованность магистрантов в получении специализированных знаний, творческий подход к процессу обучения. Это вполне объяснимо: в магистратуру идут осознанно с целью повысить свой профессиональный уровень или получить новые знания дополнительно к имеющемуся базовому образованию.

Магистратура – это возможность расширить круг знаний и поднять на более высокий уровень свою профессиональную планку. А еще это возможность перенять знания и опыт профессионалов, встречи с интересными людьми и радость общения с коллегами-магистрантами.

Светлана Калугина, гр. 198-ом

Обучение в магистратуре – это интересно и перспективно, к тому же очень удобно учиться по очной форме вечером после работы. В магистратуре многое приходится изучать самостоятельно, а это учит мыслить системно, анализировать, ответственно относиться к выполнению заданий, что потом переносится и на работу.

Ольга Хлебникова, гр. 198-ом

Для меня магистратура – это любимые преподаватели, захватывающая учеба и возможность снова почувствовать себя студентом.

Михаил Заремба, гр. 198-ом

От преподавателей добавим, что магистратура – это действительно новый, более высокий уровень образования, который, с одной стороны, обязывает нас быть на высоте современных знаний и образовательных технологий, а с другой стороны, – дарит действительно счастье от сотворчества с благодарной, знающей и пытливой аудиторией.

Международные контакты – на новый уровень!

Наш адрес:

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

*Кафедра русского языка: учебный корпус №7,
ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83, e-mail: slovoamgu@yandex.ru*

Подготовительное отделение для иностранных граждан и кафедры русского языка
Амурского государственного университета
проводят **ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЕ КУРСЫ**
и реализуют **ПРОГРАММЫ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ**
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ
для иностранных граждан

В программу обучения входят лингвистические, лингвострановедческие и культуроведческие дисциплины, а также практические курсы, направленные на формирование и совершенствование всех видов речевой деятельности.

Подготовительные курсы по русскому языку как иностранному, в том числе для поступления в университет и сертификационного тестирования:

Сроки обучения: один год (с 1 сентября 2015 г. по 30 июня 2016 г.)

Стоимость: 98 245 рублей

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления.

Обучение в группе 15 человек

Программа обучения

Разговорная речь	136 ч.
Литература	68 ч.
Грамматика	136 ч.
Аудирование	68 ч.
Лексика	136 ч.
Лингвострановедение	68 ч.
Фонетика	68 ч.
Домашнее чтение	68 ч.
Письменная речь	68 ч.
История, обществознание	120 ч.
Математика, физика	120 ч.

Всего: 34 учебные недели, 1056 аудиторных часов в год

Стажировки по русскому языку как иностранному

Сроки обучения: 9 месяцев (с 1 сентября 2015 г. по 30 мая 2016 г.)

Стоимость: 78. 290 рублей.

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления

Обучение в группе 15 человек

Программа обучения

Лексикология современного русского языка	102 ч.
Грамматика современного русского языка	102 ч.
Фонетический практикум	68 ч.
Разговорная речь	102 ч.
Язык СМИ (радио, телевидение, газета)	68 ч.

Чтение и аудирование	68 ч.
Письмо и правила деловой переписки	68 ч.
Лингвистическое страноведение	68 ч.
Деловое общение	34 ч.
Стилистика текста	34 ч.
История русской культуры	44 ч.
История русской литературы (классика и современный период)	68 ч.

Всего: 34 учебные недели, 826 аудиторных часов в год

Количество аудиторных часов зависит от срока обучения

Летняя школа по русскому языку как иностранному

Сроки обучения: 2 недели. Всего: 60 часов

Стоимость: 6 540 рублей.

Правила приема: без экзамена, на основе личного заявления

Обучение в группе 15 человек

Программа обучения

Практический курс русского языка 20 ч.

Разговорно-страноведческая практика 20 ч.

Учебно-коммуникативная практика 20 ч.

По окончании обучения выдается сертификат установленного образца

Культурная среда, живое общение преподавателей и студентов способствуют формированию высокого уровня владения русским языком.

В подготовке стажеров, бакалавров и магистрантов принимают участие 2 профессора, 1 доктор и 7 кандидатов филологических наук.

Иностранные граждане могут обучаться в **магистратуре** Амурского государственного университета по направлению подготовки «**Филология**» (*специализированная программа подготовки магистров «Русский язык в межкультурной коммуникации»*) и по направлению подготовки «**Реклама и связи с общественностью**» (*специализированная программа подготовки магистров «Экспертиза рекламных и ПР-продуктов»*).

Наши координаты

Почтовый адрес: Россия, 675027, Амурская обл., г. Благовещенск, ул. Игнатьевское шоссе, 21.

Тел.факс (4162)39-45-25, тел. (4162)39-46-86.

Сайт АмГУ: www.amursu.ru

Кафедра русского языка: учебный корпус №7, ауд. 407, тел. 8(4162)39-45-83,

e-mail: slovoamgu@yandex.ru

Руководитель подготовительного отделения для иностранных граждан –

доцент, канд.филол.наук Куроедова Марина Алексеевна

e-mail: kuroyedova@mail.ru

Кафедра русского языка
Амурского государственного университета
проводит
**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ТЕСТИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ**

Тестирование осуществляется по следующим направлениям:

1. Тестирование по русскому языку для приема в гражданство Российской Федерации.
2. Тестирование на сертификационный уровень (элементарный, базовый, первый, второй, третий, четвертый).
3. Тестирование трудящихся мигрантов на соискание разрешения на получение работы (патента).
4. Тестирование соискателей получения разрешения на временное проживание в Российской Федерации или вида на жительство.

Тестирование осуществляют преподаватели кафедры русского языка, получившие специальную подготовку в Российском университете дружбы народов (РУДН, г. Москва) и в Московском государственном университете (МГУ, г. Москва). По результатам тестирования выдается сертификат государственного образца.

На тестировании необходимо иметь при себе:

1. Оригинал документа, удостоверяющего личность (паспорт и его перевод, вид на жительство, удостоверение беженца).
2. Копию паспорта (страница с фотографией) и его перевода, либо первой страницы вида на жительство.
3. Квитанцию об оплате тестирования.

Главным центром тестирования граждан зарубежных стран установлена следующая **стоимость тестирования:**

- ✓ Интегрированный экзамен на получение разрешения на работу (патента) – 4 900 руб.
- ✓ Интегрированный экзамен на получение разрешения на временное проживание и вида на жительство – 5 300 руб.
- ✓ Интегрированный экзамен по истории и основам законодательства РФ на получение разрешения на работу (патента) – 5 300 руб.
- ✓ Экзамен по русскому языку на получение гражданства РФ – 6 000 руб.
- ✓ Элементарный уровень (ТЭУ/А1) – 6 000 руб.
- ✓ Базовый (ТБУ/А2) – 6 000 руб.
- ✓ Первый (ТРКИ-I/В1) – 6 000 руб.
- ✓ Второй (ТРКИ-II/В2) – 6 200 руб.
- ✓ Третий (ТРКИ-III/С1) – 6 200 руб.
- ✓ Четвертый (ТРКИ-IV/С2) – 6 500 руб.

Обращаться **по телефонам** 8(4162)394583; 89145963739 в рабочие дни с 9.00 до 15.00.

Адрес: г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, учебный корпус 7, ауд. 407.

Амурский государственный университет
Кафедра русского языка
Лаборатория региональной лингвистики

Адрес: 675027, Амурская обл., Благовещенск,
Игнатьевское шоссе, 21

Тел.: (4162)394583;
(4162)394588

Факс: (4162)367353

E-mail: slovoamgu@yandex.ru

Уважаемые коллеги!

Приглашаем Вас принять участие в фольклорно-диалектологическом альманахе «Слово», посвященном проблемам региональной лингвистики, русской диалектологии, лингвофольклористики и этнолингвистики. Альманах «Слово» – это продолжающееся научное издание Амурского государственного университета.

Издание входит в базу данных РИНЦ.

В альманахе публикуются статьи и материалы следующей тематики:

- ✎ *Современное языковое бытие региона*
- ✎ *Русские говоры на рубеже XX-XXI веков*
- ✎ *История формирования русских народных говоров*
- ✎ *Региолект как современное и историческое явление*
- ✎ *Межъязыковое взаимодействие в регионах*
- ✎ *Русский язык в зарубежных регионах*
- ✎ *Региональная и национальная языковая картина мира*
- ✎ *Особенности языка религиозных конфессиональных сообществ в регионах*
- ✎ *Язык современного города*
- ✎ *Региональная лингвоперсонология и жанрология*
- ✎ *Язык традиционного и современного фольклора*
- ✎ *Лингвогеографический аспект изучения русских народных говоров*
- ✎ *Региональная лексикография и источниковедение*

Альманах будет сопровожден звуковым приложением на компакт-диске.

Требования к публикации

Объем статьи — до 0,5 п.л. (12 стр. по 1800 знаков в каждой), шрифт Time New Roman, формат – RTF, DOC; кегль – 14, интервал 1,5.

Статья должна сопровождаться краткой аннотацией на русском и английском языках, ключевыми словами на русском и английском языках, иметь код универсальной десятичной классификации (УДК). Название статьи также должно быть переведено на английский язык.

Сведения об авторе (на русском и английском языках): Ф.И.О. полностью, должность, ученая степень, ученое звание, полное название организации, адрес, телефон, e-mail.

Для отражения особенностей диалектной речи рекомендуется использовать следующий набор символов:

знак	звук	шрифт
Y y	г фрикативный	Symbol
ÿ	в билабиальный	Times New Roman
W w	в губно-губной	Times New Roman
ə	средний гласный	Tahoma

Для отображения ударных гласных используйте шрифт **Times New Roman Cyrillic Accent** Все указанные символы вставляйте в текст командой (*вставка > символ*).

Иллюстрации и диаграммы вставляйте в текст в виде предварительно подготовленных изображений (*вставка > рисунок > из файла*), а не создавайте средствами MS Word.

Требования обусловлены особенностями электронной версии альманаха, верстка которой осуществляется в формате **html**.

При наличии звукового фрагмента к статье рекомендуется присылать его на компакт-диске (параметры аудиозаписи: **.mp3** [минимум 44kHz, 192kbps] или **.wav**) или указывать адрес в Интернет, откуда может производиться копирование Вашего звукового фрагмента.

Статьи присылаются по адресу: Благовещенск Амурской обл., 675027, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка

или по электронной почте: slovoamgu@yandex.ru

Авторские экземпляры будут высылаться бесплатно.

Желающие приобрести уже вышедшие из печати выпуски, а также другие издания кафедры могут сделать заказ по адресу: 675027, Амурской обл., Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, кафедра русского языка

или по электронному адресу: slovoamgu@yandex.ru

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып.1. Фольклор. 2003 (стоимость – 100.00 руб.); ISBN 5-93493-037-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 3. Формы существования современного русского языка. Сборник научных статей. 2005 (стоимость – 100.00 руб.);

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 4. Амурское старообрядчество: речевые портреты. Речевые жанры. Словарь. Язык фольклора. 2006 (стоимость – 150.00 руб.); ISBN 5-93493-068-0;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 6, специальный. Русское слово в восточном зарубежье. 2008 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 7. Речевой портрет семьи. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора. 2009 (стоимость – 200.00 руб.); ISBN 5-93493-125-5;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 9. Славянское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2011. (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 10 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2013 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Материалы научных экспедиций. Вып. 11 / под ред. Н.Г. Архиповой, Е.А. Оглезневой. 2014 (стоимость – 400.00 руб.) ISSN 2221-5220;

Оглезнева Е.А. Русско-китайский пиджин: опыт социолингвистического описания. Благовещенск: АмГУ, 2007. 264 с. ISBN 978-5-93493-070-2 (стоимость – 200.00 руб.);

Оглезнева Е.А. Русский язык в восточном зарубежье (на материале русской речи в Харбине). Благовещенск: АмГУ, 2009. 352 с. ISBN 978-5-93493-122-4 (стоимость – 250.00 руб.);

Языковой портрет Приамурья: монография / Под ред. Л.М. Шипановской. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2011. 223 с. (стоимость – 150.00 руб.).

Языковая ситуация на Дальнем Востоке России и приграничной территории (на материале Приамурья и провинции Хэйлунцзян, Китай) / под ред. Е.А. Оглезневой // Блохинская А.В., Гордеева С.В., Касимова Е.В., Оглезнева Е.А., Цзян Ин. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2014. – 164 с. (стоимость – 300.00 руб.).

Издания высылаются наложенным платежом (+ почтовые расходы), авторские экземпляры – бесплатно.

По желанию можно заказать компакт-диск, содержащий электронную версию альманаха, а также фото, видео и аудиофайлы (для выпусков 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9, 10, 11).

Стоимость компакт-диска – 50 руб.

Внимание! Только в электронном виде существуют:

Вып. 2. Речевые портреты и жанры. Словарь. Язык фольклора (2005).

Вып. 5. Амурские молокане: речевые портреты. Речевые жанры. Лингвогеография. Словарь. Язык фольклора (2007).

Вып. 8. Русско-китайское языковое взаимодействие в Дальневосточном регионе (2010).

Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. Выпуск 12. Научное издание.

Изд-во АмГУ. Подписано к печати 28.05.2015 Формат 60х84/8. Усл.-печ.л. 23,25
Тираж 500. Заказ 622. Отпечатано в типографии АмГУ.

Для заметок

Для заметок